

- [Нилин Павел](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Нилин Павел

Испытательный срок

Павел Нилин
Испытательный срок

1

Зайцев быстро освоился. Он носил теперь старенькое, узковатое в плечах пальто, не иначе как приподняв воротник. Кепку натягивал до самых бровей, так, что не было видно огненно-рыжих волос. И смотрел на всех, чуть выкатив сердитые серые глаза.

Еще весной на книжном развале он купил замусоленную книжку с описанием японских способов борьбы, собранных, как было указано на обложке, господином Сигимицу, начальником тайной полиции, в помощь сыщикам, морякам и господам офицерам, желающим усовершенствовать свою мускулатуру.

Сделавшись, таким образом, обладателем всех этих хитроумных способов борьбы, Зайцев прямо-таки рвался к деятельности, бурной, рискованной, головокружительной, готовый хоть сейчас поставить на карту всю свою восемнадцатилетнюю жизнь.

А деятельности все еще не было.

Вернее, деятельность-то была: в уголовном розыске почти непрерывно звонил телефон - из районов города и губернии сообщали о происшествиях убийствах, кражах, ограблениях. Но Зайцева пока не допускали к этим делам.

И Егорова не допускали.

Впрочем, Егоров, как видно, и не стремился к опасным приключениям.

Угрюмый, стеснительный, похожий в кургузом черном пиджачке и в вылинявшей форменной фуражке на обносившегося гимназиста, он целый день сидел на широкой скамейке, где обычно ожидают своей очереди потерпевшие или задержанные по подозрению, пока их не опросит дежурный. И его самого было легко принять за потерпевшего.

Дежурный по городу так ему и сказал:

- Ты, брат, тут не сиди. А то ты только путаешь меня...

Егоров пересаживался поближе к столу дежурного. Но и здесь сидеть было уж совсем неудобно. К столу то и дело подводят задержанных или подходят потерпевшие, и надо все время кому-то уступать место.

А Зайцев большую часть дня проводил в разных комнатах - слушал, как ведут допросы, или заглядывал в окошечко арестного помещения, где сидят и шумно переговариваются еще, должно быть, не протрезвившиеся самогонщики.

Да и протрезвиться им мудрено: отобранные у них самогонные аппараты свалены тут же рядом, в кладовой, отчего весь коридор пропах сивухой. Чиркни, кажется, спичкой - и воздух вспыхнет синим спиртовым пламенем.

Встретив в этом длинном полутемном коридоре заблудившуюся торговку, пришедшую заявить о краже со взломом, Зайцев, раньше чем провести ее к дежурному по городу, сам ей тут же учинял допрос. И держал правую руку в кармане, будто у него там пистолет. Но пистолета Зайцеву еще не выдали.

И Егорову не выдали.

И неизвестно, выдадут ли. Неизвестно даже, оставят ли их работать в этом грозном учреждении.

Жур, к которому они прикреплены в качестве стажеров, вот уже который день лежит в больнице. Его подстрелили бандиты на Извозничьей горе. Говорят, очень сильно попортили ему руку. И еще не известно, вернется ли Жур к исполнению своих обязанностей.

Ничего не известно.

А время идет.

Дежурный по городу, сидя за обшарпанным столом, часто взглядывает на стенные часы и записывает время в толстую тетрадь. Он записывает с точностью до минут, когда было заявлено о происшествии, когда агенты поехали на поимку преступников, когда привели задержанных. Он записывает течение времени. Спокойно записывает, потому что ему некуда спешить. Он уже устроился на работу, и вместе с временем идет ему зарплата.

А Егорову и Зайцеву зарплата не определена.

Все будет зависеть от Жура. И не только от Жура, но и от обстоятельств.

Дело в том, что в губкоме комсомола ошибочно выписали две путевки на одну штатную должность. Значит, кто-то один может остаться на работе - или Егоров, или Зайцев.

- Останется тот, кто покажет себя с лучшей стороны, - сказал Жур в первый же день, как приставили к нему стажеров. - Но вообще-то вы не сильно тревожьтесь, ребята. Штат, конечно, почти весь заполнен. Однако у нас особая работа: все время происходит движение в личном составе.

Может, вам внезапно обоим повезет. Вдруг откроется непредвиденный шанс.

- Понятно, - кивнул Зайцев и весело улыбнулся, как Жур.

А Егоров ничего не понял. Не понял, какой может вдруг открыться непредвиденный шанс.

Зайцев объяснил ему это, когда они вышли из комнатки Жура.

- Ну, честное слово, ты как бестолковый, - сказал Зайцев. - Сотрудники же непрерывно убивают. Ты сам видишь, какой повсюду бандитизм. Даже в газетах об этом пишут. Ну и вот, если кого-нибудь при нас убьют, нам освободятся места. Или, - Зайцев опять улыбнулся, - или нас самих тут ухлопают, пока мы еще не в штате...

У Егорова потемнело лицо.

- Боишься? - спросил Зайцев.

- А ты?

- Не очень.

- Ну и я, - сказал Егоров.

И по-другому он не мог сказать. Неужели он признается, что боится! А может, Зайцев нарочно испытывает его?

Зайцеву было бы куда лучше, если б Егоров испугался: пошел бы в губком комсомола и заявил, что тут у вас, мол, вышла ошибка - две путевки на одну должность. Пусть, мол, там в угрозыске остается Зайцев, а я хотел бы пойти на курсы счетоводов, как настаивает моя сестра Катя. Или хорошо бы, если есть свободная путевка, устроиться в Завьяловские механические мастерские - учиться на слесаря-водопроводчика, как советовал покойный отец.

Конечно, Зайцев был бы доволен, если б Егоров именно так поступил. Но Егоров так не поступит. Ни за что не поступит.

Нет, уж он лучше подождет Жура. Подождет сколько надо. Хотя сидеть часами в дежурке и ждать своей участи очень нелегко.

Дежурный по городу, когда подле него нет ни задержанных, ни потерпевших, достает из-под бумаг пачку печенья "Яхта", сердито разрывает обложку и, откусывая сразу от двух печенюшек, пьет чай из крышки от американского термоса.

На Егорова он теперь не обращает никакого внимания, будто это не человек, а неодушевленный предмет, такой же, как высокая китайская ваза, что стоит зачем-то вон там в углу.

Напившись чаю и съев в задумчивости всю пачку печенья, дежурный выплескивает из термосной крышки остатки чая прямо на пол, завинчивает термос и, вытерев губы аккуратным сложенным носовым платком, выдвигает

ящик стола.

В ящичке он устанавливает небольшое зеркало и, глядя в него, осторожно, как женщина, укладывает пальцами волнистые длинные волосы.

Вдруг на щеке он заметил какой-то непорядок, пятнышко какое-то, обеспокоился, сделал страдальческое лицо и стал натягивать кожу ногтями. Ногти у него давно не обрезались - такая мода. Особенно длинный ноготь на мизинце. Этим ногтем, как шилом, он долго оперирует щеку - счищает пятнышко, и ему, наверно, совсем неинтересно, что о нем думает Егоров.

А Егоров думает о многом.

В Дударях, где он жил недавно, тоже есть уголовный розыск. У Егорова там были знакомые ребята. Он иногда заходил к ним. И вот если сравнить ту дежурку в Дударях с этой, то получится просто позор. - Там, в Дударях, чистота, все стены заново побелены, а тут только слава, что губернский уголовный розыск. Пол затоптан, стены и вся мебель обшарпаны.

И на стенах всюду надписи гвоздем, и карандашом, и еще чем-то. Например: "Усякин, я тебя не боюсь", или: "Иванова Женя пусть помнит...", дальше зачеркнуто карандашом. "Костю Варюхина давно бы надо выгнать отсюда. Даже фамилия, обратите внимание, Варюхин. Этого терпеть нельзя". И опять: "Усякин, я тебя не боюсь".

Дежурный, должно быть, не видит, не замечает этих надписей.

Выдавив угорь на щеке, он осторожно прижигает ранку пробочкой от пузырька с йодом. Затем выходит из-за стола, и по-петушиному отставив ногу, как артист на сцене, читает стихи, грустно глядя в отпотевшее окно, за которым идет дождь со снегом:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.

Увяданья золотом охваченный,

Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,

Сердце, тронутое...

- А кто такой Усякин? - вдруг спрашивает Егоров.

Дежурный, вздрогнув и прищурившись, подозрительно смотрит на Егорова.

- А тебе зачем?

- Тут написано, - показывает Егоров.

- Мало ли что тут написано, - строго говорит дежурный. И опять садится за стол, сметая рукой обложку от печенья в специальную корзинку,

стоящую подле стола.

Зайцев уже узнал, что этот дежурный по городу готовится в артисты.

"Все куда-нибудь готовятся, - уныло и завистливо думает Егоров. - А я..."

И не может додумать свою мысль до конца. Не успевает. На столе звонит телефон и спутывает мысли Егорова.

- Дежурный по городу Бармашев вас слушает, - говорит в телефонную трубку дежурный. И, как-то по-особенному вывернув ручку, записывает широким пером "рондо" очередное происшествие.

Почерк у дежурного тонкий, паутинный, со многими завитушками. И сколько Егоров ни вытягивает шею, он все равно не может прочитать, что там записывает в толстую тетрадь дежурный.

А Егорову хочется узнать, где что случилось. Каждый звонок волнует его. Но заговаривать с дежурным он больше не решается. Чего доброго, дежурный еще скажет:

- А ну-ка, иди отсюда. Ты мне мешаешь...

Егоров старается сидеть тихо. Вид у него вялый. Глядя со стороны, можно подумать, что он хочет спать. Но он спать совсем не хочет. Внутри у него все кипит и клокочет.

Уж лучше бы ему, чем сидеть вот так без толку, опять пойти по дворам. Если нет постоянной работы, можно наняться к кому-нибудь попилить, поколоть дрова, тем более у него есть хорошая лучковая пила и колун - еще от покойного отца остались. Все-таки заработок.

А то вечером придешь домой, сестра Катя спросит:

- Ну как, сыщик, кого поймал?

- Никого я не поймал, но поймаю, - скажет Егоров. - Вот посмотришь, поймаю...

- Ну уж ладно, - невесело засмеется Катя. И поставит перед ним чугунок с теплыми картошками в мундирах. - Кушай уж что есть. И получше тебя люди не могут устроиться...

Прямо в горле останавливаются эти картошки. А что делать?

И Катю винить нельзя. Ей трудно, у нее трое ребятишек, без отца. Она целый день и ночь стирает и гладит, стирает и гладит.

А Егоров сидит вот в дежурке. И чего он сидит? На что надеется? Может, ничего из этого сидения и не получится. Даже скорее всего - не получится.

А время идет. И это ведь не просто время идет - это жизнь проходит.

Было Егорову семнадцать лет, зимой будет восемнадцать.

В Дударях он было хорошо устроился - жил у дяди, работал на

маслозаводе. И грузчиком работал и помощником аппаратчика. Неплохо работал, присматривался к делу. Но дядя внезапно на старости лет женился во второй раз. Новая жена стала настраивать дядю против племянника. Пришлось уехать обратно к сестре. И не рад теперь Егоров, что уехал из Дударей. Там он все-таки считался штатным работником. А тут он кто?

- Ты гляди, что нам дали, - вдруг появляется в дежурке Зайцев и протягивает Егорову две записки. - Это билеты. Нас приглашают как сотрудников. Будет вечер. В честь Октябрьской революции. И еще полагаются талоны в буфет. Пойдем к Зыбицкому, возьмем талоны... Да ты не расслаживайся, пойдем скорее. Что ты как сонный?..

Зайцев уже знает всех. И хотя на дверях комнаты, где сидит Зыбицкий, приколочена табличка: "Посторонним вход воспрещен"; Зайцев смело открывает эту дверь.

А Егоров остается в коридоре.

- Да иди ты, иди, - тянет его за собой Зайцев. - Тут написано: "посторонним". А мы же с тобой не посторонние, если нас, ты видишь, приглашают...

2

Худенькая, белобрысая, похожая на сердитую девочку, Катя вся вдруг осветилась от счастья, увидев пригласительный билет. Не ее приглашали, а брата, но все равно она была в восторге. Особенно ей понравилось: "Дорогой товарищ Егоров!" ("Дорогой товарищ" напечатано на машинке, а "Егоров" приписано от руки.)

Катя несколько раз перечитала билет, словно хотела заучить его наизусть: "Организационная комиссия по проведению праздника Октябрьской революции приглашает вас на торжественный вечер. Доклад товарища Курычева. Художественная часть. В заключение - товарищеский чай".

- Вот оно как дело-то обернулось, - говорила Катя. - Ну, я очень рада за тебя, Саша. Очень рада. - И она поцеловала брата. - А я ведь, дура, до последнего не верила, что тебя примут.

- Да меня еще не приняли, - покраснел Егоров.

- Теперь уж примут. Обязательно примут, - уверяла Катя. - Теперь уж тебя выгнать не имеют права, если пригласили. И смотри, как пишут: "Дорогой товарищ Егоров". Значит, уважают...

- Да это всем так пишут...

- Нет, это уж ты мне не рассказывай - всем. Всем, да не каждому. Товарищеский чай. Но в чем же, мне интересно, ты пойдешь? Надо бы хоть рубашку тебе купить.

И утром в воскресенье, попросив соседку приглядеть за ребяташками, Катя повела Егорова на Чистяревскую улицу.

Было слякотно, туманно, но все еще не очень холодно. Никогда, говорят, в Сибири не было такой осени - то дождь, то снег, то опять дождь.

Прежде всего они зашли в красивый магазин с громадной вывеской "Петр Штейн и компания. Мануфактура и конфекцион".

Продавец им выбросил на прилавок несколько коробок с сорочками. Но Кате почему-то не понравилась ни одна. Нет, одну она как будто хотела купить. Подошла уже к кассе, стала пересчитывать деньги, завязанные в платке.

Долго пересчитывала. Толстый приказчик в пенсне насмешливо смотрел на ее худенькую фигурку в старомодном плюшевом жакете и на Егорова в смешном, кургузом пиджачке и гимназической фуражке.

Егорову вдруг стало тошно.

- Пойдем, - сказал он сестре. - Не надо мне никаких рубашек. - И пошел из магазина.

- Как же это так не надо? - заморгала белесыми ресницами Катя, но все-таки пошла вслед за ним.

Молча пройдя всю Чистяревскую, тускло поблескивавшую запотевшим стеклом витрин и полированной бронзой, они издали увидели в низине широкую площадь, где качались, как подсолнухи под ветром, шапки, шляпы, фуражки и рокотал многоголосый гул.

Вот уж где можно было купить все, что угодно.

И на столах, и на прилавках, и на ручных тележках, и просто на рогожах на земле разложен разный товар.

Замки и старинные шкатулки, посуда и пряники, ватные пиджаки и балалайки, топоры и валенки, старые генеральские погоны и живые гуси.

И тут же лиса в клетке.

Егоров больше всего заинтересовался лисой, даже спросил, сколько она стоит. Но Катя ухватила его, как маленького, за руку и повлекла в сторону.

Она увидела старуху, распялившую на палке не новую косоворотку. Цена была подходящей. Но Катя порядилась минут пять и заставила Егорова примерить покупку. Не раздеваясь примерить, просто вытянуть руки - не коротки ли рукава. А пока он примерял, стала прицениваться к почти новому цвета морской волны френчу на руках у мальчишки.

Френч этот года два-три назад носил какой-то иностранный офицер-интервент, завезенный к нам из неведомых земель. Офицера, наверно, и убили в этом френче. Но сейчас не хотелось думать об этом, да и некогда

было думать.

За френч и косоворотку удалось заплатить ненамного больше, чем за одну сорочку в магазине "Петр Штейн и компания".

Егоров надел френч и даже ростом стал как будто выше. А Катя, безмерно счастливая, оглядывала его со всех сторон и оправляла.

- Вот теперь ты сотрудник. Настоящий сотрудник. Я деньги берегла, хотела ребятишкам валенки на зиму купить, но теперь не жалею. Ребятишкам два шага до школы, им ничего не сделается. А тебе важнее, если тебя приняли на такую работу...

- Да меня еще не приняли, - опять покраснел Егоров.

- Значит, примут, обязательно примут, - успокоила его Катя. - Как же это могут не принять, если мы затратили такие деньги только на одну одежду...

У Егорова защемило сердце. Ведь вот что наделал этот пригласительный билет. Катя, расчувствовавшись, отдала почти все свои сбережения за френч и косоворотку. А вдруг Егорова все-таки не примут? Даже скорее всего не примут.

Егоров предложил тут же сейчас продать его кургузый пиджачок, чтобы выручить хотя бы часть денег. Но Катя сказала, что сперва починит пиджачок, приведет в порядок, а потом будет видно - может, он и сам его еще поносит. Трепать такой красивый френч во всякое время нельзя.

Возвращались они с базара по одной из главных улиц - бывшей Петуховской, теперь Фридриха Энгельса.

Улица уже готовилась к празднику. Над фасадами домов плескались флаги.

На крышу самого высокого дома - почты рабочие поднимали на веревках портрет Карла Маркса.

- Смотри, Катя, как красиво! И тут еще лампочки к вечеру зажгут, показал Егоров на крышу.

- А чего красивого-то? - не обрадовалась Катя. - Буржуи как были, так и остались. Только название переменялось - нэпманы...

- Это временное явление, временные трудности, - тоном докладчика произнес Егоров. И ему самому не понравился этот тон. Не так бы надо разговаривать с родной сестрой. А как?

Катя сейчас, вот в эту минуту, беспокоится, конечно, не столько из-за новоявленных буржуев, сколько из-за того, что деньги, сбереженные ребятишкам на валенки, уже истрачены, почти все истрачены. И это понятно Егорову. А что касается буржуев и неустройства жизни, тут не все понятно и ему самому, хотя он комсомолец и должен бы уметь все

объяснить. Но он не умеет и чувствует себя растерянным и виноватым перед Катей. Уж лучше бы не покупать эту рубашку и френч. Но что теперь делать? Куплены.

- Хорошо вам, мужикам, - опять говорит Катя. - Беспечные вы. Никакой-то заботушки у вас нет. А женщинам ох как трудно! Особенно с детьми...

"И мужчинам трудно", - хотел бы сказать Егоров. Но он молчит. Не словами надо успокаивать Катю, а делом - заработком. А когда он будет, заработок?

В ту же ночь Катя перелицевала воротник на френче, срезала малиновые лычки с серебряными птицами, перешила пуговицы. И когда Егоров снова примерил обнову, оглядев его, сказала:

- А этот офицерик, видать, одного роста с тобой был. Тоже, наверно, молоденький. Дурак, поехал воевать в Россию, даже в самую Сибирь. Вот и довоевался.

- Он же не сам поехал, - сказал Егоров, - его послали.

- Все равно дурак, прости меня, господи, - вздохнула Катя. - Теперь где-нибудь лежит закопанный. А ведь тоже, наверно, была у него мать или еще кто-нибудь. Я и про тебя тоже думаю. Радуемся, что поступаешь на работу, а ведь работа какая опасная...

- Сравнила! - возмутился Егоров. - Он же кто, этот офицер? Интервент. Все равно что бандит. А я...

- Ну ладно, ну ладно, - сказала Катя. - У тебя своя голова на плечах. Сам смотри, как тебе будет лучше. А люди, между прочим, выучиваются на счетоводов. И никого ловить не надо. Сиди в тепле, считай себе на счетах.

3

Вечер устраивали не в том помещении, где находился уголовный розыск, а рядом - где управление губернской милиции. И вход был с другого подъезда.

Окна на втором этаже были ярко освещены, когда Егоров подходил к зданию в восьмом часу вечера. И внутри победно играл духовой оркестр, сотрясая стены.

И может, именно духовой оркестр внушил Егорову внезапную робость. А вдруг его не пустят на вечер? Вдруг скажут, что это была ошибка с приглашением, что стажерам нельзя? А он вон как празднично приоделся, надел френч, начистил башмаки, постригся и причесался. Волосы еще мокрые после причесывания.

Двери были широко распахнуты, и с улицы, даже с той стороны улицы, видно, что каменная лестница тоже ярко освещена и устлана

коврами.

На ковре у входа стоял дежурный по городу, старший уполномоченный Бармашев, в синей шерстяной толстовке и в серебряного цвета брюках дудочкой, как было модно в ту пору.

Егоров хотел незаметно пройти мимо него. Даже подождал у дверей в надежде, что Бармашев уйдет: долго и старательно вытирал подошвы. Но Бармашев увидел Егорова, заулыбался и сказал:

- Приветствую. - И протянул ему руку. - Фуражку можешь повесить вон туда, на вешалку. Проходи. Очень приятно.

На втором этаже, в светлом коридоре, прогуливалось уже много приглашенных мужчин и женщин. Пахло духами, пудрой, легким табаком и чем-то неуловимо волнующим, чем пахнут праздники нашего детства, нашей юности.

Егоров поднялся на второй этаж и сразу остановился. Ему показалось, что все теперь смотрят только на него. А этот, мол, еще откуда взялся?

Знакомых не было видно. Да и откуда тут возьмутся знакомые?

Мимо прошел чем-то озабоченный Бармашев. Видимо, и здесь он дежурный по вечеру. Оглянувшись на Егорова, он вдруг потрогал его за плечо. И это легкое прикосновение было необыкновенно приятно Егорову.

Потом всех пригласили в зал, в тот самый зал, где в обычные дни за тесно составленными столами сидят милицейские служащие, стучат машинки, прикладываются печати, толпятся посетители.

Теперь столов тут не было. Были рядами выстроены стулья и сооружен помост с трибуной и единственным длинным столом, застланным красной материей.

Егоров не пробивался в первый ряд, но как-то так случилось, что он оказался в первом ряду и впервые в жизни увидел самого товарища Курычева. Даже рябинки на его лице увидел.

Товарищ Курычев, опираясь на трибуну, делал доклад.

Егоров неотрывно смотрел на Курычева. И ему казалось, что и Курычев смотрит с трибуны только на него.

А может, оно так и было? Докладчики ведь часто почти бессознательно выбирают в зале кого-нибудь одного, на кого бы можно было опереться глазами. Вот Курычев и выбрал Егорова, еще не зная, кто такой Егоров.

А Егоров, разглядывая Курычева, только и думает о том, что перед ним стоит человек, от которого будет зависеть вся его дальнейшая судьба. Примет Курычев Егорова на работу или не примет?

Только о судьбе своей и думает Егоров. Но вот до сознания его

долетает фамилия - Боровский. Этого Воровского недавно убили где-то в Лозанне, в отеле "Сесиль". Он был нашим представителем. Его убили враги нашего государства.

Никаких подробностей убийства докладчик не приводит. Он называет дальше новую фамилию - Керзон оф Кедльстон.

Этого Егоров знает. Не лично знает, но слышал.

Еще весной, когда Егоров жил в Дударях, был митинг по поводу этого лорда Керзона. Он предъявил нам ультиматум, грозил войной, если мы чего-то не выполним, а мы этого как раз вовсе не хотим выполнять. И не обязаны, потому что мы против мировой буржуазии. Мы за рабочий класс. За весь рабочий класс, какой есть на всем земном шаре. Поэтому мы сейчас приветствуем рабочих немецкого города Гамбурга, которые вот в эти дни ведут ожесточенные уличные бои с полицией.

- ...Мы посылаем им сейчас отсюда наш пролетарский пламенный привет, говорит товарищ Курычев.

И весь зал аплодирует.

И Егоров аплодирует.

Потом товарищ Курычев объясняет, почему мы еще допускаем буржуазию торговать и даже позволяем частникам открывать заводы. И приводит подлинные слова Владимира Ильича Ленина: "...Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики. Где и как мы должны теперь перестроиться, приспособиться, переорганизоваться, чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед, мы еще не знаем. Чтобы провести все эти действия в нормальном порядке, нужно, как говорит пословица, не десять, а сто раз примерить, прежде чем решить".

- Вот это подлинные ленинские слова, - говорит Курычев. - Я надеюсь, вам понятна вся сложность и все невероятные трудности, в которых мы живем. - И опять смотрит на Егорова.

И Егоров невольно кивает в подтверждение того, что ему все, решительно все понятно. А чего же тут не понять! Только Катя все обижается, что ей с ребятами очень трудно. Но ведь всем трудно, всему народу.

Однако есть надежда, что дела исправятся, как дальше доказывает докладчик. И приводит цифры добычи угля в Донбассе.

Докладчик считает уголь на пуды, на тысячи пудов. И так по его словам получается, что угля у нас в будущем году будет больше. Ненамного

больше, но все-таки больше. Как-никак уже добыто пятьдесят один миллион пудов. И, значит, мы постепенно ликвидируем послевоенную разруху, откроем новые заводы, сократим безработицу. А кроме того, наше правительство купило недавно в Америке триста тракторов.

- Таким образом, - говорит докладчик, - наша с вами судьба, товарищи, зависит сейчас не только от нас самих, но и от многих мировых факторов.

"Факторы" - это еще непонятно Егорову. Но ему становится вдруг понятным, что и его судьба теперь зависит, пожалуй, не только от товарища Курычева. Она связана, его судьба, и с добычей угля в Донбассе, и с боями в Гамбурге, и еще со многим, что происходит вдалеке от него, но имеет к нему, однако, прямое отношение. Он усваивает это не столько умом, сколько сердцем. И его охватывает необыкновенное, еще до конца не осознанное волнение.

- Теперь возьмем такой факт, - вытирает носовым платком лицо и шею товарищ Курычев. - Генерал Пепеляев, как вы знаете, недавно разбит. Его банды рассеяны, но не ликвидированы полностью. Они еще бродят по тайге, совершают набеги на сельские местности и пользуются поддержкой кулачества. Кое-кому они внушают надежду, что все еще переменится, что еще повторится интервенция. В деревне идет глухая классовая борьба. Она идет и в городе. Нэпманские элементы еще надеются, что им удастся хотя бы тихой сапой одолеть Советскую власть. Они занимаются хищением, применяют обман, и подкуп, и другие подлости. Вы же знаете, что нам пришлось недавно удалить из нашего аппарата несколько старых работников, уличенных во взяточничестве и грязных связях с нэпманскими элементами. Мы сейчас делаем ставку на молодые кадры работников. Мы должны быть уверены в их неподкупности...

Глаза у товарища Курычева вдруг стали колючими. И вот такими глазами он смотрит на Егорова. И хотя Егоров ни в чем не виноват, он ежится под этим взглядом. И в то же время улавливает в голосе докладчика какую-то особенность, которая чуть расхолаживает его, Егорова. Есть в докладчике некоторая простоватость, что ли, не такой уж он, наверно, необыкновенный человек, как показалось Егорову вначале.

- ...Во всяком случае, мы всегда должны быть начеку, - говорит товарищ Курычев. - А у нас еще есть товарищи, которые начинают почему-то думать, что мы уже всего достигли. А нам еще надо перестроить весь мир. Наша жизнь, как указывает товарищ Ленин, по-настоящему не налажена. В нашей жизни еще имеется много мусора, который надо изымать, чтобы можно было быстрее строить новую жизнь. Нам надо всеми силами насаждать революционную законность, беспощадно карать

врагов нашего молодого государства, а также приводить в чувство тех, кто озорует, не желая войти в политическое сознание. Да чего далеко ходить! Вчерашний день в ресторане "Калькутта" опять бандиты зарезали пьяного. А он оказался кассиром, который спокойно и бессовестно пропивал государственные деньги! Где же, я спрашиваю, были мы? Где была наша революционная бдительность в обоих случаях, когда, с одной стороны, этот преступный кассир брал из кассы деньги, а с другой стороны, рисковал своей жизнью в ресторане "Калькутта"?..

4

После доклада был перерыв. Многие вышли в коридор поразмяться, покурить.

А Егоров продолжал сидеть в зале, боясь потерять это удобное место. Ведь уже объявили: после перерыва будет художественная часть.

Он сидел, положив локоть на спинку стула, и рассеянно оглядывал зал.

Вдруг ему кто-то замахал рукой от дверей. Кто же это может быть? Ах, да это же Зайцев!..

Егоров не сразу узнал его.

Зайцев подошел к нему. Он был в сером, излишне свободном костюме. "Наверно, в отцовском", - подумал Егоров.

Рыжие волосы Зайцева, всегда укрытые кепкой, сейчас пылали при ярком электрическом свете. И вздернутый нос, слегка облупленный, сиял, будто чем-то намазанный. А может, и правда намазанный. Егоров, улыбнувшись, подумал, что у Зайцева, наверно, постоянный жар и от этого облупился нос. Больше не от чего - лето давно прошло.

Зайцев хлопнул Егорова по колену и сел рядом.

- Слыхал, что Курычев-то говорит? - весело спросил Зайцев. - Нужны, мол, молодые кадры, насаждать революционную законность. Даже в самом срочном порядке. А Жур, между прочим, все еще лежит в больнице, и мы из-за него должны баклуши бить. Нет, это надо поломать. Надо пойти прямо к самому Курычеву и поставить вопрос вот так: или - или...

Егоров боялся ставить вопрос вот так, как советовал Зайцев. Да и Зайцев, пожалуй, излишне горячился. Ни к кому он скорее всего не пойдет, ничего не скажет. Но Егорову все-таки понравился этот решительный тон, и он сказал:

- Для такой работы, как эта, я считаю, надо иметь особые способности, как вот у тебя. А я еще про себя не знаю...

- Ну что ты! - засмеялся Зайцев. И пожалел Егорова: - И у тебя хорошие способности будут. Если, конечно, приложишь старание... - И, не посчитавшись с тем, что они соперники - ведь все еще не ясно, кто из них

остается на работе и кому придется уйти, - вынул из кармана потрепанное произведение господина Сигимицу, с которым он теперь, должно быть, не расставался. - Вот интересная книжонка, смотри. Если хочешь, ознакомься. По-моему, мировая книжонка, хотя автор явно не наш человек...

Егоров раскрыл книжку, прочитал название и сразу углубился в чтение. Но тут началась художественная часть. Зайцев ушел в задние ряды.

На подмостках появился Бармашев. Он весело, с прибаутками, объявлял артистов.

Первыми выступали какие-то молодые парни и девушки, одетые как испанцы, - в черных плащах и в широкополых шляпах. Они лихо плясали, били в бубен и пели частушки про лорда Керзона и про наши самолеты, которые мы выстроим назло всем керзонам.

Егорову это все так понравилось, что он сам стал тихонько притоптывать ногой в такт пению. И случайно прихлопнул носок сапога своего соседа, какого-то важного старичка в милицейской форме, сидевшего рядом с женой.

- Извиняюсь, - сконфузился Егоров.

- Ничего, - сказал сосед. И кивнул на подмостки. - Действительно здорово поют. И все в самую точку. В самую точку. До чего способные и политически подкованные люди...

Машинистка милиции Клеопатра Семенова, как ее объявил Бармашев, спела под аккомпанемент рояля романс "Отцвели уж давно хризантемы в саду". Потом два милиционера в форменных брюках, но без гимнастеров продемонстрировали спортивные упражнения на брусках, старший делопроизводитель сыграл на гитаре и спел под собственный аккомпанемент "Вот вспыхнуло утро, румянятся воды, над озером быстрая чайка летит...". Уполномоченный угрозыска Воробейчик показал фокусы с картами.

Наибольший успех, однако, имел Бармашев, читавший стихи Сергея Есенина.

И это было особенно приятно Егорову. Он вспомнил, как Бармашев разучивал эти стихи в дежурке в его присутствии.

Егоров больше уже не обижался на него за то, что дежурный по городу относился к нему еще два дня назад как к неодушевленному предмету.

Внизу, в первом этаже, были накрыты столы.

Перед каждым приглашенным поставили стакан с чаем и тарелку с бутербродами, яблоками и конфетами.

Яблоки и конфеты Егоров сразу же спрятал в карман. Потом, подумав, аккуратно завернул в чистый носовой платок бутерброды с сыром и

брынзой. Все это он унесет домой, племянникам и Кате.

Только бутерброды с вареньем и омулевой икрой он решил съесть сам, а то, чего доброго, измажешь икрой и вареньем карманы.

Зайцев сидел у другого конца стола и все время наклонялся к какой-то девушке с алой лентой в черных волосах.

"Хорошенькая, - подумал, глядя на нее издали, Егоров. И еще подумал: Как в песне: "Вьется алая лента игриво в волосах твоих черных, как ночь".

Зайцев оставил свою девушку и ушел ненадолго.

Потом он появился с бутылкой пива и закричал через стол, как у себя дома:

- Егоров, иди сюда!

Егоров уже допил чай и подошел.

- Пива хочешь? - спросил Зайцев. И стал наливать в стаканы сначала девушке, потом Егорову пиво. И себе налил. - Давайте чокнемся. Нет, неправильно. Вы сперва познакомьтесь.

Девушка протянула Егорову левую руку - в правой пиво - и сказала:

- Рая.

- Егоров, - сказал Егоров. И покраснел. И от смущения нахмурился. И так, нахмурившись, спросил Зайцева: - А пиво это откуда?

- Тут же еще есть один буфет - за деньги, - кивнул на дверь Зайцев. И засмеялся, облизывая губы. - Ты как будто первый раз сюда пришел.

- А я и правда первый раз, - сознался Егоров. Но если б он даже знал, что здесь продают пиво, он все равно не купил бы. На что он купит?

А Зайцев купил не только бутылку пива, но и две толстые конфеты в красивых бумажках - девушке и Егорову. От конфеты Егоров отказался.

- Это откуда девушка? - негромко поинтересовался он, отозвав Зайцева в сторону. - Тоже здешняя? Сотрудница?

- Нет, зачем! - улыбнулся Зайцев. - Это просто моя девушка. Знакомая.

- А как она сюда попала?

- Обыкновенно. Я ее провел. Взял у Бармашева билет и провел...

Егорову даже стало как-то обидно. Он стеснялся сюда идти, боялся, что его не пустят. А Зайцев не только сам прошел, но и девушку свою провел. Не побоялся.

И еще удивился Егоров, что у Зайцева уже есть своя девушка, хотя Зайцев старше Егорова всего месяца на три.

А у Егорова не было девушки, про которую бы можно было сказать, что он за ней ухаживает. Он, пожалуй бы, даже не решился пойти вот так куда-нибудь на вечер с девушкой. Ему бы совестно было, неловко.

Года два назад, когда еще был жив отец и Егоров учился в школе, ему

сильно нравилась одна девочка - Аня Иващенко. Он, наверно; влюбился в нее. Конечно, влюбился. И написал ей стихи.

Он тогда еще писал стихи и мечтал стать поэтом. Но не стал. И теперь уже не станет. Сам знает, что не станет. А тогда писал. Тайно писал. Никому не показывал. Нет, показывал. Но только одному человеку - Ваньке Маничеву. Они сидели за одной партой.

Ванька Маничев был старше его года на два, учился плохо, но считал себя очень умным и говорил:

- Ты, даю тебе слово, Егоров, будешь, как... как, я не знаю кто... как Пушкин. Или в крайнем случае как Лермонтов.

Да, правда, только Маничеву Егоров показывал свои стихи, больше никому. И Ане Иващенко не показывал. Да она и не обращала на него никакого внимания, хотя, наверно, заметно было, что он в нее влюблен.

Он подружился тогда с ее братом, мальчишкой, пронырливым, жадным, выпрашивавшим в школе дополнительные завтраки. Егорову была особенно противна его жадность. Но Егоров все-таки подружился с ним, подарил ему двух лучших голубей. Все для того, чтобы бывать у них в доме и хоть мельком видеть Аню, слышать ее голос.

Егоров даже заикался, когда разговаривал с ней. А она все равно не обращала на него никакого внимания. А почему?

Егоров как бы нечаянно посмотрелся в большое зеркало. И в зеркале увидел не только себя, но и Зайцева и его девушку.

Нельзя, пожалуй, сказать, что Егоров хуже Зайцева на вид. Егоров и ростом выше, и плечистее, и нос у него не облупленный, и темные волосы хорошо причесаны.

"Шатен" называется мужчина, у которого такие волосы. Егоров шатен, а не рыжий, как Зайцев.

Но все-таки Зайцев, а не Егоров пришел сюда с этой хорошенькой девушкой. И легче все в жизни достается Зайцеву.

Наверху, на втором этаже, опять загредел духовой оркестр.

Начались танцы. Все пошли наверх. И Зайцев пошел со своей девушкой. И Егоров.

Весь вечер Зайцев танцевал с кем хотел. И девушка его танцевала то с Зайцевым, то еще с кем-нибудь.

А Егоров хорошо устроился на стуле в коридоре и вчитывался в книжку господина Сигимицу. Любопытная книжка. И хорошо ее тут читать под музыку. И музыку слушаешь и читаешь.

Егоров уже немало книг прочел в своей жизни. Особенно много он читал в Дударях. Делать там нечего было по вечерам. Он брал книги в

библиотеке и читал.

Он даже старался прочитать "Капитал" Карла Маркса. Но ничего не понял. И чуть не заболел от досады. Ему было обидно, что все читают и понимают или говорят, что читают и понимают, а он вот один не понимает. Ну никак не понимает! Что он, глупее всех, что ли?

Его успокоила одна учительница, сказала, что у него недостаточно образования для такого чтения, и посоветовала читать пока другие книги.

Он прочитал о звездах, о происхождении жизни на Земле, о дальних странах - таких, как Индия. Потом читал романы Гончарова, Диккенса, Тургенева, читал и делал выписки, как его научили.

Из этой книжки господина Сигимицу он тоже сделает выписки. Тем более что это теперь ему надо для работы, если его, конечно, возьмут на работу.

Он спрятал книжку в карман и решил идти домой. Но из зала вышел разгоряченный танцами Зайцев.

- А ты чего не танцуешь? Хочешь, потанцуй с моей девушкой. Запомни: ее зовут Рая.

Егорову отчего-то было неловко сказать, что он не танцует, не умеет. Он сказал:

- Не стоит сейчас. После. Я домой пойду.

- А что ты такой невеселый? Вроде печальный.

- Я думаю, - сказал Егоров.

Зайцев засмеялся.

- Все думают, но у тебя вид какой-то постный. Ты что, все тревожишься, что тебя на работу, думаешь, не возьмут?

- Да это пустяки, - слукавил Егоров. - В крайнем случае я в какое-нибудь другое место устроюсь.

- А я нет, - сделал сердитые глаза Зайцев. - Я все равно тут останусь. Мне просто нравится эта работа. Я хотел или в матросы пойти, или сюда. Мой отец работает в артели "Металлист"...

- Это его костюмчик? - кивнул Егоров.

- Его, - опять засмеялся Зайцев. - Так вот, я говорю, мой отец работает мастером в артели "Металлист". Он все уговаривал меня, чтобы я тоже к ним в артель пошел. А что мне за интерес делать замки!

У Егорова мелькнула мысль: "А что, если через Зайцева устроиться в эту артель? Вот было бы дело! Во-первых, специальность..."

Но Егоров тут же отогнал эту мысль. Из самолюбия отогнал. Если Зайцев считает, что его, Зайцева, обязательно примут на работу в уголовный розыск, почему он, Егоров, должен считать себя хуже Зайцева?

Конечно, Зайцев более шустрый. Шустрых все любят. Однако пока еще ничего не известно.

5

Вернувшись домой, Егоров всю ночь при керосиновой лампе изучал произведение господина Сигимицу. Вот именно изучал. Читал, и перечитывал, и делал выписки.

И под утро пришел к убеждению, что он, Егоров, способен с помощью этой книги усовершенствовать свою мускулатуру ничуть не хуже любого моряка или офицера. Все дело в упорстве, в систематичности занятий, как уверяет господин Сигимицу. Ну что ж, Егоров проявит упорство. Посмотрим, что из этого получится.

После торжественного вечера в честь Октябрьской революции, после доклада и товарищеского чая, после всей этой веселой, бодрящей душу праздничности он, несмотря на прежние сомнения, был все-таки полон самых, как говорится, радужных надежд.

Однако положение его в дежурке и после праздника ни в чем не изменилось. По-прежнему дни его текли бесплодно.

Бармашев, казавшийся таким любезным на вечере, опять как будто не узнавал Егорова. Опять во время своего дежурства он принимал его за неодушевленный предмет. Опять, не глядя на него, пил из термоса чай с печеньем "Яхта", смотрелся в зеркало и читал стихи, по-петушиному отставив ногу.

Все, словом, было по-прежнему. И по-прежнему Егоров сидел в дежурке в старом черном пиджаке с короткими рукавами. Френч цвета морской волны он решил по совету Кати не носить, пока не определится его судьба.

И пока судьба его не определилась, Егоров не обижался на Бармашева. И на Воробейчика не обижался, когда дежурил Воробейчик. Хотя другого человека нахальнее Воробейчика, наверно, нет на всей земле.

Егоров был занят, если можно так сказать, проверкой учения господина Сигимицу.

В этой великой книге были рекомендованы, между прочим, верные способы укрепления кисти руки.

Для этого надо было постоянно ребром ладони постукивать о какой-нибудь твердый, желателен деревянный, предмет, и ладонь постепенно приобретет прочность камня или железа.

Чтобы не терять даром времени, Егоров, сидя в дежурке, в часы наибольшего шума и суеты добросовестно и терпеливо постукивал о край скамейки ребром ладони то одной, то другой руки, то обеими вместе.

И действительно, вскорости он убедился, что господин Сигимицу, в общем, не врет, ладони в самом деле как будто твердеют.

Егоров продолжал с еще большей энергией стучать о край скамейки.

Делал он это, как ему казалось, незаметно для окружающих. Да и кто будет обращать на него внимание среди множества людей? Но дежурный по городу Воробейчик все-таки заметил его странные движения и однажды спросил:

- Ты чего дергаешься? Ты нервный, что ли?

- Не особенно, - конфузливо сказал Егоров.

Сказать, что он не нервный, как требовалось бы для этого дела, он не решился. Посовестился. Не хотел врать.

Может, он действительно нервный, даже скорее всего нервный.

Весь этот шум в дежурке, все эти разговоры о происшествиях, о разных несчастьях и несчастные люди, которых он видит здесь, угнетают его.

Если б он не посидел несколько дней, как теперь, в дежурке уголовного розыска, он, наверно, никогда бы не узнал, что на свете, вот лишь в одном городе, столько несчастий.

А человек, было написано в одной книге, создан для счастья, как птица для полета. Егорову в свое время так понравились эти слова, что он выписал их в тетрадку.

Но откуда берутся несчастья?

Откуда появляются воры, грабители, убийцы или вот такие женщины, как эта, что стоит сейчас у стола дежурного, в сбитой на затылок шляпке, и рыдает, и сморкается, и опять рыдает?

Волосы у нее распущены. На тонких ногах шелковые, скользкие чулки.

- Да не убивала я его! - кричит и плачет она. - Он был из себя очень полный, представительный, в хороших годах. Он покушал немного портвейну, прилег и помер. А что у него были деньги, я вовсе не знала. Мне, правда, Лидка говорила - вы же знаете Лидку Комод! - что он будто сам из нэпманов, что у него будто свой магазин на Чистяревской. Но я не знала. Он только обнял меня, вот так, и говорит...

- Ну ладно, прекрати. Ты это расскажешь следователю, - оборвал ее дежурный по городу Воробейчик. И покосился в угол. - Тут дети...

- Да какие это дети! - опять закричала женщина. - Это не дети, а первые бандиты. Они сейчас сумку у меня выхватили в коридоре. Велите им, гражданин начальник, отдать сумку...

- Эй вы, орлы! - повернулся в угол Воробейчик.

Он, видимо, хотел сказать этим беспризорным мальчишкам,

стеснившись в углу, чтобы они отдали сумку. Но на столе зазвонил телефон.

Воробейчик снял трубку. На Бакаревской улице только что ограбили сберегательную кассу.

- Водянков! - закричал Воробейчик. - Давай на Бакаревскую. Возьми с собой Солдатенкова. Дом номер четыре. Сберкасса.

А мальчишки достали откуда-то белую булку, рвут ее грязными руками, едят и хохочут.

И Егорову, когда он смотрит на них, тоже хочется есть. И хочется узнать: откуда взялись эти мальчишки, где их родители, что они такое натворили, за что попали сюда? И еще интересно, правда ли, что эта женщина, переставшая теперь плакать, убила нэпмана?

Все это хорошо бы выяснить Егорову. Но, кроме него, это, должно быть, никому тут не интересно.

Воробейчик говорит милиционеру, кивнув на женщину:

- Эту веди в шестой номер. Я ее записываю за Савельевым. А этих, - он показывает на мальчишек, - пусть заберет Михаил Кузьмич. - И смотрит на потерпевших, сидящих у стены. - Ну, кто тут еще?

Воробейчик, наверно, сейчас же забыл о тех, кого увели. Он опрашивает уже новых людей.

А Егоров все еще думает о той женщине и о мальчишках. И неловко признаться, что его печалит их судьба, словно они ему родные, словно он, Егоров, чего-то недоглядел и вот из-за этого произошло несчастье или еще скоро произойдет.

6

Вечером Зайцев зовет его в "Париж".

- Да ты не стесняйся, - говорит Зайцев. - У меня есть деньги. В крайнем случае ты тоже меня потом пригласишь... Что мы с тобой, в последний раз, что ли, видимся?

А откуда, интересно, у Зайцева деньги?

У Егорова даже двадцати копеек не бывает. Он и на стрижку, как ни стыдно, у сестры берет.

А Зайцев, это заметно, всегда при деньгах. И на вечере тогда он пиво покупал.

Они идут через Сенной базар, мимо широких ворот пожарной команды, мимо сломанного памятника царю Александру Второму, разговаривают обо всем. Но Егоров все думает: "Откуда у Зайцева деньги?" Наконец спрашивает:

- Тебе деньги отец дает?

- Нет, зачем! Я сам зарабатываю...

- А как?

- Очень просто. Я в газете пишу. Если где замечу непорядок, сейчас же подаю в газету заметку. Вот, например, тут в прошлом году прессованное сено сложили, а укрыть не укрыли. Оно сгнило. Я написал, что надо бы дать по рукам...

- А как подписываешься?

- "Глаз".

Это почему-то удивило Егорова.

- Глаз?

- Ну да, Глаз. Мне платят за это, как рабкору. Немного, но все-таки платят. Я могу и больше зарабатывать... Сколько захочу, столько и заработаю. Я могу даже фельетончик написать.

- А почему ты не поступишь на постоянно в редакцию?

- Не хочу.

Этот ответ просто ошеломляет Егорова. Зайцев ведет себя так, будто все в мире зависит только от него, Зайцева. Куда захочет, туда и поступит. И не похоже, что он хвастается. Нет, он, наверно, в самом деле так думает, так уверен, что удастся все, что он захочет.

- Я же тебе говорил, что я люблю эту работу в уголовном розыске, напоминает Зайцев их разговор на вечере.

И это тоже удивительно Егорову. Как это можно любить или не любить работу? Да Егоров стал бы хоть камни на себе перетаскивать, лишь бы платили, лишь бы не сидеть на шее у Кати, не ходить вот так в ресторан на чужой счет.

В "Париже" они сидят за столиком у стены, под пальмой. А над ними висит клетка с канарейками. Играет музыка. И большая белотелая женщина с красиво изогнутыми бровями поет на подмостках, точно желая успокоить Егорова:

Пусть ямщик снова песню затянет,

Ветер будет ему подпевать.

Что прошло, никогда не настанет,

Так зачем же, зачем горевать?..

В жизни Егорова еще ничего не прошло. Или прошло пока что очень мало. Жизнь его, по сути дела, только начинается. Но как-то странно она начинается.

Отец сперва хотел, чтобы сын стал кровельщиком, как он сам, как дедушка. Потом отец переменял свое мнение, стал говорить, что сыну лучше всего после школы выучиться на слесаря-водопроводчика. Но отец

умер.

И Егоров так ни на кого и не выучился...

- Ты где на комсомольском учете состоишь? - наливает ему пиво Зайцев.

- Пока нигде, - поднимает стакан Егоров и сдувает пену. - У меня учетная карточка еще в Дударях.

- А членские взносы ты платишь?

- Пока не платил. Не с чего платить. Я же не считаюсь безработным. На бирже труда не состою.

- Ты смотри, как бы тебя не погнали из комсомола. Ты возмись на учет в управлении милиции.

- Да кто же меня примет?

- Примут. Я уже взялся. Мне вчера дали одно комсомольское поручение. Буду драмкружок организовывать...

Егоров опять удивлен:

- Ей-богу?

- Комсомолец не должен говорить "ей-богу". Пора от этого отвыкать, нравоучительно произносит Зайцев. И прищуривается точно так, как дежурный по городу Бармашев. - Ты что, в бога веришь?

- Не верю, но... - Егоров ставит стакан на стол, - но просто такая привычка. - И вдруг сердится: "Что он меня учит? Подумаешь, какой большевик с подпольным стажем..."

Но Зайцев как будто не замечает, что Егоров сердится. Или в самом деле не замечает.

- Да ты пей пиво, - кивает он на стакан. - Сейчас поедим пельменей, и у меня есть предложение...

Егоров пьет пиво медленно, мелкими глотками. Оно приятно холодит рот, горло. Во рту у него была сегодня весь день неприятная сухость. Уж не простудился ли он?

Не френч бы ему надо было покупать, а башмаки. Они совсем прохудились. Ноги по такой слякоти все время мокрые.

- У меня есть вот какое предложение, - говорит Зайцев Егорову, когда официантка подносит им пельмени. - Вы тарелки-то как держите? - вдруг спрашивает он официантку. - Вы же пальцы туда макаете. А ресторан, между прочим, называется "Париж".

- Да ладно, - машет рукой Егоров.

- Ничего не ладно. В другой раз вызову хозяина, заставлю переменить. Идите, нечего на меня глазеть! На первый раз я это дело прощаю.

- Да не стоит с ними затеваться, - машет рукой уже с ложкой Егоров.

Они, эти официантки, тоже, можно сказать, рабочий класс. Работают от хозяина.

- Вот в том-то и дело, я заметил, - не может успокоиться Зайцев, когда сюда зайдет какой-нибудь толстопузый нэпман, так они готовы в три погибели изогнуться. А когда зашли, они видят, простые ребята, значит, можно без подноса... Нет, это дело надо поломать.

Зайцев берет ложку.

- Так вот какое у меня есть предложение, - говорит он, осторожно пробуя горячий бульон. И вдруг кричит: - Перец!

Поперчив пельмени, он с удовольствием их ест, прихлебывая пиво. И уж потом выкладывает свое предложение:

- Надо бы навестить Жура.

Эта мысль, такая простая и ясная, могла бы, кажется, давно прийти и в голову Егорову. Но не приходила. И может быть, не пришла бы. - А Зайцев уже все обдумал.

- Вообще-то, - ковыряет он в зубах спичкой, - я сейчас не держусь за Жура. Я мог бы работать, допустим, с Водянковым. Он даже согласен взять меня к себе. Но ему неудобно перед Журом. Поэтому нам лучше всего завтра пойти в больницу и узнать, какие дела у Жура. Может, он еще год собирается болеть...

И тут, между прочим, выясняется уж совсем удивительная подробность.

Оказывается, пока Егоров все эти дни сидел в дежурке, Зайцев сумел побывать на четырех происшествиях.

Водянков сегодня искал Солдатенкова, чтобы ехать на Бакаревскую, где ограбили сберкассу. Но Солдатенкова вызвали к начальнику. А тут подвернулся Зайцев. И Водянков взял его с собой.

Рассказывая Егорову об этом происшествии, Зайцев свободно пользовался словами из обихода уголовного розыска, как будто он не дни, а годы провел в этом учреждении.

Он восхищался Водянковым, который "сразу наколол наводчика".

- Наводчиком оказался племянник сторожа соседнего со сберкассой дома.

- Рыжий, вроде меня, и наших лет с тобой парнишка, но дурак, - смеялся Зайцев. - Когда Водянков начал допрашивать его дядю, он хотел тут же подорвать когти. Бросился к окошку, но я тут же сшиб его с ног. Знаешь, тем приемом? Вот так... А потом, когда мы его вели, он сразу же раскололся, раскис. Говорит: "Я год был безработным, прямо все продал с себя, поехал к дяде, познакомился тут с одними ребятами..." И плачет...

- А может, он правда был безработным, - предположил Егоров.

Зайцев прищурился.

- Ты что, его жалеешь? Воров жалеешь?

- Не жалею, - смутился Егоров. И опустил глаза в пустую тарелку. - Но все-таки, когда посмотришь на это, как сегодня в дежурке, неприятно...

- Все равно надо кончать эту публику, - решительно заявил Зайцев. И постучал ножом по тарелке, подзывая официантку. - Вечером просто нельзя пройти по саду Розы Люксембург. Вырывают у женщин сумки. Даже у моей девушки - помнишь эту Раю? - чуть не вырвали...

Егоров опять вспомнил женщину, которая будто бы убила нэпмана, и мальчишек, вырвавших у нее сумку.

- А с твоим характером, я тебя предупреждаю, тебе будет худо, - сказал Зайцев. - Характер тебе придется менять.

- Ну да, - согласился Егоров. И в задумчивости стал постукивать ребром ладони о край стола, как рекомендует господин Сигимицу.

Это превращалось в привычку.

7

Утром они решили навестить Жура в больнице. Но когда они явились в уголовный розыск, чтобы спросить разрешение на отлучку и узнать точный адрес, Воробейчик им сказал, что Жур ходит где-то тут. И они сию же минуту увидели Жура.

Высокий, плечистый Жур изрядно похудел, побледнел. Веселые глаза его запали. Но, увидев практикантов, он заулыбался.

- Ну как, ребята, вас еще не подстрелили? А я вот досрочно встал на текущий ремонт. - И он пошевелил правой толстой забинтованной рукой, висевшей на черной повязке. - Такие дела, такая работа...

Он долго перелистывал журнал происшествий. Потом сказал дежурному по городу Воробейчику:

- Ты мне больших дел не давай. Я еще числюсь на больничном листе. У меня рука. Но дай что-нибудь такие не очень хлопотное, чтобы с ребятами съездить. - И кивнул на Егорова и Зайцева. - Огневые, видать, ребята.

Эта случайная и еще на заслуженная похвала не обрадовала, а, пожалуй, встревожила Егорова. "Огневые"! Зайцев - эта правда, огневой. А про себя Егоров не решился бы такое сказать.

И даже чуть струхнул. Вот сейчас начинается самое главное. Они поедут, как говорят тут, на дело, где надо будет действовать в опасных условиях, и сразу обнаружится, что Егоров не годится. "Хотя почему это вдруг? - про себя обиделся Егоров. - Еще ничего не известно. Посмотрим".

- Тут у меня есть одно дело, такое вроде ученическое, - сказал дежурный по городу. - Аптекарь какой-то не то отравился, не то удавился. На Поливановской улице, номер четырнадцать. Против приюта для глухонемых...

- Вот, вот, это подходяще, - почти обрадовался Жур. - Надо только вызвать Каца.

- Кац тут, - сказал дежурный.

И вскоре пришел Кац, худенький старичок с маленьким чемоданчиком.

- А как же с оружием? - спросил Зайцев. - Нам надо бы хоть какие-нибудь пистолеты. Так-то, пожалуй, с голыми руками, будет неудобно...

- Да они сейчас ни к чему, - улыбнулся Жур. - Но если есть нетерпение, можем достать...

Зайцеву он вручил браунинг, а Егорову наган.

Зайцев подошел к окну и стал передергивать затвор.

- Ты погоди, - остановил его Жур. - Как бы ты не ахнул в окно.

- Да нет, я умею, - сказал Зайцев. - Мне уже сегодня Водянков давал точно такой. Это же, кажется, бельгийский, первый номер, если я не ошибаюсь... - И Зайцев сунул пистолет в карман.

А Егоров не решился поступить так же. Он опасливо держал револьвер в руке до тех пор, пока Жур не объяснил ему, как нужно обращаться с таким оружием. Жур посоветовал носить наган под пиджаком на ремне, вот с этой стороны, как у самого Жур.

Егоров легко приспособил наган, положил в кармашек за пазухой, как орехи, десяток патронов и готов был к любым действиям. Но его знобило. И он не мог понять, отчего его знобит. От простуды или от предчувствия опасности? И во рту была нестерпимая сухость. Все время надо было облизывать губы, а они от этого потом потрескаются. Неужели он правда простудился? А вдруг он сляжет как раз в эти дни, когда он еще не служащий и не безработный? Вот будет приятный подарок Кате...

- Ну, пошли, товарищи, - позвал Жур. - Главное в нашем деле - не робеть. В любое время. Мы, как говорится, ребята хваткие. Семеро одного не боимся. И на печке не дрожим.

На улице было по-прежнему слякотно. Хваленая сибирская зима долго не могла установиться в том году. Накапывал мелкий дождь.

Жур прошел несколько шагов по тротуару. Потом поднял левую руку и позвал извозчика.

- Познакомьтесь, - сказал он уже в пролетке, когда все уселись. - Это судебный медик Илья Борисович Кац. А это, - показал он на Зайцева и Егорова, - это мы еще поглядим, что из них будет. - И засмеялся.

На Поливановской у дома номер четырнадцать, где внизу аптека, толпились любопытные.

Два смельчака даже взобрались на карниз и заглядывали в тусклые, забрызганные дождем окна.

- Ты нас, уважаемый, тут подожди, - приказал Жур лохматому извозчику. И вошел в дом.

На узкой деревянной лестнице было темно. Пахло мышами и лекарствами. Мышами - сильнее.

Жур открыл дверь в коридор, набитый людьми.

- Здравствуйте, - сказал так громко и приветливо, точно здесь собрались исключительно его знакомые. - Что это у вас случилось?

- Да вот, - указала болезненного вида женщина на коричневатую запертую дверь. - Наш сосед, аптекарь Коломеец Яков Вениаминыч, разошелся с Супругой. И, видимо, переживал.

- Короче говоря, скончался, - заключил мужчина в жилетке.

- Ключ? - спросил Жур.

- Да он изнутри замкнутый, - вздохнула женщина, подперев ладонью щеку.

Жур левой рукой вынул из кармана большой складной нож и стал заглядывать в скважину замка. Потом молча протянул нож Зайцеву.

И Зайцев без слов все понял. Быстро раскрыл нож, просунул лезвие в щель двери, поковырял-поковырял, и дверь бесшумно открылась.

Лучше было бы Егорову не приезжать сюда, не сидеть в извозчичьей пролетке, не греть у живота наполняющий сердце гордостью наган.

Как открылась дверь, Егоров сразу обмер.

В спертom воздухе под потолком на шнуре висел человек с обезображенным лицом.

- Ваше слово, Илья Борисыч, - кивнул на покойника Жур и повернулся к дверям: - Граждане, лишних все-таки прошу отойти. А вот вы и вы, - указал он на двух мужчин, - пожалуйста, останьтесь. Нам нужны понятия...

Но разве кто-нибудь сам себя посчитает лишним! Почти все и остались, но в комнату не вошли. Продолжали толпиться у дверей.

Кац потрогал повесившегося за ноги, сморщился, пожевал стариковскими губами.

- Это называется "смерть". Надо его снять.

Зайцев поднял лежавшую тут стремянку, на которую, может быть, в последний раз поднимался аптекарь, мигom установил ее, укрепил на шарнирах и полез по ступенькам с открытым ножом.

- Придерживай его! - крикнул Жур Егорову, когда Зайцев стал

перерезать шнур.

Егоров, однако, не понял, кого придерживать, и взялся скрепя сердце за стремянку.

А придерживать надо было аптекаря, чтобы он не рухнул. Но этого уж Егоров, пожалуй, не смог бы. Не смог бы заставить себя.

Аптекаря снял Кац. И Жур помогал ему левой рукой. А Егоров все еще держался за стремянку, хотя Зайцев уже слез.

- Так, - сказал Жур и стал осматривать комнату, подошел к окнам.

Узенькая форточка была плотно притворена, но не защелкнута на крючок. Жур ее толкнул кулаком, отворил. Потом опять прикрыл.

Вышел в коридор, прошелся по нему взад-вперед.

- Ходили к нему его компаньоны - братья Фриневы, Борис и Григорий. Очень жалели его, - рассказывала Журю болезненного вида женщина. - Все сговаривали его прокатиться на извозчике. Для удовольствия. Чтобы, значит, согнать тоску. Даже нанимали извозчика. Но он не схотел, бедняжка...

- Какие братья? - спросил Жур.

- Фриневы. Тоже аптекари, с Белоглазовской.

- Давно они были?

- Да уж давно. Дня, наверно, три назад.

Жур опять вошел в комнату.

Кац рассматривал лицо и шею мертвого аптекаря. Трогал зачем-то его уши.

- Не нравятся мне эти линии, - показал Кац на шею покойника. И опять потрогал его уши.

- Да, не очень хорошо он выглядит, - согласился Жур. (Как будто аптекарь, удавившись, мог выглядеть хорошо!) - Егоров! У тебя как почерк? Разборчивый?

- Ничего, - глухо ответил Егоров.

- Ну, тогда садись пиши. Только старайся, почище пиши, неразборчивей...

Жур подвинул ему стул и положил перед ним стопку бумаги.

Егоров взял перо. Он боялся, что у него будут дрожать руки. Но руки не дрожали.

- Пиши, - повторил Жур. - Сначала заглавие: "Протокол осмотра места происшествия". Написал? Молодец! Теперь год, месяц, число. "Двенадцать часов дня... Я, старший уполномоченный уголовного розыска Жур У.Г., значит, Ульян Григорьевич, - в присутствии судебного медика Каца Ильи Борисовича, практикантов Егорова..." Как тебя зовут?

- Саша.

- Нет, так не пойдет. Надо полностью.

- Александр Андреевич.

- "...Александра Андреевича и Зайцева..." А ты, Зайцев, как называешься?

- Сергей Сергеевич, - поспешно и с достоинством откликнулся Зайцев.

- "...Сергея Сергеевича, а также понятых, - Жур посмотрел удостоверения личности двух мужчин, - Алтухова Дементия Емельяновича и Кукушкина Свирида Дмитриевича, составил настоящий протокол осмотра места происшествия смерти гражданина Коломейца Якова Вениаминовича". Написал? Хорошо пишешь. Дальше. "Осмотром установлено. Двоеточие..."

Егоров старательно, почти без ошибок, записал под диктовку Жур все, что установлено осмотром. И как расположена в общей квартире комната аптекаря, и сколько в ней дверей, и окон, и форточек, и как они закрыты, и куда выходят, и какого размера передняя в квартире. И как была вскрыта комната ("путем отжима ригеля") в момент прибытия представителей органов власти на место происшествия.

"Значит, этот язычок у дверного замка называется "ригель". Интересно, подумал Егоров, продолжая писать. - И как ловко Зайцев его отодвинул перочинным ножиком, этот ригель. Молодец Зайцев! А на покойника мне не надо глядеть. Ни в коем случае. Да ну его".

Жур диктовал четко, ясно, выговаривая каждую букву.

И Егоров писал спокойно, радуясь, что рука не дрожит. Значит, всякий человек может заставить себя делать что угодно, если этого требуют обстоятельства.

Он подробно описал под диктовку всю мебель в комнате аптекаря, перечислил склянки с лекарствами на столе, подушки, большие и маленькие, матрац, голубое тканьевое одеяло, которым покрыта постель, брюки, жилет и пиджак аптекаря, сложенные на спинке кожаного кресла.

Затем так же спокойно он описал вделанный в потолок массивный медный крюк для люстры, на котором висел на шнуре, - и толщину и цвет шнура описал, - труп мужчины средних лет, невысокого роста, плотного телосложения, одетый в нательное теплое егерское белье сиреневого цвета.

- Хорошо пишешь, - опять похвалил Жур Егорова. - Но погоди минутку. - И снова стал осматривать труп, расстегивая пуговицы на рубашке. - Пиши дальше. "После освобождения шеи трупа от петли и констатации судебным медиком факта смерти произведен детальный осмотр трупа. Белье на трупе оказалось целое, чистое, без каких-либо пятен. На лице,

голове и теле трупа никаких ран, ссадин, царапин и иных повреждений нет. Конечности целы. На шее трупа, однако, имеется неясно выраженная странгуляционная борозда, оставленная шнуром, что указывает на необходимость судебно-медицинской экспертизы. Из ранних трупных явлений налицо сильное окоченение челюстей и конечностей, а также трупные пятна, расположенные на ногах в виде сливающихся овалов размером с куриное яйцо и пятикопеечную монету царской чеканки". Помоему, правильно? - обратился Жур к Кацу.

Кац утвердительно мотнул головой. И Егоров мотнул. Мотнул, как клюнул. И свалился со стула. Обморок.

Ах как растерялся, а затем обозлился Жур! Ведь не будешь объяснять любопытным, все еще заглядывающим в открытую дверь, что это не работник уголовного розыска упал в обморок, а стажер - мальчишка, щенок!

- Нашатырный спирт, - сказал Кац и стал близорукими глазами осматривать склянки на столе аптекаря.

Егорову дали понюхать нашатырного спирта. Он очнулся.

Жур и Кац усадили его на стул. И Жур еще для большей верности с особой энергией потер ему левой рукой виски и уши.

- Зайцев, пиши, - приказал Жур.

Зайцев уселся за стол. Потом вскочил, подошел к трупу, потрогал его ноги и сказал:

- А это вы немножечко ошиблись насчет пятен, товарищ Жур. Куда же с пятикопеечную монету? Это как две копейки царской чеканки...

- Пожалуй, - согласился Жур. - Ну, пиши: с двухкопеечную монету...

Зайцев продолжал писать протокол.

А Егоров, бледный, с красными ушами, сидел в стороне от стола и автоматически, уже совсем бессознательно, постукивал ребром ладоней о край стула, как рекомендует господин Сигимицу для укрепления кистей рук. Но на кой черт нужен теперь господин Сигимицу со всей его наукой и хитроумными способами, если, кажется, все пропало, все?

Когда явились из морга санитары в серых халатах, Зайцев стал суетливо помогать им укладывать на носилки труп аптекаря.

А Егоров даже не приподнялся со стула. Зачем он будет еще поднимать этого мертвяка, если из-за него - вот именно из-за него - рухнула, пожалуй, вся карьера Егорова? И что ему не жилось, аптекарю? Нет, видите, пожелал удавиться...

Внизу, у подъезда дома, все еще ждал лохматый извозчик. И рядом стояли дроги из морга.

Егоров, спустившись вниз по этой узкой деревянной лестнице, хотел сразу же направиться домой. Ведь все ясно: не служить ему больше в уголовном розыске. Пусть ему сделают отметку на комсомольской путевке, что он не справился, и отошлют ее обратно в губком. Не справился и не справился. Что ж теперь делать? Пусть...

Но все-таки, проходя мимо Жура, садившегося в пролетку, Егоров спросил только из вежливости:

- Мне больше не надо приходить?

- Это в честь чего не приходить? - осердился Жур. - Нет, милости просим. Давай садись в пролетку. Поехали...

8

В дежурке в тот же день узнали о происшествии с Егоровым. Ведь о чем-нибудь хорошем чаще всего узнают позднее, а о плохом мгновенно.

Воробейчик хохотал больше всех.

- Значит, могло получиться сразу два мертвяка - аптекарь и стажер. Вот так работнички...

- Почему работнички? - спросил Егоров. - Ведь я один упал. Зайцев не падал.

- Значит, боишься? - допытывался Воробейчик. - Покойников боишься?

- Боюсь, - сознался Егоров.

И то, что он не оправдывался и не обижался, когда смеялись над ним, в какой-то степени выручало его.

Новые факты потом постепенно ослабят, может быть, впечатление от этого, в сущности, исключительного случая. Однако забыть о нем совсем сотрудники, наверно, не смогут. Так всегда и будут вспоминать: "Егоров? Какой это Егоров? Ах, этот, что упал в обморок, когда поднимали мертвого аптекаря! Ну и слюнтяй..."

Больше всего здесь не прощают трусости, душевной слабости, излишней чувствительности. Ты пришел сюда работать - так работай. Ты же знал, что тут не гимназисток воспитывают...

Это знал и Егоров. И все-таки допустил непростительный промах.

Воробейчик не даст теперь ему проходу. Нахальный, надоедливый Воробейчик. Черный, как грач.

Егоров сперва думал, что его тут так прозвали - Воробейчик. За юркость. Он и ходит подпрыгивая. А потом выяснилось, что это его настоящая фамилия - Виктор Антонович Воробейчик...

И как раз сегодня он до самой ночи будет дежурным по городу. Поэтому сидеть в дежурке Егорову уже совсем тяжело, невыносимо тяжело.

Лучше ему побродить по коридору, благо коридоры длинные и полутемные.

Жур, должно быть, забыл о Егорове. Или Журю противно вспоминать про него. Где-то в коридоре слышен голос Жура.

Егоров невольно идет на этот голос.

Узенькая дверь чуть приоткрыта. За дверью разговаривают несколько человек. Пять или шесть, или всего трое.

- Почему вдруг выгнать? - кого-то спрашивает Жур. - А если тебя выгнать или меня?

Егоров догадывается, что это говорят о нем. Кто-то требует, чтобы его выгнали. Ну и пусть. Может, это сам Курычев требует. Ему уж, наверно, доложили. Уже нашлись старательные болтуны и доложили...

Близко подходить к двери Егоров не решается. Но, и совсем отойти не может. И не может расслышать всех голосов. Только голос Жура он слышит довольно ясно:

- Вообще мне противно это слово "выгнать". Это барское, дурацкое слово. А что касается Усякина, то я считаю, что его увольнять пока не надо. Его надо только решительно предупредить. Пусть он знает, что у нас тут не балаган и безобразий мы не потерпим. Пусть Усякин занимается только собаками и никуда не лезет.

Усякин, Усякин. Ах, это тот Усякин, про которого в дежурке написано: "Усякин, я тебя не боюсь". Но Егорову сейчас даже не хочется догадываться, кто такой Усякин.

"Я сам теперь Усякин", - угнетенно думает Егоров и проходит мимо двери.

Но дверь вдруг открывается.

Из комнаты выходят Жур и трое незнакомых. Нет, один знакомый. Ой, да это сам товарищ Курычев, начальник угрозыска!

Егоров хочет с ним поздороваться. Но Курычев, даже не взглянув на него, уходит в глубину коридора - в свой кабинет, где ковры. Интересно, знает он, как оскандалился Егоров, или не знает? Хотя теперь это уже все равно.

- Ну, как ты, Егоров, себя чувствуешь? - кладет Жур левую руку Егорову на плечо.

- Ничего, - говорит Егоров.

- Ты вот что, - задумывается Жур, - пойдешь в криминалистический кабинет. Ты был у нас в криминалистическом кабинете?

- Нет еще.

- Вот пойдешь. И Зайцева позови. Пойдите вместе. А потом можете идти

домой. Завтра приходи ровно в девять. И в дежурке не сиди. Там тебе нечего делать. Приходи прямо ко мне, вот сюда. Ну, будь здоров. Гляди веселее...

Не очень-то, однако, весело глядеть чувствительному человеку на эту страшную выставку в криминалистическом кабинете. Даже стошнить может с непривычки.

Егоров подумал, как бы ему тут опять не упасть, в этом кабинете. Вот был бы позор. И он все время облизывал губы. И все время ему хотелось сплюнуть куда-нибудь, но сплюнуть, к сожалению, некуда. И неловко.

Все стены увешаны веревками, мешками, колотушками. И указано точно, кого, когда и кто убивал этими предметами.

А в витринах разложены пистолеты, винтовочные обрезы, ножи и кинжалы со следами порыжевшей крови.

И это еще ничего. Но зачем сфотографированы в разных позах убитые, повешенные, утопленные люди? И непонятно, для чего развешаны портреты убийц: старуха какая-то, как баба-яга, убила восемнадцать человек разными способами и в разное время, бородатый ломовой извозчик, погубивший своих детей, торговка, делавшая пирожки из человеческого мяса... Много их, всяких, тут. В стеклянных банках заспиртованы чьи-то внутренности.

Егоров просто не может смотреть на все это. Но Зайцев кричит с другого конца зала:

- Егоров! Иди сюда! Вот смотри-ка, еще что... - И показывает на большую стеклянную банку, в которой мерцает - издали видно - что-то розовое с синим, отвратительное что-то.

- Тут всего за один день не разглядишь, - говорит Зайцев, когда Егоров приближается к нему. - Я во второй раз смотрю и то удивляюсь. Нам надо с тобой сюда еще раза два-три прийти, чтобы все как следует рассмотреть... во всех подробностях...

- Придем, - покорно кивает Егоров. - А сейчас мне некогда. Надо идти.

- Подожди, - удерживает его Зайцев.

Все-таки очень деликатный человек Зайцев. За все время он ни разу даже намеком не напомнил о том, что сегодня случилось с Егоровым на Поливановской, в комнате аптекаря. Разговаривает обо всем, а о том ни слова.

На улице Зайцев вдруг останавливается.

- погоди. Нам надо зайти в комсомольскую ячейку. Я все-таки хочу, чтобы тебя взяли на учет.

- Не возьмут.

- А я тебе говорю, возьмут. Я уже разговаривал с Шурочкой...

- Кто это Шурочка?

- Там, наверху, в управлении милиции.

И они поднимаются на второй этаж, входят в тот зал, где был торжественный вечер.

Никакой торжественности тут теперь, понятно, нет. Опять тесно составлены столы, над столами склонились милицейские служащие.

Зайцев быстро находит коротко стриженную девушку, издали похожую на парня. Ее даже неловко называть Шурочкой - такая она большая, могучая. И голос у нее хриплый. Но Зайцев все-таки называет ее Шурочкой.

- Вот, Шурочка, наш парень из уголовного розыска, Егоров. Я тебе про него говорил...

Дело, томившее Егорова все время, пока он здесь живет, решилось в две минуты.

Шурочка сказала, что она сама запросит учетную карточку из Дударей, а пока поставит его на учет условно.

- Спасибо, - сказал Егоров уже на улице. - Большое, я даже не знаю, какое тебе большое спасибо, Зайцев. Я это никогда не забуду. Ты меня, ей-богу, сильно выручил...

- Опять "ей-богу"? - засмеялся Зайцев.

- Ну ладно, я потом отвыкну, - пообещал Егоров.

Они проходили в сумерках мимо красного здания городского театра, где подле освещенного подъезда среди голых, давно уже сбросивших листву деревьев толпилось множество людей.

И над толпой возвышались три конных милиционера.

А на фасаде театра в окружении электрических лампочек висела огромная афиша:

"Был ли Христос? В диспуте примут участие нарком просвещения А.В.Луначарский и митрополит Александр Введенский".

Весь город, казалось, рвался в театр. И, конечно, не потому, что всем хотелось немедленно выяснить, был ли на самом деле Иисус Христос.

Всем хотелось посмотреть на знаменитого наркома просвещения, вдруг пожелавшего приехать в этот далекий сибирский город. И на митрополита Введенского - главу так называемой живой церкви - многим тоже хотелось посмотреть.

- Хочешь, зайдём? - показал на театр Зайцев.

- Ну, разве пробьешься? - усомнился Егоров.

- А хочешь?

- Я бы пошел с удовольствием, если б пустили, - сказал Егоров.
- Тогда сразу пойдём, - позвал Зайцев и, наклонив голову, устремился в толпу.

Егоров еле поспевал за ним.

Зайцев расталкивал людей и говорил только одно слово "минутку".

У самых дверей они вынуждены были остановиться.

Их остановили билетеры, стоявшие с двух сторон.

- Ваши билетики?

- Из угро, - как-то глухо и грозно произнес Зайцев. И оглянулся на Егорова. - Этот со мной.

- Пожалуйста, - сказал один билетер и опасливо посторонился.

Все великолепие этого старинного театра с его люстрами, синим бархатом и позолотой в одно мгновение как бы обрушилось на Егорова и придавило его.

Оказывается, он никогда еще не был в театре и не знал, что здесь так красиво.

- Гляди, Луначарский, - показал Зайцев, когда они уселись на бархатный барьер ложи.

- Который?

- Да ты что, Луначарского не видел?

- Где же я его увижу?

- А на портретах?

- Ах, на портретах...

- Вы что тут, долго будете безобразить? Слезайте сейчас же. А то я милицию вызову.

Зайцев посмотрел сверху вниз на чистенького старичка билетера.

- Вызовите. Я как раз хотел вас об этом попросить.

А Егоров спрыгнул с барьера и потянул за собой Зайцева.

- Не валяй дурака, Сережа, а то подумают, мы - хулиганы.

- Не подумают, - скосил глаза на билетера Зайцев, но все-таки тоже спрыгнул.

- Который, ты говоришь, Луначарский? - опять спросил Егоров, жадно вглядываясь в людей, разместившихся за высоким и длинным столом президиума, застланным красным бархатом.

- Вон тот полный, налево смотри, в пенсне, редкие волосы. Причесывается, что ли? Нет, просто ухо потрогал...

- А я на этого подумал, на художавого...

- Ты что? - удивленно посмотрел Зайцев на Егорова. - Разве плохо видишь?

- Нет, ничего.

- Этот же, худощавый, - поп. Его сразу заметно, что он поп. Это и есть митрополит Введенский.

Однако ошибиться было легко.

Из-за трибуны видно только голову и плечи выступавшего митрополита. Волосы у него не длинные, как бы полагалось духовному лицу. И он в эту минуту перелистывал на трибуне бумаги. Вычитывал цитаты, как всякий докладчик. Только цитаты он приводил из Библии на церковнославянском языке, непонятном многим.

Егорову же был понятен этот язык. Он и грамоте стал учиться сперва по-славянски. Раньше, чем он пошел в школу, его учил отец по какой-то старинной книге.

Отец Егорова больше всего любил чтение именно старинных, главным образом божественных книг. Верхолаз-кровельщик, он часто чинил купола храмов, разъезжал с этой целью по всей Сибири и считал себя близким к церковным делам. Только, кажется, перед самой смертью, уже на гражданской войне, он разочаровался в религии. А бабушка Егорова постоянно, до сих пор читает Библию. И кажется, еще совсем недавно она возила внука на пароме в Староберезовский монастырь, на поклонение мощам святого Софрония.

Егоров до сих пор помнил все молитвы. Но сейчас весь этот божественный, религиозный мир был от него где-то далеко-далеко, как в тумане. И ему было вовсе не интересно слушать митрополита.

Он рассеянно оглядывался по сторонам, рассматривал расписанный потолок, балконы, галерку.

- Не люблю я их, - негромко и досадливо сказал он, опять покосившись на митрополита Введенского.

- Кого? - удивился Зайцев. - Кого не любишь?

- Ну, одним словом, попов и вот всю религию. У меня из-за них в Дударях чуть большое дело не вышло. Чуть-чуть меня из комсомола из-за них не наладили...

- А что такое? - обеспокоился Зайцев. - Ты в церковь ходил? Молился?

- В том-то и дело, что я уже не молился. И не ходил. А все-таки пришили дело. Меня, одним словом, один парень спас. Вениамин Малышев. Мировой парень! Так я ему до сих пор письмо и не написал. А он меня, можно сказать, спас. А то бы я сейчас скитался.

- Да в чем дело-то было?

- После я тебе расскажу. Но это было большое дело, - вздохнул Егоров.

- После так после, - оборвал его Зайцев. - А сейчас слушай. Говорит

Луначарский. Вон он, видишь, встал... - Зайцев схватил Егорова за руку. Теперь внимательно слушай - Луначарский...

Полный, плотный человек с крупной седоватой головой поднялся за столом. Пенсне его заблестело.

- Ну, хорошо, - сказал он, - допустим на минутку, что митрополит Введенский ведет свое происхождение непосредственно от бога Саваофа. Допустим, что он создан по образу и подобию божью. А я и те, кто со мной согласен, приходим, как утверждает наука, от обезьяны. И вот если вспомнить, как выглядит обезьяна, и взглянуть хотя бы на меня, можно сказать, какой прогресс. А теперь вспомните могущественного бога Саваофа, каким его изображают на иконах, и посмотрите на нашего собеседника митрополита. Не правда ли, какой ужасный регресс?!

Многие засмеялись и захлопали.

А когда смех и аплодисменты утихли, Егоров наклонился к уху Зайцева и доверительно прошептал:

- А мы правда все от обезьяны.

Зайцев опять засмеялся.

- Я серьезно говорю, - нахмурился Егоров. - Я это еще в Дударях читал, что мы все от обезьяны...

Тон у Егорова был такой, что мне самому, мол, неприятно это открытие, но не признать его все же нельзя. И Егоров вздохнул.

Домой он пришел очень поздно, но в темном дворе еще визжала пила и ухал топор.

Катя и ее ребята азартно работали под окном кухни, в полосе света, падавшей из окна от керосиновой лампы-"молнии". Они пилили и кололи дрова, и укладывали их тут же под низеньким навесом.

Егорову стало стыдно. Ребята и Катя работают, а он где-то там ходит, слушает митрополитов... А все думают, что он задерживается на работе. А на работе он сегодня оскандалился.

Катя, однако, обрадовалась его приходу.

- Вы, ребята, пилите, - оставила она пилу, - а я покормлю дядю.

Раньше она его не так называла.

- Нет, я уже поел, - сказал Егоров.

- Вижу, - вытерла руки фартуком Катя. - Вижу по личику твоему прекрасному, как ты поел. Краше в гроб кладут.

- Нет, я правда не хочу есть. Я буду сейчас пилить с вами.

- Поешь, - повела его в дом Катя. - Я сегодня щи варила. Большой чугунок. Мы уж во второй раз поели. Еще теплые щи.

Она три раза повторила это слово "щи", и Егоров вдруг так захотел

есть, что у него засосало внутри.

- Хорошие, очень наваристые. С костями от ветчины варила, - поставила Катя на стол ароматную еду и нарезала толстыми ломтями хлеб.

Пригласительный билет на торжественный вечер в честь Октябрьской революции был, как сказали бы историки, переломным моментом в отношениях брата и сестры. Она теперь, казалось, с особым удовольствием ухаживала за ним, как за важным лицом, оказавшим ей высокую честь состоять в прямом родстве.

Егоров поел, и его быстро сморила дремота, но он ее преодолел и пошел пилить дрова.

Племянники оживились. Каждый хотел пилить с ним. Но счастье это выпало только младшему - Коле. Митя и Валентин кололи и укладывали дрова.

А Катя ушла намочить белье к завтрашней стирке.

9

Всю ночь Егоров ворочался, бился. И даже кричал во сне.

Снились ему мертвый аптекарь и какие-то облезлые тигры, которые во что бы то ни стало хотели сожрать Егорова. Он забирался от них на высоченную лиственницу, но они упорно лезли за ним.

И он чувствовал, что хочет спать, что силы иссякают, и боялся, что тигры обязательно растерзают его в таком состоянии. Но поделаться ничего не мог.

Тигры, однако, его не растерзали.

Утром он проснулся бодрым, опять поел вчерашних щей и пошел на работу.

Работа оказалась на редкость странной.

Жур посадил его и Зайцева переписывать старые протоколы допросов и осмотра мест происшествий. Они сидели за одним столом.

Зайцев писал и сердился.

- Опять школа первой ступени...

Хотя едва ли ему приходилось в школе переписывать такие документы.

А Егоров молчал.

Школа первой ступени была сладчайшим воспоминанием его жизни.

В школе он встретил Аню Иващенко и влюбился в нее. И еще сейчас это воспоминание слегка туманит его голову. Надо бы хоть разыскать как-нибудь брата Ани. Интересно узнать, где сейчас Аня. Но все это успеется. Все это можно сделать потом.

А сейчас главное - работа. Все равно, какая работа - переписка или что-нибудь другое. Лишь бы пройти испытательный срок, утвердиться на

этом месте.

В двенадцатом часу дня пришел Воробейчик и попросил Жура отпустить Зайцева съездить вместе с ним в Замошкину рощу, где минувшей ночью произошло два ограбления.

В третьем часу Зайцев вернулся из Замошкиной рощи, и уже сам Жур послал его привезти в уголовный розыск вдову аптекаря Коломейца, которая по справке адресного стола проживает в Зверином предместье, Вокзальная улица, дом номер двенадцать.

Зайцев во второй раз уехал.

А Егоров все продолжал переписывать старые протоколы.

Нет, он не все время переписывал. В обеденный перерыв, когда на втором этаже - в управлении милиции - затрещал звонок, Егоров вынул из кармана мешочек, в котором были кусок хлеба и две картошки, съел их и запил теплой водой из "титана" с кислой конфеткой "барбарис", выданной ему Катей в знак особого ее уважения к его необыкновенной деятельности.

Деятельность же оказалась не ахти какой необыкновенной.

Егоров понял, что его отстраняют от оперативной работы, но зато собираются, может быть, оставить на канцелярском деле. Вот так, наверно, все и будет. Их зачислят обоих в штат - Зайцева и Егорова. Только поставят на разную работу. Ну что же! Лишь бы оставили. Не все ли равно, что делать, в конце концов. Надо только стараться хорошо работать, а то и с канцелярского дела могут попросить.

И Егоров старался. Он выписывал аккуратно каждую букву и огорчился только, что ручка попала какая-то расхлябанная, перо в ней все время болтается. Все пальцы испачкал чернилами. И еще, чего доброго, можно испачкать страницу.

Зайцев привез на извозчике вдову аптекаря и, оставив ее в коридоре у дверей, вошел в комнату Жура.

- А я тебя жду, - сказал ему Жур. - Надо бы еще привезти старшего брата Фринева, Бориса. Он живет на Белоглазовской, тринадцать...

Жур мог бы послать Егорова за этим Фриневым Борисом, пока не было Зайцева. Подумаешь, какая сложность! Но Жур все-таки не послал Егорова. Значит, правильно: Егоров, по мнению Жура, не годится даже для самой простой оперативной работы.

"Ну что ж, пусть, - подумал Егоров. - Пусть Зайцев ездит, а я буду переписывать. Все буду делать, что заставят. Я не капризный. Мне так даже лучше. Башмаки у меня худые. А на улице слякоть".

И все-таки где-то в глубине его сознания тлея, как уголек, горчайшая обида.

Не мог Егоров примириться с тем, что Зайцев лучше его, что Зайцеву все доступно, что Зайцева здесь уже считают боевым, а он, Егоров, вдруг бухнулся в обморок, как девчонка, испугался мертвого аптекаря.

Но теперь уж поздно жалеть об этом. Может, потом еще будет время и Егоров тоже покажет себя. А пока: "При осмотре места происшествия обнаружено... двоеточие. Как это может быть обнаружено двоеточие? Чепуха какая! Я ошибся. Я, наверно, устал..."

И он действительно устал.

Был уже шестой час дня. За окнами потемнело. Но Егоров решил исправить ошибку, решил снова переписать протокол осмотра с самого начала.

В это время к нему подошел Жур.

Егоров побоялся, что Жур прочтет последнюю фразу, заметит глупую ошибку и поймет, что стажер не годится и для канцелярской работы.

Егоров закрыл последнюю строку ладонью и размазал чернила. Руки от волнения у него были потные.

Но Жур не обратил никакого внимания на то, что пишет стажер. Жур сел на стул против него и сказал:

- Слушай, Егоров, у меня к тебе есть просьба. (Не задание, заметьте, а просьба.) Я вчера велел, чтобы в мертвецкой заморозили этого аптекаря Коломейца, ну его к черту. За ним тоже вскрываются дела. Но у нас, знаешь, какие там работнички. Может, ты съездишь в Ивановскую больницу, проверишь?

- Ну что же, - опустил глаза Егоров.

- Я знаю, тебе почему-то неприятно смотреть на этого аптекаря. Но такое дело - послать некого. У меня еще два вопроса. Съездишь?

- Ну что же.

- "Ну что же" - это не разговор, - вдруг посуровел Жур. - Ты находишься на работе, с тобой говорит уполномоченный, - твой, стало быть, непосредственный начальник. Надо, во-первых, встать...

- Ну что же, - еще раз невольно сказал Егоров. И встал.

- Так, значит, съездишь? Можешь съездить?

- Отчего я не съезжу? Пожалуйста. Сейчас?

- Да, нужно бы сейчас съездить...

Но это только так говорится - съездить. А охать не надо. Можно пешком пройти два квартала Главной улицы, потом свернуть на Бакаревскую и спуститься к набережной.

Тут, на набережной, за понтонным мостом, и находится Ивановская больница.

Егоров пошел пешком. Он шел и все старался подавить в себе гнетущее чувство надвигающейся на него неотвратимой беды. И в то же время он думал: "А что, если б послали в мертвецкую сейчас Воробейчика или даже Зайцева? Они, пожалуй, и не почесались бы. Нет, наверно, и им было бы неприятно. Но они бы все равно пошли. И я иду. В чем дело?"

На набережной было уже совсем темно и холодно.

Великая река, объятая холодным туманом, ревела со стоном и скрежетом. Будто томилась, что до сих пор нет настоящего мороза и она никак не может покрыться льдом.

За мостом стало чуть светлее от ярко освещенных окон больницы.

Она большая, во весь квартал, больница. И вдоль нее тянется чугунный забор на каменных столбах.

Егоров вошел в больничный двор, где было еще светлее.

Из боковой двери две женщины в серых халатах вынесли укрытые простыней носилки.

- Это откуда? - спросил их мимо идущий мужчина с газетным свертком под мышкой. - Из десятой?

- Из десятой.

- Неужели Савельев?

- Он.

- Значит, преставился?

- Значит, так.

- Ну, этак-то ему лучше будет, отмучился, - удовлетворенно вздохнул мужчина, тоже, видно, здешний человек, наверно санитар, и, поправив сверток под мышкой, пошел дальше.

"В баню, - подумал Егоров. И еще подумал, глядя на женщин с носилками: - У людей вот такая работа, может, каждый день, и они ничего. А меня ненадолго сюда послали, и я уже чего-то боюсь. А чего бояться-то?"

Егоров хотел спросить этих женщин, где тут мертвецкая, но понял, что носилки несут именно туда, и побрел за носилками.

- Никодим! Никодим Евграфыч! - закричала одна женщина, державшая носилки. - Открывай, принимай гостя!

- Чего кричишь? Открыто для всех. И для вас лично, - отозвался откуда-то из-под земли старческий голос.

И над дверями подвала вспыхнула лампочка.

Из подвала вылез на свет старик в брезентовой куртке и в брезентовых же штанах, с тонкой, длинной шеей, как у гуся, и с маленькой, детской головкой в теплой шапке.

- К вам тут вчера привезли аптекаря, - сказал ему Егоров. - Приказали

заморозить. Аптекаря фамилия, - он посмотрел в бумажку, - Коломеец Яков Вениаминович.

- Ничего не знаю, - снял шапку старик и, отряхнув ее, опять надел. - У меня тут все почти что аптекари. Если велели заморозить, значит, заморожен. Иди гляди...

И повел Егорова по широким каменным ступеням в подвал, куда уже пронесли носилки.

В глубине подвала старик опять зажег лампочку над нишей, откуда пахнуло зябким, мертвенным холодом, и Егоров увидел на помосте восемь в ряд лежащих мертвецов. Три женщины, четыре мужчины и один мальчик, что ли. Не разберешь.

Лампочка светит тускло, она грязная.

- Он вам родной? - спросил старик.

- Это с какой стати? - почти обиделся Егоров. - Я из уголовного розыска.

- А-а, ну, это другое дело.

Егоров думал, что старик, узнав, кто он такой, проникнется к нему особым почтением и станет извиняться, что еще не заморозил аптекаря. Но старик, напротив, утратил к Егорову всякий интерес, выяснив, что он не родственник аптекарю.

- Ищите его, где он тут лежит, - показал старик на весь подвал. И зажег еще одну лампочку. А потом еще одну.

Подвал оказался громадным.

- Где же его тут найдешь? - растерялся Егоров и поежился.

Здесь, казалось, даже холоднее, чем на набережной. И все-таки откуда-то шло, должно быть, тепло. Нет, это просто было душно.

- Они как же у вас тут, по номерам? - спросил Егоров, стараясь не показать растерянности.

- По номерам? - засмеялся с дребезгом старик. - Да разве на них наберешься номеров? Их вон сколько тут напихано, накладено! Видимо-невидимо. Ужас...

Однако ужаса старик, должно быть, не испытывал.

Ужас испытал Егоров. Он почувствовал, что его опять подташнивает, как тогда. И от лампочек-в углах шевелятся тени. Кажется, что здесь не только мертвые, но притаились и живые. И эти живые в сговоре со стариком. В сговоре против Егорова. Вот они сейчас его погубят. Очень хитро и страшно погубят.

Егоров пошел к дверям.

А может, ему в самом деле уйти и сказать, что аптекаря не нашли, не

могли найти? Пусть придет сюда Воробейчик, если он так любит над всеми подфигуривать. Или Зайцев. Или кто-нибудь еще, кто хочет. Даже зарплату не платили, а уже посылают куда-то.

- Вы что это, вроде как робеете? - вдруг с ухмылкой посмотрел на Егорова старик.

И весь позор вчерашнего дня снова встал перед Егоровым. И позор этот повторится.

- Отчего это я робею? - не сразу, а переведя дыхание, спросил Егоров. Ты не робеешь, а я робею?

- Мне-то уж чего робеть, - опять ухмыльнулся старик. - Мое дело такое, что мне робеть не полагается. Но многие, я замечаю, робеют. Даже из вашего этого самого... из сыскного, словом.

- Я не из сыскного, - твердо и с вызовом сказал Егоров. - Я из уголовного розыска. Сыскное - это при царе было. Ну-ка, давай показывай, где у тебя самые свежие, кого, допустим, вчера привезли...

- А я их не отбираю. Это не ягода. Вы сами тут разбирайтесь. Мне за отбор денег не платят...

Егоров на мгновение снова растерялся. Как же он тут разберется сам? Ни за что ему не разобраться. Но его внезапно осенила счастливая мысль.

- Тебе ведь, отец, еще вчера приказали заморозить аптекаря. А ты чего делаешь? Чего ты тут выясняешь, кто робеет и кто не робеет? Тебя поставили на дело - делай, а нечего дурочку разыгрывать! Я ж тебе говорю, что я не из шарашкиной конторы, а из уголовного розыска. Показывай мне, где тут аптекарь...

- Пожалуйста, глядите, - вдруг действительно оробел старик. - Давайте вот этого съедем. - И он потянул за ноги мертвеца, лежавшего первым от края. - Женщин тревожить не будем, а мужеский пол оглядим. Не этот? Глядите...

Глядеть на это было самым трудным для Егорова. Но он глядел.

- Нет, не этот.

- Ну, тогда зайдемте с этого краю, - предложил старик, потирая будто озябшие руки.

Егоров не считал мертвецов, но, пожалуй, не менее двадцати перебрал их старик, пока Егоров угадал:

- Вот этот.

Это был действительно аптекарь. И сейчас, как тогда, Егорову, мельком взглянувшему на него, опять стало плохо.

"Только бы снова не сыграть дурака, - быстро подумал он и привалился плечом к каменному столбу. - Не упасть бы тут при старике. А

то просто позор будет. Просто позор..."

Но старик уже не глядел на Егорова. Он, как бревешко, поднял аптекаря и понес к той высокой нише, где лед.

Как благодарен был Егоров старику за то, что он не попросил помогать ему!

Однако, дотащив аптекаря до ниши, старик закричал:

- Ваше здоровье, молодой человек! А ну-ка, давайте вдвоем закинем его!

Егоров никогда не смог бы вспомнить, как это произошло. Но он все-таки собрал в себе силы, заставил себя взять аптекаря за каменно-холодные ноги, и, чуть качнув, они уложили его на лед.

- Большое спасибо, - сказал Егоров старику.

Бодро, твердо сказал. И пошел из подвала.

- И вам спасибо, - ответил старик. - Это наше дело - призывать усопших. А как же! Каждого надо устроить куда надлежит...

Егоров вышел из подвала, и силы, казалось, оставили его. Коленки дрожали. Но все-таки он прошел весь двор. И только у забора остановился.

Не мог дальше идти, навалился на забор. Тошнит, и в глазах темно. И отчего-то хочется плакать. И страшно: вдруг кто-нибудь увидит его тут... Что это, молодой человек, покойников, что ли, испугались? А сколько вам лет? Зимой будет восемнадцать. А где вы работаете?

- Ну ладно, - сказал Егоров самому себе, - пойдем потихоньку...

Когда он проходил по набережной, коленки уже не дрожали. Но все еще подташнивало. Он постоял недолго на мосту, облокотившись на перила, будто смотрит в воду. Потом пошел дальше.

10

На Главной улице уже всю горело электричество. И особенно много было света, как всегда, у кинотеатра "Красный Перекоп".

Здесь стояли, освещая рекламу, старинные шестиугольные фонари. Они остались еще от той поры, когда кино называлось иллюзионом и содержал его забредший в Сибирь итальянец.

Шла старая картина "И сердцем, как куклой, играя, он сердце, как куклу, разбил". И готовилась новая, которую будут показывать завтра, - "Солнце любви".

Егоров остановился посмотреть в широком окне фотографии из новой картины.

Остановился не потому, что уж так хотелось все это посмотреть, а потому, что ему опять вдруг стало нехорошо. Ах, какой ты нежный, Егоров!

Он сам сердился на себя.

Вдруг его кто-то потрогал за рукав. Оглянулся. Перед ним стоял высокий румяный молодой человек в хорошем драповом пальто, в серой кепке. Узконосые штиблеты, фасон "шимми" или "джимми", ярко начищены, несмотря на слякоть.

- Егоров, ты не узнаешь меня?

- Отчего же не узнаю? Маничев Ваня. Но вид, правда, богатый. Где работаешь?

- У частного. Сейчас только у частного и можно заработать. На консервной фабрике Гусева. А ты, мне сказали, куда-то уехал...

- Я уже приехал. В Дударях работал, на маслобойном заводе...

- А сейчас где?

- А сейчас, - Егоров затруднялся, - сейчас приглядываюсь только...

Сказать, что он работает в уголовном розыске, Егоров не решился. Да он еще и не работает. По-прежнему не известно еще, будет ли работать.

Поговорили они недолго о том о сем - в общем ни о чем, как говорят давно не видевшиеся люди, знавшие друг друга еще школьниками. Но Маничев все время разглядывал Егорова тяжелым взглядом взрослого человека, которому понятно многое. Потом сказал:

- Удивительно... Я помню, ты стихи писал. Ты мне показывал. Наша географичка Нина Степановна говорила, что у тебя... вроде того, что... природные способности. Я думал, ты далеко пойдешь...

- Не пошел, вот видишь, не пошел, - улыбнулся Егоров. Невесело улыбнулся, потому что ведь в самом деле горько, что он не пошел далеко. Некоторые пошли, а он не пошел. Даже на башмаки себе не может заработать. Хлюпает грязь в башмаках.

И все-таки очень приятно, что он встретил Ваньку Маничева.

Конечно, было бы еще приятнее, если бы он встретил его, когда и у самого были бы лучше дела. Но все равно радостно вспомнить детство, школу, школьный сад, где они забирались с Ванькой в укромный уголок у каменной сырой стены соседнего со школой дома и Егоров тайно, таинственным голосом читал свои стихи. Ох как волновался он тогда в предчувствии каких-то необыкновенных перемен в своей жизни, с каким торжеством и трепетом произносил, читая стихи, это красивое слово - "будущее"!

И вот будущее наступило. Он идет еле живой из мертвецкой. И стыдится сказать об этом даже Ваньке Маничеву. Нечем гордиться Егорову. Недалеко он пошел...

- Ты что, - еще измерил его взглядом Маничев, - болеешь или болел?

- Нет, я здоровый.

- Живешь, что ли, худо? Вид плохой у тебя. Ровно после тифа.

- Нет, ничего. Живу неплохо.

- Приходи к нам на фабрику, - пригласил Маничев. - Могу устроить как старого дружка...

- Спасибо, - сказал Егоров и подумал: "Кто знает, может, еще придется прийти". Но не стал спрашивать, куда приходиться. Спросил только: - наших старых ребят не встречаешь?

- Встречаю. Аню Иващенко помнишь?

- Аню Иващенко? - зачем-то переспросил Егоров. И почувствовал, как перехватило горло. - Где она?

- Вон она, - показал Маничев в стеклянные двери кинотеатра.

И Егоров увидел Аню.

Она стояла в светлом вестибюле, в легком жакете, отороченном мерлушкой, и в мерлушковой шапочке - покупала яблоки. Какая-то чужая, не такая, как раньше, но еще более красивая.

Егоров не хотел, чтобы Аня увидела его в таком виде. И в то же время он рад был бы услышать ее голос, потрогать ее руки. Нет, не потрогать, а только посмотреть на них, увидеть, как она улыбается, поднимая изломанные брови, а на щеках возникает нежный-нежный румянец, от которого становится всем светло.

Он мечтал когда-то не о женитьбе, нет, но каком-то удивительном приключении, вдруг сталкивающим его с Аней. И ему нравилась старинная песня:

Обобью свои сани коврами,
В гривы алые ленты вплету.
Прогремлю, прозвеню бубенцами
И тебя подхвачу на лету.

Нет, он только с виду такой тихий, Егоров. А это именно он собирался програть-прозвенеть бубенцами. И именно Аню Иващенко он собирался подхватить на лету.

Вскоре Аня вышла из вестибюля на улицу, поискала глазами Маничева, нашла, улыбнулась и, вынув из кулька, протянула ему большое красное яблоко.

Егорова она не узнала.

- Аня, это Егоров, - сказал Маничев и протянул Егорову яблоко.

- Не хочу, - замотал головой Егоров.

- Все ужасно изменились, - посмотрела на Егорова Аня. - А ты, Егоров, как прежде, дикий. Кушай яблоко. У меня еще есть...

Она не поздоровалась с ним, не удивилась, что встретила его, спросила

только:

- Ты тоже на этот сеанс - в семь тридцать?

- Нет, - опять мотнул головой Егоров. - Я просто мимо шел. Просто мимо...

Потом он спросил, где ее брат и что она сама делает. Брат ее вьется вокруг театра. Она так и сказала: "вьется". Не артист, но что-то вроде администратора или помощника. Уехал в Барнаул. А она на курсах иностранных языков. Уже второй год учится.

- Это сейчас мировое дело - иностранные языки, - надкусил яблоко Маничев. - На любую концессию можно устроиться переводчицей. Они платят валютой. Говорят, им уже отдают в концессию даже пароходство. Не справляются с делами большевики...

Маничев точно хлестнул Егорова по лицу этими словами. Но Егоров ничего не ответил. Да, наверно, и не сумел бы ответить.

В вестибюле загремел колокольчик. Это приглашали в кинотеатр тех, кто взял билеты на семь тридцать.

Маничев потрогал Егорова за рукав.

- Ну, будь здоров.

- Буду, - пообещал Егоров. И, кивнув Ане, пошел дальше.

А Аня взяла Маничева под руку и даже не оглянулась на Егорова. Да и почему она должна была оглядываться?

Из всех витрин - из магазинов, аптек и парикмахерских - лился на улицу яркий свет.

И над самой улицей, над серединой ее, качались электрические лампочки. А под лампочками мерцали лужи.

На каждом углу сидели подле маленьких черных ящичков мальчишки чистильщики обуви.

Мало кто хотел сейчас чистить обувь, в такую слякоть. Но каждого прохожего пытались остановить своим криком мальчишки: "Почистим, гражданин? Почистим до блеску, до самого треску!"

И только Егоров не интересовал мальчишек. Не такие у него башмаки, чтобы их еще чистить за деньги. Да и денег нет у Егорова. И не скоро будут.

Не скоро он купит себе такие штиблеты с узким носком, фасон "шимми" или "джимми", как у Ваньки Маничева. А может, не купит никогда. И все равно надо было что-то ответить Ваньке Маничеву, когда он сказал о большевиках.

Надо было ответить так, чтобы Аня вдруг покраснела. Не барин, мол, ты, Ванька, а холуй, хотя и корчишь из себя барина. И папа твой, лихач-

извозчик, тоже холуй. И вечно вы будете холуями. "Сейчас у частного только и можно заработать". Ну и зарабатывайте! Ну и целуйте частного во все места! А Аня пусть целует этих самых... концессионеров. И Ваньку Маничева, если ей нравится этот боров. "Не справляются с делами большевики". Еще посмотрим, кто с кем справится! Послать бы тебя, Ванька, сейчас в мертвецкую искать аптекаря, ты бы свободно набрал там полные штаны...

Егоров так взбодрился, что от недавнего его нездоровья не осталось и следа. Лоб вспотел. Клеенчатая подкладка фуражки прилипла ко лбу. Он потрогал козырек, сдвинул старенькую фуражку на затылок, и исхудавшее, бледное лицо его неожиданно приобрело залихватское выражение.

Вот таким он и вошел к Журю.

Жур, однако, не только не похвалил его, но и не взглянул на него, озабоченно роясь в каких-то бумагах на столе.

Весь стол был завален бумагами.

- Ах как жалко! - наконец вздохнул Жур. - Я про Шитикова и забыл. Просто выпал у меня из головы этот Елизар Шитиков.

- Я Елизара Шитикова знаю, - сказал Егоров. - Он у нас во дворе жил. Потом он переехал. Он теперь на Извозчичьей горе живет...

- Нигде он не живет, - опять стал рыться в бумагах Жур. - Его сегодня убили.

- Убили?

- Ну да. Надо было его тоже велеть заморозить. Он нам будет нужен. Это все одно дело. Ну и навязался на нашу голову этот аптекарь Коломеец Яков Вениаминович! Без него мало работы. А теперь бросить нельзя. Надо заморозить Шитикова...

Егоров молчал. А Жур все рылся в своих бумагах. И чего он такое потерял?

- Надо было мне сразу тебя попросить, когда ты пошел, чтобы заморозили и Шитикова, - опять сказал Жур.

Егоров неожиданно для себя предложил:

- Я еще раз могу сходить...

- Сходишь? - как будто обрадовался Жур.

- Схожу.

- Сходи, пожалуйста, Егоров. Не посчитай за труд... А ты обедал?

- Успею...

- А деньги на обед у тебя есть?

- Ну, откуда? - даже удивился Егоров. И успокоил Журю: - Я дома потом пообедаю.

- Дома ты завтра будешь обедать, - посуровел Жур. - Ты сейчас сходи еще раз в больницу насчет Шитикова, а потом пойдешь в "Калькутту" и там поешь. На вот, - он достал деньги. - Бери, бери, не ломайся! Я этого не люблю. В получку отдашь...

- Ну уж, в "Калькутту"! - улыбнулся Егоров, уверенный, что Жур шутит. Там меня только и дожидаются, в "Калькутте".

- Все уже закрыто, все столовые закрыты, - посмотрел на часы Жур. - А в "Калькутте" только начинают гулять. Зайди поешь. Послушаешь музыку. Но вина смотри не пей. Ни капли. Ты на работе.

- Да я и никогда не пью, - покраснел Егоров.

- Ровно в двенадцать ты мне будешь нужен, - постучал Жур пальцем по вещественному доказательству - по циферблату настольных часов в форме башни, подаренных когда-то кому-то в день чьей-то серебряной свадьбы, о чем гласит серебряная же, еще не оторванная пластинка. И вдруг сказал: Хотя погоди, я вот что сделаю. Шитикова поднимал Водянков, пусть он его и замораживает. Я ему сейчас позвоню. А ты иди в "Калькутту". Обязательно хорошо поешь. Солянку возьми. Ночью, однако, мороз будет. Я чувствую, у меня рука ноет...

Егоров в "Калькутту" все-таки не пошел. Хотя было любопытно - никогда не был. Но не решился пойти. И домой пойти тоже не решился. Ведь все равно сегодня же придется опять уходить, а Катя обязательно пристанет с вопросами, куда да зачем.

Но до двенадцати часов еще было далеко. А тут толкаться в коридорах не хотелось.

Егоров вышел на улицу, постоял у подъезда. Улица на его глазах чуть побелела - повалил снег.

Напротив, на другой стороне улицы, светился вход в клуб имени Марата. На дверях висела афиша:

"Сегодня лекция. Начало ровно в 8 часов. Вход свободный для всех".

Егоров перешел на ту сторону.

До начала лекции оставалось восемь минут, но народ собирался медленно. На кино или на постановку все идут, а на лекцию, даже когда вход свободный для всех, народу немного.

Егоров на деньги Жура взял в клубном буфете винегрет, селедку и полфунта хлеба. Все съел, показалось мало. Подумал, не взять ли еще бутерброд с сыром и чаю с сахаром. Что он, не отдаст эти деньги Журу? Конечно, отдаст. Жур сам сказал: "Отдашь в получку". Значит, будет получка.

Эта надежда развеселила Егорова. Он взял еще не только бутерброд с

чаем, но и два печенья из пачки "Яхта" - точно такие, какие ест во время своего дежурства по городу старший уполномоченный Бармашев. Не для одного же Бармашева делают это великолепное печенье!

Все получилось очень хорошо. Егоров допил чай и доел печенье как раз в тот момент, когда из зала вышел заведующий клубом и сказал:

- Ну, товарищи, мы начинаем лекцию. Больше ждать нельзя. После лекции будет кино...

Лекция называлась "Будущее Сибири".

И вот есть дураки, которые не ходят на такие лекции!

Егорову было все безумно интересно.

Седенький старичок, какой-то ученый, что ли, подробно рассказывал, как все будет.

Через какое-то время - ученый, правда, не сказал, через какое, - Сибирь никто не узнает.

Ленин указывает, что электрификация должна изменить всю страну. И как раз в Сибири есть все возможности для электрификации. В Сибири появятся во множестве такие грандиозные заводы, каких еще не видывал мир. Они будут выпускать все - от сложнейших машин до одеколona. И нам не нужны будут никакие концессионеры. В кабалу к мировой буржуазии мы не пойдем. Мы будем делать все сами. Мы построим новые, чудесные города. И наши люди забудут даже такие слова, как "разруха" и "безработица".

Егоров, конечно, не сомневался, что все именно так и будет. Но он хотел бы, чтобы это все поскорее делалось.

Иначе, если дело такое затянуть, многие могут не выдержать. Многим очень трудно.

И этот старичок лектор, пожалуй, умрет, пока ликвидируют безработицу. Надо скорее строить и открывать заводы, чтобы всем была работа. А то ведь как нехорошо у нас пока получается: говорят, на работу надо принимать только членов профсоюза, а чтобы пройти в члены профсоюза, надо сперва поступить на работу. А как поступить?

Из-за этого и сестра Егорова Катя вот уж второй год не может никуда устроиться. Много ли она заработает стиркой при трех детях? И при ней же, вроде как на ее иждивении, находится пока брат...

Егоров сидит, внимательно слушает лектора и ребром то одной, то другой ладони, то обеими вместе постукивает о край стула.

Хорошо, что он попал на такую лекцию. Но как бы ему не опоздать на работу. Надо ровно к двенадцати. Он наклоняется к соседу и спрашивает шепотом, сколько времени.

- Десятый час. Двадцать минут десятого.

Значит, можно еще посмотреть и кино.

Неплохо идет время. Неплохо. А будущее еще не наступило. И лектор об этом говорил.

Егоров ошибся сегодня, когда скорбно подумал там, у кинотеатра, что будущее уже наступило.

Нет, будущее наступит еще. Замечательное будущее. Но в том будущем, которое наступит, уже не будет прежней Ани Иващенко. И не будет прежнего, влюбленного в нее Егорова. Он что-то приобрел сегодня и что-то потерял. Но так и идет жизнь...

11

Ровно в двенадцать ночи Егоров вошел в полутемный коридор уголовного розыска.

После яркого света в клубе имени Марата тут" ему показалось уж совсем темно. Как в освещенном восковыми свечами подземелье Староберезовского монастыря, куда бабушка еще маленьким привозила его на пароме, чтобы поклониться мощам святого Софрония. И стены тут такие же толстые, глухие, как там, в подземелье. Пол бетонный.

Многие сотрудники давно ушли домой. Остались только те, кто дежурит и кому предстоит участвовать в операции нынешней ночью.

Из дальней двери, должно быть, из кабинета начальника, вышел Жур, увидел Егорова.

- А Сережа где?

Это он уже так называет Зайцева.

- Я могу его поискать, - предлагает Егоров.

- Не надо, - встряхивает черными волосами Жур. Днем видать, что они с проседью, с чуть заметной проседью. А сейчас, в этом полутемном коридоре, ничего не заметно. - Зайцев сам найдется. Он паренек точный.

Значит, Жур уже известно, что Зайцев паренек точный. А какой паренек Егоров? Об этом еще ничего не известно.

- Иди, Егоров, посиди там у меня, - говорит Жур, проходя дальше по коридору. - Скоро поедем. У нас сегодня серьезные дела. Очень серьезные...

Жура подстрелили прошлый раз на Извозничьей горе, когда он производил обыск - искал оружие. Были проверенные сведения, что с Дальнего Востока опять поступила партия японских карабинов.

Две крупные партии оружия Жур отыскал еще весной. Был уверен, что отыщет и третью, о которой все время поступают сведения. Но не вышло. Бандиты оказали сопротивление.

Правая рука висит на перевязи. И ноет, надоедливо ноет. Видимо, кость серьезно повреждена.

Однако Жур не может сейчас лежать и нянчить руку. Он хочет поскорее отыскать эту третью партию оружия. Вот отыщет, тогда будет видно, что делать с рукой.

- Поехали, - говорит он в половине первого ночи и быстро шагает по коридору.

Зайцев уже нашелся и идет за ним. И Егоров идет.

Во дворе они усаживаются в старенький автобус фирмы "Фиат", который в уголовном розыске для простоты, что ли, называют "Фадеем".

В кузове, со всех сторон затянутом дырявым брезентом, уже сидят какие-то люди, но рассмотреть их невозможно, потому что в кузове темно.

И во дворе темно и на улице. Город давно спит.

А они куда-то едут...

Не весь город, однако, спит. В "Калькутте", когда они проезжают мимо, играет музыка. И будет играть всю ночь. И всю ночь из широких окон ресторана будут литься на улицу трепетные полосы синего света. И всю ночь будет греметь бубен. И гортанные голоса цыган будут разрывать пьяный гул.

Хорошо там, наверно, в "Калькутте", тепло. А в автобусе холодно. В дыры и в щели врывается ветер - уже зимний, пронзительный.

Егоров сидит в автобусе у самого края, на узкой скамейке, держится за железную скобу и чувствует, как коченеет рука от холодного металла. Но не держаться нельзя, а то, чего доброго, вывалишься из автобуса. Вот тогда будет хохоту в дежурке.

- Ты где там, Егоров? - спрашивает Жур. - Живой?

- Живой, - говорит Егоров. Но голос у него сейчас отчего-то сиплый, жалобный.

В автобусе смеются. Так теперь, наверно, всегда будут смеяться над ним. Что бы он ни делал, что бы ни говорил. Ну и пусть!

По хохоту Егоров узнает Воробейчика. Значит, и Воробейчик едет с ними. А рука уж совсем закована. Что же будет дальше?

Автобус дребезжит, как консервная банка на веревочке.

И вдруг останавливается. Какое счастье, что можно погреть руку! Хоть минутку погреть. Ведь рука будет нужна для дела. Может, этой рукой сейчас придется взять наган. Может, придется стрелять. Кто знает, что придется делать!

Нагану тепло, он угрелся на животе Егорова. А Егорову холодно. Правильно предсказал Жур, что ночью будет мороз.

Трое, пошептавшись, выпрыгивают из автобуса и уходят в крошечную тьму.

Вот теперь совсем хорошо. Егоров усаживается поудобнее. Можно больше не держаться за скобу. Руки он прячет за пазуху, под самое сердце. А сердце отчего-то сильно бьется. Может, Егоров трусит? Может, он правда боится? А чего бояться-то? Сколько народу в автобусе! И никто ничего не боится. Зачем же он один будет бояться!

Воробейчик опять смеется. Но Егоров понимает, что Воробейчик теперь смеется не над ним.

Теперь Егоров хорошо различает все голоса в автобусе, слышит все слова.

- Значит, ты немножко сердисься на меня, Ульян Григорьевич? спрашивает Воробейчик Жура.

- При чем тут ты? - говорит Жур. - Я сам это дело выбрал. Но вообще-то получилась серьезная петрушка. Выбрал, называется, мелкое дело для практики стажерам. А теперь этот аптекарь всю душу из меня вымотает. И как раз он в эту пору мне сильно нужен при моих делах. Просто без него мне бы делать было нечего...

- Давай, Ульян Григорьевич, я аптекаря возьму себе, - предлагает Водянков. - И стажеров твоих возьму.

- Нет, уж пусть они при мне остаются, - весело отвечает Жур. - Больно хорошие ребята. И аптекаря мы между делом сами доработаем, доведем до ума.

Жур, в сущности, такой же, как все, уполномоченный, старший уполномоченный. Но по тому, как с ним все остальные разговаривают в автобусе, можно понять, что Жур имеет над ними еще какую-то власть, что ли.

Водянков вдруг просит его:

- Ты поговори, Ульян Григорьевич, с Курычевым насчет Баландина. Это все-таки политическое дело. А он не дает мне людей. Я хочу, чтобы работала группа. Это всегда лучше, когда сразу начинает работать группа...

- Я поговорю, - обещает Жур. - Но толк-то какой? Тут не все от Курычева зависит...

Егоров прислушивается к разговорам и догадывается, что Жур какой-то особый человек. Не начальник, но все-таки особый. Ах, ну чего же тут гадать! Жур просто секретарь партийной ячейки.

Егорову с Зайцевым, наверно, сильно посчастливилось, что они попали именно к Журу.

А может, и не посчастливилось. Кто знает, что еще будет...

Автобус опять остановился. И опять двое выпрыгнули из автобуса. И еще выпрыгнул один, когда автобус переехал Архиерейский мост.

Вот этот, наверно, самый смелый, который выпрыгнул сейчас. Здесь же, где-то рядом, кладбище, а за кладбищем - это давно известно - живут самые отчаянные жиганы. Это даже отец Егорова всегда говорил, что за кладбищем ютится самое отъявленное жиганье.

Отец рассказывал, что ему пришлось тут однажды, еще в молодости, девушку провожать, так он, говорил, чуть ума не лишился. На обратном пути на него четверо жиганов в мертвецких саванах напали. Еле убежал. А отец был человек не трусоватый, на войне был, и на германской и на этой, на гражданской.

- Егоров, где ты? Иди сюда, - позвал Жур.

Жур сидит недалеко от шофера. И Зайцев тут же.

- Чего ты там уединился? - говорит Жур. - Садись с нами. В компании-то веселее.

Егоров садится рядом с Журом, но особенного веселья не испытывает.

Автобус теперь продвигается медленно.

На ходу из автобуса выпрыгнули еще двое. И еще один.

Этот один был Воробейчик. Егоров узнал его в темноте.

В автобусе остались только Жур, Зайцев и Егоров. Егоров думал, что Жур будет что-то объяснять, расскажет, как надо вести себя в случае чего. Но Жур молча курил. И когда сигарка из газетной бумаги вспыхивала при затяжке, было видно лицо Жура, как показалось Егорову, печальное.

Наконец автобус остановился.

- Пошли, - сказал Жур и первый выпрыгнул на прихваченную морозом звонкую землю. За ним выпрыгнул Зайцев, потом, чуть помедлив, Егоров.

На улице стало как будто светлее, даже намного светлее.

Это из развалин тучи вышла луна.

Нет, кладбище они еще не проехали. Вот оно - белые столбы забора, чугунная ограда и церковь. Это они заехали с другой стороны кладбища. Оно большое, Егоров не думал, что оно такое большое.

Снег смешался с грязью и так застыл. Ноги в башмаках скользят. Надо было бы надеть валенки. У Егорова есть валенки. Хорошо, что он не продал их тогда, летом, в Дударях. А Жур правильно еще с вечера говорил, что к ночи будет мороз, хотя вечером было слякотно, шел снег.

Жур идет подле кладбищенского забора, поднимается в горку. У него тоже скользят ноги, но он идет уверенно.

- Ну, ребята, - говорит он, - тут смотрите в оба!

Зайцев как-то странно горбится и озирается.

Жур вдруг смеется.

- Ты что думаешь, ты похож на Пинкертон? Ты сейчас на собаку-ищейку похож. А человек должен всегда походить только на человека...

Легко сказать - походить на человека. А на человека походить, может, труднее всего.

По скользким комкам мерзлой грязи они переходят улицу. Идут по переулку, мимо длинных сараев, мимо ветхих домиков, вдоль заборов, сплетенных из обрезков кровельного железа, березовых прутьев и еловых жердей. Здесь официально обитают ломовые и грузовые извозчики, печники, скорняки, сапожники, скобяных дел мастера, и мало ли еще кто здесь обитает неофициально.

Кладбище теперь позади, но его хорошо видно с горки - кресты, склепы. Выше всех склеп купцов Трубицыных.

Жур стоит на горке, подносит к глазам левую руку, смотрит на часы. Потом долго и молча оглядывает кладбище.

И стажеры молчат. Так, наверно, и надо вести себя перед важной операцией.

Жур, может быть, еще раз обдумывает, как ее лучше проводить. Но Жур вдруг говорит:

- Ох, как я покойников сильно боялся! Долго боялся. Бабушка у меня была такая болтливая! Все мне, маленькому, про покойников разные страсти рассказывала. Вот я и боялся. Даже ночью другой раз не мог уснуть. Все мне что-то такое мерещилось...

- А потом? - спрашивает Зайцев.

- А потом, уж не знаю, как-то притерпелся, - пожимает могучими плечами Жур. И улыбается. - Все еще может быть. Может, и сейчас еще испугаюсь...

Зайцев тоже улыбается.

- Ну уж, сейчас?

- А что вы думаете? - серьезно говорит Жур. - Может найти всякое затмение...

А Егоров молчит. И в этот момент огромный, сильный Жур становится ему как бы ближайшим родственником. Вот с кем Егоров хотел бы когда-нибудь поговорить по душам!

- Укрепляйте, ребята, нервную систему, - вдруг советует Жур. - Вас еще и на войну пригласят. И не один раз. Много еще будет всякого. Молодой человек, я считаю, должен укреплять свою нервную систему...

А как ее укреплять, не сказал. Пошел дальше.

И стажеры пошли за ним.

Останавливаются они у двухэтажного, избитого дождями, и ветрами, и самим временем дома. Внизу лавка, наверху жильё.

Жур поднимается по шаткой лестнице, по узким обледеневшим ступенькам и опять оглядывает местность.

Тихо здесь, мертвенно-тихо, словно и сюда распространилась территория кладбища. Впрочем, кладбище видно и отсюда. Только теперь его видно уже смутно.

Вслед за Журом по лестнице поднимается, держась за поручни, Зайцев. И уж потом, когда Жур стучит в дверь, на лестницу вступает Егоров.

Дверь открывается, обдавая посетителей душным теплом.

- Высоко живете, - говорит Жур женщине, стоящей на пороге в одной рубашке и в цыганской шали, накинутой на голые плечи.

- Выше-то лучше. К богу ближе, - насмешливо откликается женщина, нисколько, видимо, не удивляясь столь поздним посетителям.

- Вам-то хорошо. Гостям худо. Хоть бы вы обкололи ступеньки ото льда, показывает на лестницу Жур и продолжает оглядывать местность. Подниматься трудно...

- Зато спускаться легко, - уже смеется женщина, и на смуглом лице вспыхивают белые зубы. - Если отсюда кого пихнешь, он вниз пойдет без задержки. Не затруднится...

- И часто спихиваете?

- Бывает... Ой, да вы меня простудите! Я с постели...

Они входят, как в предбанник, в крошечный коридор. Жур включает карманный фонарик.

- Жарко топите.

- Нельзя не топить - жильцы, - вздыхает освещенный фонариком старик, похожий на святого угодника Николая Мирликийского, спасителя на водах. Дунька, лампу...

- Ожерельев? - вглядывается в старика Жур. - Тебя что-то давно не видать было...

- А вы будто не знаете, где я был. По вашей милости все было сделано. Но вот отпустили. Не находят за мной особой вины. Не находят. Сколько ни искали...

- Ох, так это вы, гражданин начальничек, а я думала - Яшка, - смотрит при лампе на Жура молодая женщина, почти девочка, которую старик назвал Дунькой. - А говорили, что вас вроде того что убили. Значит, вранье...

- Значит, вранье, - подтверждает Жур. - А ты, значит, по-прежнему здесь живешь?

- А где же? Раньше у дедушки Ожерельева жили и теперь живем. И так, наверно, будет до скончания века. Не выбраться, видно, нам отсюда...

Дедушка Ожерельев сел к столу, постучал ногтем по табакерке, открыл, взял щепотку, набил обе ноздри, помотал головой.

- Не могу. Нюхать нюхаю, а чихнуть не могу. Слабость. И сна нету. Пропал сон. И все по вашей милости. Вся наша жизнь одно беспокойствие...

Жалкий этот дедушка, чуть живой, а его еще по тюрьмам таскают, как он сам сказал. За что? И все тут какие-то жалкие.

Егоров смотрит на худенькую Дуньку, которая удивительно похожа на его сестру Катю. Бывает же такое сходство. Рост одинаковый, волосы, глаза. И щурится так же от лампы. И родинка над верхней губой. С той же стороны родинка, с правой.

Дунька говорит Жур:

- Никакого изменения в нашей жизни, гражданин начальничек, уж, видно, не предвидится...

- А какого же ты изменения ждешь? - спрашивает Жур. - Сама и виновата. Надо устраиваться. Я тебе давал адрес...

- Адрес - это одно, а дело - это другое, - будто сердится Дунька. - Вы думаете, это легко - солдатские шинели шить? Я себе все руки исколола...

Егоров почти разочарован. Он был уверен, что именно сейчас, в этом доме, начнется какое-то опасное действие. Он немножко боялся этого действия, но все-таки ждал его. Может, их начнут обстреливать, думал он. А ничего не случилось. Такие же, как везде, разговоры. И жалобы такие же: на плохую жизнь.

Жур уселся почему-то у самой двери, где стоит ржавый умывальник. Может, Жур ждет чего-то.

- Значит, ты всех сюда перевез из старых своих домов? - спрашивает он старика. - И из женского монастыря тут, я смотрю, девушки?

- Да куда же я всех перевезу? - кряхтит старик. - Я и никого-то не перевозил. Они сами. Они работают от себя. Мне только за квартиру...

- Это верно, - соглашается Жур. - Разве всех перевезешь! У тебя ведь, кажется, три таких дома было...

- Вы мне все прочитываете, - обижается старик. - Был один дом, правда, мой, а второй - женин, жены моей, покойницы. А теперь вот самого загнали в этакую халупу и еще здесь по ночам беспокоят...

"Действительно, - думает Егоров, - для чего мы сюда пришли? Людей разбудили, сидим. А людям, наверно, завтра на работу".

- А сынок твой где? - спрашивает старика Жур.

- А откуда же я знаю? - разводит руками старик. - Вы бы не пришли, я и про вас бы не знал, где вы есть и в своем ли здоровье...

- Значит, не знаешь, где сынок?

- Не знаю. Я ж говорю, только на днях вернулся. А Пашка, говорят, совсем уехал. В Читку, говорят...

- Значит, ты еще не приступал к делам?

- А какие ж у меня дела? Мелкая торговля, и то лавка стоит запечатанная. Наложили зачем-то арест. А ведь что писали в газетах? В газетах писали: частный капитал должен торговать. То есть у кого есть деньжонки, пускай торгует...

- Но никто не говорил, что надо торговать обязательно краденым.

- А я не спрашиваю, из каких мест доставляют товар. Откуда мне знать, краденый он или дареный.

На эти слова старика Жур не отвечает. Должно быть, не находит что ответить. Молчит.

Где-то далеко глухо хлопают выстрелы. За перегородками, за черным занавесом тихо и тревожно переговариваются разбуженные люди. Кто-то поспешно одевается, стучит башмаками.

Все это слышат Егоров и Зайцев. И Жур, конечно, тоже слышит. Но он, должно быть, не придает этому никакого значения. Он по-прежнему сидит на табуретке подле умывальника, курит. Вдруг он спрашивает старика:

- Ну, а сейчас-то чем еще думаете торговать, кроме оружия?

- Какого оружия? - возмущается старик. - Собираете вы бабью сплетню какую-то. Делать вам нечего. И раньше были сыщики. Но такого не было, чтобы по ночам будить...

- Раньше, это правда, такого не было, - соглашается Жур. - Раньше ты бы сунул сыщичку от щедрот своих красненькую, допустим, и воруй и спи спокойно...

Егорову хочется разглядеть лицо старика, но старик отворачивается от света лампы. Однако понятно, что он усмехается, сердито усмехается.

- Раньше, гражданин начальник, ты, пожалуй, и сам бы посовестился меня будить. Без всякой красненькой. Раньше, пожалуй, тебя бы не назначили на такую должность. Ты ведь, я знаю, молотобойцем у Приведенцева работал. Я и твоего папашу-хохла знал. Он бондарничал у Вороткова в мастерской. Вот это была ваша настоящая должность. А теперь, выходит, вы хозяева...

- Выходит, что мы, - опять соглашается Жур.

Старик наконец чихает и смеется, вытирая полую рубахи нос.

- Выходит, что правда. Ведь как вся жизнь, целиком вся, перевернулась... А может, она опять обратно перевернется? А что, если она перевернется обратно? А?

- Ты, наверно, на это и надеешься, - говорит Жур. И включает карманный фонарик, зажимает его в коленях, смотрит на ручные часы. - И Бурсыяхин на это надеется. И еще кое-кто. Иначе бы ты на старости лет не рисковал, не берег для них оружие...

- Тю, канитель какая! - еще больше сердится старик и плюет. - Опять он про оружие!.. Да ты его сначала найди. Найдешь - тогда разговаривай и хвались...

- Найдем, - обещает Жур. - А как же не найти! Нас на это дело специально поставили. Из молотобойцев, как ты говоришь, в сыщики перевели. Кому-то и этим делом надо заниматься...

На кирпичной плитке близко от лампы стоит незакрытая кастрюля с пшенной кашей.

Егоров смотрит на кашу. Она необыкновенно белая.

"Наверно, на молоке, - думает Егоров. И еще думает: - Уж поскорее бы все это кончалось!"

А Жур продолжает разговаривать со стариком.

И Зайцев заметно томится. Когда где-то далеко хлопают выстрелы, он, как охотничья собака, делает стойку, козырьком прикладывает ладонь ко лбу, смотрит в окно. Ходит от окна к окну, заглядывает за перегородки.

В дверь негромко стучат.

Опять та женщина в цыганской шали на голых плечах выходит из-за перегородки открыть дверь, как будто не могут открыть старик или Жур, сидящие у двери.

Входит раскрасневшийся вспотевший Водянков. Он здоровается, хозяйственно сморкается, щурит от света глаза.

- Беседываете?

- Да вот разговорились, - улыбается Жур, кивая на старика. - Давно не виделись. То он в тюрьме сидит, то я лежу в больнице...

- А у нас получилось все как надо, - рассказывает Водянков. Бурсыяхина только что отвезли, со всей компанией...

- Бурсыяхина? - спрашивает старик.

- Его, дедушка, его, собственной персоной, - разглаживает пальцами пышные усы Водянков. - Правда, оказал сопротивление, а как же... Но, слава богу, отвезли. Отмучился, болезный. Отшумел...

"Где-то было что-то интересное, - огорченно думает Егоров. - А мы тут просидели". И смотрит в широкую щель, как за перегородкой перед зеркалом худощавый мужчина в пенсне дрожащими руками застегивает на затылке готовый галстук-"бабочку".

- Ну куда же вы теперь пойдете? Еще ночь. Они ведь к бабушке, они нас не затрагивают, - успокаивает мужчину женщина в цыганской шали. - Да и вас разденут по дороге. Тут опасно. А у вас вон какое богатое пальто...

- Знал бы, не поехал, - никак не может застегнуть крючок на затылке мужчина. - Ведь как я не хотел сюда ехать! Это меня этот скотина Аркадий Алексеевич уговорил. Стоеросовая дубина. Уверял - приличное помещение...

- А чего особенного? - будто обижается женщина. - У нас и не такие люди всегда бывали. И все спокойно...

Егорова отвлекают от этой картины выстрелы, вдруг захлопавшие, кажется, у самого дома. Егоров смотрит на дверь. А Зайцев бежит к двери.

- Зайцев, не торопись, не на пожар, - негромко говорит Жур, не подымаясь с места.

Жура, должно быть, не удивляют и эти выстрелы. А стреляют, похоже, прямо в дверь.

"Как в ловушке мы", - думает Егоров. Но странное дело - страха не испытывает.

Дверь открывается.

В коридорчик не входит, а вваливается парень в кожаной тужурке, с лицом, измазанным чем-то черным.

Это, наверно, шофер автобуса.

- В самое ухо, - вздыхает он.

И когда подходит к лампе, видно, что это не черным, а красным измазан он - кровью. Кровь льется ему за ворот.

- Ах, дурак! - наконец сердится Жур.

- Почему же я дурак? - обижается шофер.

- Да не ты... Зайцев, перевяжи его... Умеешь? Это вот дедушкин сынок дурак, - кивает на старика Жур. - Это его работа. Ни в какую Читу он не уехал. Он старается сейчас отогнать от дома. Надеется еще перепрятать с папашей оружие. Значит, сведения правильные...

- Это что, вы насчет стрельбы думаете? - спрашивает старик. - Это, вы думаете, мой сынок Пашка стреляет? Нет, это не Пашка. Благородное даю вам слово, не Пашка...

- Именно благородное слово, - усмехается Жур. - У тебя все слова благородные.

Зайцев не умеет делать перевязку. И Егоров не умеет. Но он помог шоферу снять тужурку.

Перевязку делает Водянков, зубами разорвав индивидуальный пакет.

А Жур отдергивает черный занавес.

- Здравствуйте, - говорит он мужчине в пенсне, уже застегивающему жилетку. - Прошу предъявить ваши документы.

- Я не обязан вам предъявлять, - с достоинством отвечает мужчина, и пенсне вздрагивает на его жилистом тонком носу. - Я, во-первых, случайно сюда... случайно попал. Меня ввели в заблуждение. Я ни за что бы сюда не поехал. А во-вторых...

- Егоров, обыщи его.

Жур безглаголиво поморщился и прошел дальше, за перегородку.

А Егоров смутился больше этого случайного посетителя. Как это вдруг обыскивать такого почтенного гражданина? Но делать нечего.

- Ну-ка, гражданин, поднимите, пожалуйста, руки.

На Егорова пахло запахом духов, хорошего табака и самогонки.

Человек в пенсне оказался нэпманом, совладельцем фирмы "Петр Штейн и компания. Мануфактура и конфекцион".

Егоров вспомнил тот красивый магазин на Чистяревской, куда они заходили с Катей покупать сорочку. И не купили. Егоров больше не чувствовал почтения к этому человеку. Он сперва подумал, что это какой-нибудь профессор или доктор. А это нэпман, хозяйчик, частник...

- Держите, гражданин, ваши документы. А это у вас что?

- Это зажигалка в форме браунинга. Можете ее взять себе...

Егоров легонько нажал курок, пистолет фыркнул, зажегся огонек. Егоров удивился: правда, зажигалка.

- Возьмите ее, - опять предложил нэпман.

- На что она мне? - сказал Егоров и отдал зажигалку нэпману, хотя в самом деле занятая была зажигалка. Никогда такой не видел.

- Молодой человек, я надеюсь все-таки, что эта наша встреча останется между нами, - улыбнулся тонкими губами нэпман. - Я тем более семейный человек. Мне будет неприятно. - И все еще дрожащими руками раскрыл бумажник. - Вот, пожалуйста, вам. Никто не видит. Это за ваше молчание. По случаю нашего такого малоприятного знакомства. В таком месте...

- Ну что вы, ей-богу, одурели, что ли? - отвел его руку Егоров. - Для чего это?

Жур приказал отпустить нэпмана.

- А он мне деньги давал, чтобы я помалкивал, - засмеялся Егоров,

когда нэпман ушел.

- И ты взял? - спросил Жур.

- Ну, для чего?

- Значит, ты взятки не берешь?

Тут только до Егорова дошло, что этот нэпман ведь правда предлагал ему взятку. Егоров покраснел; Он готов был сломать нэпману пенсне, переломать все кости. За кого этот нэпман принимает его, комсомольца Егорова? И как он сразу не догадался, что это ведь и есть взятка? Он думал, что взятки дают как-то по-другому...

Егоров выбежал на лестницу. Но по лестнице поднимались Воробейчик и еще какой-то парень в дорогой пыжиковой шапке и в борчатке с мерлушковым воротником, с таким же мерлушковым, как на шапочке и на воротнике у Ани Иващенко, которую Егоров встретил вечером, несколько часов назад. Но теперь ему казалось, что это было очень давно.

Воробейчик подталкивал парня, а парень оглядывался и огрызался.

За ними шли еще два человека, незнакомых Егорову.

- Вот он, гроза морей, - втокнул в коридор парня Воробейчик.

- Прямо из Читы прибыл? - спросил парня Жур. - Папаша говорит, что ты в Читу отбыл...

- Я его с крыши ссадил, - кивал на хозяйского сына Воробейчик. - Он залез вон на ту крышу и постреливал вот из этой штуки, - Воробейчик достал из-за пазухи тяжелый пистолет "кольт". - А я его тихонько из-за трубы, как кошка мыш. И еще счастливый его бог. Я бы сделал из него покойника, если б он оказал сопротивление...

- Эх! - снял пыжиковую шапку хозяйский сын и шлепнул ею об пол. Потом стал расстегивать борчатку с оторванной полкой.

Полу он оторвал, когда Воробейчик сталкивал его с крыши.

Под борчаткой у него были синяя косоворотка, опоясанная шелковым шнурком с кистями, синие же брюки галифе и белые, измазанные в саже бурки, обшитые полосками коричневой кожи.

Егоров с интересом смотрел на него.

Это был первый крупный бандит, которого вот так близко увидел Егоров, настоящий бандит. Он только что прострелил ухо шоферу и мог убить шофера. Мог убить кого угодно. И, наверно, убивал.

Однако ничего особенного все-таки Егоров в нем не заметил. Хозяйский сын был похож на обыкновенных нэпманских сыновей, что торгуют в лавках на Борзовском базаре. И у него такие же, как у них, нахальные, насмешливые глаза. Он и сейчас не испуган, не растерян. Он

только огорчен.

Вынув из кармана брюк расческу, он, глядя в зеркало, стал расчесывать мокрые волосы, кольцами слипшиеся на лбу.

- Для чего же ты учинил стрельбу? - спросил его отец, как спросил бы, наверно, всякий отец набедокурившего сына.

- Вы, папаша, не суйтесь, - ответил сын, собирая с расчески опавшие волосы. Потом подул на расческу и спрятал ее в карман.

- Ну ладно, купцы, показывайте ваш товар, - улыбнулся Жур. - Ломик, надеюсь, у вас найдется?

- Девок тут развел! - закричал на отца сын. - Они все сыскные. Для чего они были тут нужны?

- Ломик, - повторил Жур. И спросил: - Сами будете поднимать пол или нам придется?

- Я у вас на службе не служу, - огрызнулся сын. - И служить не буду...

- Это определено, - подтвердил Жур. - Служить ты у нас не будешь, нет.

Зайцев уже где-то в коридоре добыл топор и долото.

- Это что тут, в углу? - показывает Жур. - Надо разобрать.

Зайцев разгребает какие-то тряпки, мочало - сперва ногой, потом руками. Егоров начинает ему помогать. Они вытаскивают из кучи тряпья ватное одеяло, тянут матрац, набитый мочалом.

И вдруг в самом углу испуганно заплакал ребенок. Голый, худенький, лет, наверно, трех, со всклокоченными волосами.

- Ну, ты сопляк! - сердито отодвигает его Зайцев. Он сердится сейчас на все, на всех. Он уверен, что таким сердитым и должен быть всегда работник такого учреждения.

Ребенок встает на тоненькие ножки, жмурится от света, но не уходит из угла.

- Мальчик, - удивляется Егоров.

- Уберите ребенка, - обращается к женщинам Жур. - Чей это ребенок?

На свет лампы выползает страшная, как баба-яга, старуха. Точно такую Егоров видел в криминалистическом кабинете на снимке. А эта только что спала на печке.

- Кто его знает, чей он? Верка его мать. Она уехала во Владивосток. Оставляла мне ему на харчи, но чего она там оставила...

- А как Веркина фамилия?

- Кто ее знает как! Верка и Верка. Княжна ей была кличка...

Егоров поднял ребенка с полу, и ребенок цепко ухватился за его шею.

- Смотрите, признал отца, - засмеялась женщина в цыганской шали.

Егоров покраснел.

- Кешка, - сказала Дуня мальчику, - это твой отец нашелся. Поцелуй папочку.

Мальчик еще крепче обнял Егорова и действительно поцеловал.

- Ничей? - спросил Егоров старуху. - Совсем, совсем ничей? - и повернулся к Жур.

- Работай, - нахмурился Жур. - Тут не детский дом. Положи ребенка...

Егоров посадил мальчика на сундук около кирпичной плитки и прикрыл его плечики байковым одеялом.

Зайцев уже оторвал топором плинтус и стал вырубать первую от стены доску.

- Подожди-ка, не так, - взял долото Егоров. - Она так может расколоться...

- Ну и пусть, - продолжал орудовать топором Зайцев. - Жалко, что ли...

- Подожди, - опять сказал Егоров.

И подсунул долото в то место, где забиты гвозди. Надавил коленом на ручку долота. Доска скрипнула протяжно и подалась, сильно пахнув старой, слежавшейся пылью и плесенью, от которой трудно дышать. И в то же время чуть расколота смолистая доска вдруг запахла свежей лиственницей или сосной, будто под слоем тлена таилась жизнь, и вот она обнаружила себя.

Егоров ловко отрывал долотом одну доску за другой, точно не один год провел на такой работе. Он делал теперь это с явным удовольствием. Но вдруг над его головой закричал Воробейчик.

- Ящик!

Под полом оказалось три ящика - два длинных и один квадратный.

В длинных ящиках лежали короткие японские карабины, обмазанные по стволам вонючей желтой мазью и обернутые в вощеную бумагу. В квадратном ящике - обоймы с патронами.

- Мало, - вздохнул Жур. - Отдирайте еще. И смотрите, куда прячут оружие. Это ж внизу потолок может обвалиться...

Вот теперь Егоров взял топор, потому что надо было отодрать тяжелые плахи.

- Да руби ты, не возись, - посоветовал Зайцев и хотел отобрать топор.

- погоди, - отстранил его Егоров и снова, подсунув топор, как долото, в то место, где гвозди, навалился на черенок.

Плаха заскрипела со стоном, и опять после запаха пыли и плесени появился живучий и сильный запах сосны.

Тут, у русской печи, были обнаружены пистолеты.

- Н-да, - поглядел на пистолеты Водянков, - Буросяхин со своей компанией натворил бы еще много бед при этих шпалерах. Опоздал он...

Дедушка Ожерельев ругался из-за чего-то с сыном Пашкой, глядя, как их оружие переносят в автобус.

Женщины за печкой тревожно перешептывались. А худенький мальчик в байковом одеяле смиренно сидел на сундуке. Увидев Егорова, проходящего мимо, он, как родного, вдруг ухватил его за штаны и показал на незакрытую кастрюлю с кашей, все еще стоявшую на кирпичной плитке.

- Хочу каши. Каши хочу.

Егоров не знал, как быть. Но разве можно взять чужую кашу? И он неожиданно для себя сказал мальчику:

- погоди, потом! Дома покушаем.

Егоров, конечно, нечаянно это сказал, но все-таки не совсем нечаянно.

Отрывая старые доски, разгребая руками старую, слежавшуюся пыль, он все время думал о мальчике. Вот они сейчас уйдут, уедут отсюда, из этой душной тесноты, а мальчик останется. Надо бы забрать мальчика. Не надо мальчику тут жить. Нехорошо это, нечестно оставлять тут мальчика. Мальчик же ни в чем не виноват. Виноваты вот этот подлый дедушка Ожерельев, его сын Пашка и еще какой-то Буросяхин. Виноват, наверно, и этот трусливый нэпман, хозяин красивого магазина "Петр Штейн и компания. Мануфактура и конфекцион".

В сердце Егорова закипала злоба. И в то же время пробуждалось еще неясное ему самому чувство ответственности за жизнь. Не ясное, но сильное и острое, как свежий запах сосны, что пробивается из этих оторванных старых досок, пробивается вопреки всему, что налипло на них за многие годы.

Ох, какая тяжелая работа попала Егорову!

Жур приказал ему стоять внизу, у автобуса, где уже стояли Воробейчик и шофер с забинтованной головой.

Вскоре сюда подошел еще автобус - черный, прозванный в уголовном розыске почему-то каретой. Этот автобус для арестованных. - Ну как, не боишься бандитов? - насмешливо спросил Егорова Воробейчик.

- Не боюсь, - ответил Егоров. И добавил: - Покамест не боюсь...

Внизу, у автобуса, пришлось стоять долго, пока наверху продолжали обыск и потом писали протокол. И все время, должно быть со скуки, Воробейчик посмеивался над Егоровым. Смеялся даже над тем, что Егоров, как он признался, не пьет, и не курит, и еще не женатый.

- Скопец, что ли?

Начинался медленный, мглистый рассвет, когда из дома вывели и посадили в "карету" задержанных. Вышли из дома наконец все сотрудники.

- Поехали, - сказал Жур, залезая в "Фадей". - Кажется, все вышли.

"А как же тот ребенок?" - хотел спросить Егоров. Но не решился спросить. А спросить хотелось.

Воробейчик взглянул на растерянное лицо Егорова и засмеялся.

- Ребенка-то что же не берешь? А он тебя признал за родителя. Какие бывают бессовестные отцы...

- Ну и что? Я его возьму, - сказал Егоров и посмотрел на Жур. - Можно, я его возьму?..

- Как хочешь, - сказал Жур. И нахмурился. Или это показалось Егорову, что Жур нахмурился.

Егоров побежал наверх. Он укутал мальчика байковым одеялом. Потом снял свою телогрейку, укрыл его еще телогрейкой. И в одном черном куцеме пиджачке выбежал на улицу.

В автобусе смеялись. Только Жур не смеялся, но он и не смотрел на Егорова. Видимо, ему было неприятно это странное поведение стажера.

А Водянков вынул из-под сиденья телячью шкуру и протянул Егорову.

- Ты укройся сам-то. Простынешь...

Зайцев опять сидел с Журом.

Жур спросил его:

- Ну как, Сережа, нравится тебе работа?

- Боевая, - весело откликнулся Зайцев. - Я такое дело вообще люблю...

- А тебе нравится? - спросил Жур Егорова. Надо было спросить и Егорова, уж если он спросил Зайцева.

- Ничего, - ответил Егоров.

- Ничего - это дырка, пустота, - сердито проговорил Жур. И смуглое лицо его как окаменело.

- Тебе надо бы, Егоров, в детский дом поступить, - насмешливо посоветовал Воробейчик.

- Ну, кто же меня туда примет?

- А если б приняли, пошел бы?

- Ну, откуда я знаю...

- Значит, тебе не нравится наша работа? - еще строже спросил Жур. - Ты скажи прямо...

- Нет, ничего, - повторил Егоров. - Я же говорю, ничего. Работать можно. Только, конечно...

- Это многим неинтересно, - сказал Жур. - Никому не интересно мусор убирать. Но кому-то же это надо делать покуда. И надо учиться так делать,

чтобы мусор убирать, но самому не измараться. Надо вот это уметь...

- А мне все было интересно сегодня, - признался Зайцев. - Только я сперва думал, товарищ Жур, что вы нас с Егоровым предупредите, как все будет, и скажете, как действовать.

- А меня и всех прочих работников бандиты тоже что-то не предупреждают, - усмехнулся Жур. - И не говорят, как надо с ними действовать. И раньше мне никто ничего не говорил. Я как вернулся с фронта, вышел из госпиталя, меня направили на эту работу, так вот сразу и пошло.

- Но вы все-таки на фронте были, на гражданской войне, - как бы позавидовал Зайцев. - И потом, может быть, читали специальные книги...

- Читал, - подтвердил Жур.

Зайцев вынул из-за пазухи книгу господина Сигимицу, начальника тайной полиции. Он, оказывается, и на операцию ее захватил.

И не только Жур, светя фонариком, подержал и полистал эту книгу в автобусе, но и Водянков, и Воробейчик, и другие.

Воробейчик даже сильно заинтересовался.

- Это вот какая книга, - показал он большой палец. - Ты дай мне ее хоть на денек. Я тебе тоже что-нибудь дам...

- Пустяки это, детские пустяки, - кивнул на книгу Жур. - Я такие тоже читал. Нет в них ничего нового. - Он потрогал Зайцева за колено. - Тут понимаешь, Серега, в чем дело? Все, что говорится в этой книжке насчет мускулатуры, - это, конечно, все, может, даже правильно. Но ведь кроме мускулатуры еще многое требуется в нашем занятии. Например, ум и совесть. А про совесть много ли там говорится, в этой книге?

- Про совесть? - почему-то смутился Зайцев. - Про совесть я чего-то не помню...

- Вот видишь. А совесть нам требуется в нашем занятии почти что на каждом шагу, поскольку нам выданы, чувствуешь, - большие права...

Жур вынул левой рукой из кармана жестяную коробочку с табаком и стал скручивать на колене папироску из газетной бумаги. Табак у него рассыпался.

- Давайте я вам скручу, - предложил Зайцев.

- Нет, спасибо, - отказался Жур. - Мне хочется самому. Я так стал практиковаться еще в больнице. Меня учили инвалиды. Иногда у меня получается, иногда нет...

На этот раз получилось. Жур закурил и сказал:

- Мне вот сегодня дедушка Ожерельев в сердцах напомнил, что я бывший молотобоец и меня, мол, в старое время, при царе или при том же

Колчаке, не взяли бы в сыщики. Это, положим, он брешет, что не взяли бы. Взять-то бы взяли. Не такая уж это высокая должность. Но при Колчаке или вообще в старое время все это было куда проще. Все шло, одним словом, как вроде по заведенному порядку. А сейчас это надо как-то по-новому налаживать. А как? Вот опять же этот дедушка Ожерельев, уже прижатый нами сейчас, все старался побольнее меня уколоть, даже отца моего вспомнил, как он говорит, - хохла. А мне бы, по-умному-то, надо было промолчать, поскольку я тут выступаю в данный момент как представитель власти, представитель, можно сказать, государства. А я вдруг чуть не пустился с ним в перебранку. И вот сейчас жалею...

- Жалеете?

- Ну да, жалею. Вышло, как будто я с ним личные счета свожу, с этим дедушкой, ну его к черту. - Жур приподнял край брезента и плюнул на улицу. - А это нехорошо и глупо. И опасно. Ну, конечно, мы живые люди и у нас могут быть разные личные счета. Но мы не должны в наши личные счета вмешивать государство. А у меня вышло со стариком, - я это сам заметил, не очень красиво. Я начал было серчать. А серчать нельзя, если ты представитель власти и хочешь делать все по закону...

- Да по закону его бы стукнуть надо, этого дедушку паршивого, - сказал Зайцев. - Стукнуть - и все, чтобы он не вонял.

- Стукнуть-то это проще всего, Серега. И легче всего, - очень пристально посмотрел на Зайцева Жур. - Труднее разобраться как следует, разобраться и понять...

А в чем разобраться и что понять, Жур не объясняет. Глубоко затягивается и долго молчит. Потом говорит снова:

- Нету книги, к сожалению, в которой бы все было указано, как делать и понимать. До всего надо додумываться самим, своей башкой. Все самим надо пробовать. И не бояться, если другой раз обожжешься. Без этого ничему ведь не научишься.

Мальчик, угревшись на руках у Егорова, крепко уснул. И Егоров, казалось, забыв про него, внимательно и даже с удивлением слушал Жура, как все мы слушали в детстве, в юности разных чем-то удививших нас людей, встретившихся нам на разных жизненных перепутьях.

И, не подозревая об этом впоследствии, мы легко усваивали и усваиваем многое из характеров этих людей, прошедших мимо нас, ушедших навсегда, но продолжающих существовать и действовать не столько в нашей памяти, сколько в наших поступках и в наших душевных движениях.

Конечно, Егоров потом забудет во всех подробностях эту ночь. Забудет,

как дребезжал на ухабах старенький автобус фирмы "Фиат", прозванный для простоты "Фадеем". Забудет и подлого дедушку Ожерельева и отчаянного мерзавца его сына Пашку. Забудет и продушенного духами, хорошим табаком и самогоном нэпмана - совладельца фирмы "Петр Штейн и компания. Мануфактура и конфекцион". Забудет и многие слова, говоренные Журом. И даже многие мысли, высказанные им, забудет. Но что-то необходимое для жизни все-таки отложится, отслоится в самом сердце и в глубинах сознания молодого человека, и это будет называться потом жизненным опытом. За жизненный опыт, однако, придется еще заплатить дорогой ценой, придется еще многое пережить, узнать и услышать...

Впрочем, не все мы и не все усваиваем в жизни одинаково. Даже, казалось бы, бесспорные истины разными людьми воспринимаются по-разному и в разных душах находят разное преломление.

Егоров думает одно, а Зайцев другое.

Зайцеву не понравилось, что Жур так начисто отверг книгу господина Сигимицу. Зайцев почти обиделся. И не за господина Сигимицу, а за себя. Ведь книга эта теперь принадлежит Зайцеву. Он нашел ее на развале, купил, прочел, дал почитать Егорову. И у Зайцева есть об этой книге свое мнение не такое, как у Жура. И Зайцев вообще не обязан во всем слушаться Жура. Тем более Жур эту книгу не читал.

- Вы правда эту книгу не читали, товарищ Жур?

- Нет, эту книгу не читал, - опять посмотрел на обложку Жур. - Но они почти все похожи. Их на базаре и сейчас можно сколько угодно найти...

- А эту, значит, вы не читали? - еще раз спросил Зайцев.

И непонятно, чего он добивается. Даже смешно. Жур улыбнулся.

- Ты что, Серега, хочешь доказать, что это какая-то особая книга господина Сигимицу?

- Я ничего не хочу доказывать, - сказал Зайцев. - Я просто спрашиваю...

Но он не просто спрашивал. Он взъярился, как молодой петух. И это было действительно смешно.

Если б так повел себя, допустим, Егоров, над ним бы первым засмеялся Воробейчик. Но Зайцев рассмешил только Жура. А смешливый Воробейчик на этот раз не смеялся. Может, не хотел смеяться. Не заметил, что это смешно. Или ему просто нравится Зайцев. Ведь может и Воробейчику нравиться кто-то. И к тому же Воробейчик хочет выпросить эту книгу у Зайцева.

Зайцев сердился и пропустил мимо ушей все рассуждения Жура. Но

Журу понравилось даже, как сердится Зайцев.

- Ох, я смотрю, ты шибко самолюбивый паренек, Серега!

Это сказал Жур Зайцеву, когда все выходили из автобуса во дворе уголовного розыска.

- Ты останься, Серега, ты мне еще будешь нужен немножко. А ты иди домой, - сказал Жур Егорову. Как-то обидно сказал. И должно быть, сам заметил это. - Или лучше вот так сделаем. Шофер сейчас сменится, и тебя отвезут домой в автобусе...

14

Многие удивились на Ужачьей улице, когда утром чуть свет Сашку Егорова привезли на автобусе и еще с ребенком на руках. Но больше всех удивилась, прямо ужаснулась сестра Егорова.

- Чертушка ты! - всплеснула она руками. - Ты как на погибель мою стараешься. Куда ты ребенка притащил? Для чего? У меня вон своих трое, без отца, с открытыми ртами...

- Ты, Катя, не обижайся, - смущенно попросил Егоров. - Ты его только искупай. Чем-нибудь немножко покорми. Он здорово есть хочет. Гляди, какой худой. А ему, говорят, три года. И ты его не оскорбляй. Я его потом снесу в детский дом. Он будет считаться как мой собственный сын. Он прямо признает во мне отца. Ну и пусть. Я его на свою фамилию запишу...

- Да мало ли сейчас детей беспризорных, даже получше этого! - сказала Катя. - Ты посмотри, что на вокзале делается! По всей России едут почти что одни беспризорные. Разве ты можешь всех записать на свою фамилию?

- Сколько смогу, столько запишу, - упрямо проговорил Егоров. - А ты, Катя, не обижайся. Я скоро буду очень хорошую зарплату получать. Все деньги будут твои. Я ведь даже не курю. Хотя некоторые и смеются. Ну и пусть. Я все равно курить пока не собираюсь...

На счастье Егорова, это внезапное прибавление его семейства совпало с другим событием, которого, впрочем, надо было ожидать.

На следующий день в обеденный перерыв Егорова у "титана", где берут кипяток для чая, встретил Зайцев:

- Ты почему, Егоров, деньги не получаешь?

- Какие?

- Как какие? Мы же здесь не ради Христа работаем. Нам выписали за две недели как стажерам. Я получил...

Егоров держал кружку под краном. Она уже наполнилась. И кипяток пошел через край, полился на пол, на башмаки Егорова. А он все еще удивленно смотрел на Зайцева.

- Ну да? Ей-богу?

- Вот именно ей-богу! - засмеялся Зайцев. - Ты просто малохольный! - И закричал: - Ты смотри, смотри, ты же сейчас ошпаришься!

Егоров в растерянности уронил кружку. Потом поднял ее, поставил на подоконник и пошел на второй этаж получать зарплату, если правда, что Зайцев его не обманывает.

Однако на втором этаже в бухгалтерии, как во всем учреждении, как во всем городе, был обеденный перерыв. Касса была закрыта.

Егоров, забыв о своей обеде, сел у кассы. Он хотел, чтобы поскорее пришел кассир. И в то же время его тревожила мысль, а вдруг Зайцев чего-то напутал? Или Зайцеву выписали, а ему, Егорову, еще не полагается? Зайцев ведь чуть раньше его пришел в уголовный розыск. Нет, они, кажется, в один день пришли. Ну да, в один день...

Мимо Егорова проходили служащие, возвращавшиеся к своим столам после обеденного перерыва. И ему было неловко. Ему казалось, что все смотрят на него и думают: "А этот уже пришел за деньгами. Еще ничего не наработал, а уже пришел за деньгами. Бывают же нахалы..."

Однако в свой час явился угрюмый кассир и, поискав прокуренным пальцем в ведомости фамилию Егорова, спокойно отсчитал ему деньги.

- Распишитесь вот тут...

- Пожалуйста, - сказал Егоров.

Он, безмерно счастливый, сбегал по каменным ступеням вниз. Но внизу взял себя в руки и степенно, даже степеннее, чем надо, и медлительнее, чем надо, прошел по коридору мимо постового милиционера, чтобы и милиционер не подумал, что Егоров уж так сильно обрадовался этим деньгам. Что он, денег, что ли, никогда не видел, Егоров? Все получают зарплату, и он получил...

Внизу, в узенькой своей комнатке, Жур приступил уже к третьему допросу одного из братьев Фриневых.

Все было ясно теперь. Аптекаря Коломейца отравили братья Фриневы. Он был их компаньоном не только по содержанию аптеки, но и по сбыту краденных у государства спирта и дорогих лекарств.

При дележе огромных барышей у компаньонов встретились серьезные затруднения.

Яков Вениаминович Коломеец, как глава всего дела и бывший учитель братьев Фриневых - он был старше их и по возрасту, - присваивал наибольшую долю.

Кроме того, он намекал, что в случае повторных протестов со стороны братьев у него есть возможность их жестоко наказать. Он знал за ними

такое, что, если об этом узнал бы и уголовный розыск, им ни за что не миновать бы тюрьмы.

А он сам, Коломеец, человек разочарованный. От него ушла жена. Ему жизнь теперь вообще не мила. И терять ему, стало быть, нечего...

Это и заставило братьев Фриневых применить к своему старому учителю и соучастнику самые крайние меры. И они применили. Но у них получилось немножко не так, как они сперва задумали.

Они старались его выманить из квартиры. Хотели прокатить его за свой счет на извозчике, чтобы якобы развлечь, рассеять его хмурые мысли по поводу подлой измены супруги. А потом намеревались завезти его на Дачу лесного короля, в эту необыкновенно красивую, но пустынную в осеннее время местность, и здесь прикончить с помощью веревки, которая была припасена и находилась уже в великолепном экипаже на дутых шинах, на "дутиках", извозчика Елизара Шитикова.

Затея эта, однако, не удалась.

Тогда братья Фриневы, Борис и Григорий Митрофановичи, явились к своему учителю в день его рождения и принесли с собой подарок - американский фотоаппарат, купленный в комиссионном магазине Шальмеера.

Им было известно, что Коломеец еще неделю назад облюбовал этот аппарат, но купить по скупости своей не решался. Они преподнесли этот подарок, и старший брат Борис сказал, что уже довольно бы им спорить и ссориться. Яков Вениаминович все-таки их учитель, и они помнят это и хотят извиниться. И хорошо бы по такому случаю и тем более в честь дня рождения выпить и забыть все. Правильно, мол, что Яков Вениаминович берет себе большую часть. Он и должен ее брать, если он их учитель.

В спирт, который был у Коломейца, они добавили очень полезной для желудка облепиховой настойки, так как учитель их по слабости здоровья никогда не употреблял спирт в чистом виде. И вообще в выпивке был воздержан. Мог охмелеть от одной рюмки даже не вина и не спирта, а только лимонада, если при этом будут чокаться лимонадом и произносить тосты.

Поэтому братья спирт развели облепиховой настойкой по-разному - себе покрепче, учителю послабее. И он сам взбалтывал и разводил эти вроде как разные напитки.

Ему, конечно, и в голову не могло прийти, что напиток, который он приготовил для себя, и есть самый крепкий, даже больше того - смертельный. В нем был яд, очень сильная доза яда, принесенного братьями из своей аптеки и аккуратно вдавленного в пробку как раз той

бутылки, которую взбалтывал для себя в день своего рождения Яков Вениаминович Коломеец.

Яд должен был убить его не сразу, а часа через три, максимум через четыре, когда гости уйдут домой. А пока захмелевший аптекарь веселился и радовался, что ему попал в руки такой чудесный фотоаппарат.

Он проводил гостей в начале десятого часа вечера, тщательно, как всегда, замкнулся у себя в комнате и решил лечь спать. Но ему вдруг стало душно, и он открыл форточку. Он думал, что воздух его освежит.

Но воздух его не освежил.

В начале двенадцатого именинник умер. А форточка так и осталась открытой.

В час ночи братья Фринева опять подъехали к дому своего учителя и компаньона. Их встревожило вот что: а вдруг кто-нибудь видел, что они вечером были у Коломейца? Ведь очень легко при вскрытии трупа заподозрить, что именно они отравили аптекаря. Конечно, доказать это было трудно: яд такой мог быть и у него самого. И он сам мог лишиться себя жизни, огорченный уходом жены.

- Глупо мы сделали, что не взяли обратно фотоаппарат, - сказал старший Фринева, Борис. - Я себе эту глупость никогда не прощу. Можно было бы перед уходом опять поспорить с ним и забрать аппарат. И зачем он ему? И вообще все это крайне глупо. Я уверен, что нас заподозрят...

И тут братья опять посмотрели на открытую форточку. А что, если сговорить извозчика Елизара Шитикова попробовать залезть в форточку и забрать аппарат? Все равно они с ним в сговоре. Все равно ему надо платить. А пролезет ли он в форточку?

- Моментальное дело, - сказал Шитиков.

И от себя внес серьезную идею. Он залезет в форточку вот с этой веревкой, что у него уже давно припасена под козлами, подвесит аптекаря на какой-нибудь крюк или гвоздь. И тогда уж комар носу не подточит: понятно будет, что аптекарь сам удавился.

Шитиков потребовал только, чтобы братья ему вперед уплатили за эту работу очень крупную сумму.

- Верить на слово по теперешнему времени никому нельзя, - вздохнул Шитиков. - Больно много развелось плутов и бессовестных людей. Многие, даже образованные люди прямо как бандиты действуют. Даже хуже других бандитов и мазуриков...

Братья тут же уплатили Шитикову. И он так ловко обделал это поручение, что можно было только удивиться. Он, как змея, пролез в узкую форточку, куда, казалось, и голову не просунет нормальный человек. И

вылез с фотоаппаратом. Но отдать аппарат братьям он, однако, наотрез отказался. Он стыдил их, когда они требовали фотоаппарат, напоминал им, что они так же, как и он, христиане и что господь их обязательно покарает за жадность.

- А кроме того, - в заключение погрозил братьям Шитиков, - мне моя жизнь тоже не дорогая. Я в случае чего и повиниться могу. Могу поехать в губрозыск и повиниться. Кто я такой? Я человек темный. Извозчик. А вы все-таки люди образованные - фармазоны. Лекарства составляете, людей травите...

И с этими словами извозчик уехал к себе на Извозничью гору. Но прожил он после этих слов только сутки.

Через сутки он был убит.

Все ясно, что касается убийства аптекаря. Остается только выяснить, кто убил извозчика Елизара Шишкова.

Братья Фриневы отказываются говорить об этом. Старший брат, Борис, сознался как будто во всем, рассказал в подробностях, как они отравили аптекаря, но об убийстве извозчика он, вот истинный Христос, ничего не знает.

А младший брат, Григорий, что сейчас сидит перед Журом, держит себя так, словно он и в отравлении аптекаря не принимал никакого участия.

- Поклеп, все поклеп на меня, - говорит он одно и то же, мотая лысой головой.

Жур, однако, терпелив. Даже излишне терпелив, как кажется Зайцеву.

- Григорий Митрофанович, - смотрит Жур почти жалостливо на младшего Фринева, - мы же с вами разговариваем не первый день. Зачем мы понапрасну время расходуем? Ведь все же главное и так ясно. А что не ясно, мы все равно выясним. Мы для этого тут работаем. А вы, честное слово, как дурака валяете. Брат у вас умнее...

- Ему и полагается, - пробует пошутить Григорий Фринева. - Он старший брат.

- Ну, скажите, если можете, откровенно, - просит Жур, - кто кому сильнее надоел: вы мне или я вам? Ведь вы же который день повторяете одни и те же слова...

- А что же еще повторять, если натуральный поклеп? - вскидывает на Журова оловянные глаза младший Фринева.

- Я бы его сейчас прямо сразу стукнул, - вспыхивает Зайцев, когда арестованного уводят обратно в камеру. - Он - вы же сами видите - просто играет у вас на нервах, как на гитаре.

Жур улыбается.

- Я же говорил вам, ребята, надо укреплять нервную систему. Нервы еще потребуются. Время такое, что нервы потребуются. Надолго еще потребуются. У нас нервы должны быть всегда вот такие...

Жур сжимает в кулак длинные, сильные пальцы левой руки. Правая у него еще на перевязи.

- Все равно, - пылает в красивых рыжих волосах голова Зайцева, - все равно таких, как эти Фриневы, по-моему, надо кончать всеми способами. Прямо немедленно кончать...

- Это как же? - опять улыбается Жур. Ему, видимо, нравится страстность Зайцева. - Как же ты, Серега, предлагаешь их кончать? Вот так же, как они кончали аптекаря?

- Хотя бы. Убийство за убийство. Я бы даже и разбираться не стал...

- Видишь, Серега, - трогает его за колено Жур, - это вот они, Фриневы, не разбирались. Они хапуги, жулики, воры и убийцы. А мы представляем здесь наше государство. Оно нас обязало разбираться. И оно обязано и нас наказывать, если мы плохо разбираемся...

- Но ведь сказано: карающий меч революции, - напоминает Зайцев.

"Он начитанный", - уважительно смотрит на Зайцева Егоров. Но Егорова сейчас, откровенно говоря, не сильно интересует этот разговор. Он хотел бы сегодня пораньше уйти - отнести домой получку. Ох, наверно, будет рада Катя!

- Меч, ведь он очень острый, Серега, - ходит по узенькой своей комнатке Жур. - Особенно если он карающий. С ним требуется большая осторожность. Очень большая осторожность. Нам наша партия на это прямо указывает...

- Но партия не указывает, что надо нюнькаться со всякими отравителями, - возражает Зайцев. - Когда я еще хотел поступить в уголовный розыск, у меня было такое представление, что здесь сразу кончают. Берут и сразу в случае чего... кончают...

- Тогда ты ошибся, Зайцев, - вдруг останавливается Жур и смотрит на Зайцева в упор. Лицо у Жура становится каменным. - Тогда тебе всего лучше было пойти в палачи...

Эти слова ошеломляют Зайцева. И может быть, даже выражение лица Жура пугает. Зайцев молчит, опускает глаза. Потом внезапно усмехается.

- Ну, вы тоже скажете, товарищ Жур!

И Жур, должно, быть, чувствует, что перехватил.

- Чудак ты, Серега, - говорит он, чуть помедлив. - Чудак. Молодой еще. Больно горячий. Тебе еще надо книги почитать, подумать, поглядеть, как народ живет, узнать, в чем его трудность жизни. Бывает, что люди и в

преступники попадают от безвыходности. Если всех вот сразу так карать...

- А эти братья Фриневы тоже попали от безвыходности?

- Ну, это другое дело, - морщится Жур. Он задел больной рукой о спинку стула. - Этих мы не будем брать в пример. Но с ними нам по закону тоже надо как следует разбираться.

Жур подходит к столу, перелистывает бумаги.

- Довольно, ребята, философии. Я займусь, однако, Грачевкой. Надо нам готовить большую операцию. А ты, Серега, вот что. Поезжай привези сюда нового мужа этой вдовы аптекаря. Надо его во что бы то ни стало найти. Парфенов Терентий Наумович. Нет, вы лучше поезжайте вдвоем с Егоровым. И смотрите в оба. Мне думается, по некоторым данным, что это серьезный жук. Он может много прояснить в аптекарском деле. А в общем дело неинтересное...

- А мне показалось, что оно интересное, - вдруг говорит все время молчавший Егоров. - Как ловко вы его раскрыли...

- Не все еще раскрыли, - уже уселся в свое кресло Жур. - Надо, однако, стараться дальше так же все тщательно анализировать...

Это непонятно Егорову. Как это надо стараться анализировать? Но спрашивать сейчас об этом у Жура неловко. После надо спросить, в подходящий момент.

Жур вчитывается в бумаги. Лицо у него становится необыкновенно озабоченным.

Зайцев и Егоров уходят.

15

Зайцеву и Егорову снова надо было ехать на Извозничью гору, где на Водопойной улице, в Щенячем тупике, проживает новый муж вдовы аптекаря некто Парфенов Терентий Наумович.

Извозничья гора, наверно, долго еще будет притчей во языцех. Долго еще будет тут ютиться разная шпана. И не только городские жители, но и работники уголовного розыска долго еще будут с особым чувством вспоминать об этой горе, о ее огромном заросшем густым кустарником кладбище, о "хитрых хазах" и "малинах", что теснятся за кладбищем и вокруг него.

Не отличишь, где живут кустари и где настоящие, опытные, профессиональные бандиты. Все смешалось здесь, как на свалке.

Понятно, что" Егоров и Зайцев чувствуют себя по-особому настороженно, снова отправляясь на Извозничью гору.

Егоров немножко тревожится из-за того, что с ним сейчас вся его двухнедельная получка. Вдруг что-нибудь случится - деньги пропали. А как

обрадовалась бы Катя, увидев эти деньги...

На углу Кузнечной и Стремянной Зайцев остановил извозчика точно так, как это сделал Жур, когда они ехали на первое в своей жизни происшествие поднимать мертвого аптекаря.

А теперь они едут одни, без Жура.

Жур сказал, что этот Парфенов, муж бывшей аптекарши, серьезный жук.

"Интересно, сейчас узнаем, какой он жук, - думает Егоров. И уже забывает о том, что у него в кармане вся его получка. - Парфенов, Парфенов. Фамилия какая знакомая!" Потом он думает над словами Жура: "Надо стараться все тщательно анализировать".

Егоров готов изо всех сил стараться, но ему непонятно: как это надо анализировать? И в книге господина Сигимицу ничего об этом не сказано.

Егоров и Зайцев сидят рядом в извозничьей пролетке с поднятым кожаным верхом. Впереди у них толстая ватная спина извозчика в круглой войлочной шляпе с блестящей пряжкой на околыше.

- Как ты это понимаешь, Сергей, - "надо анализировать"?

- А чего тут не понять? - говорит Зайцев. - Очень просто. Человек, допустим, отказывается: я, мол, не воровал. А ты ему все равно не веришь. Ты делаешь в уме свой анализ: нет, мол, я тебя знаю, ты вор...

- А если он правда не вор?

- Все равно ты должен его подозревать. Ты всех должен подозревать...

- Всех?

- Ну да. Никому верить нельзя.

Зайцеву уже все понятно. А Егоров во многом сомневается.

- Погоди, Сергей. Как же это так? Никому верить нельзя. Это, выходит, мы должны жить, как Елизар Шитиков. Это же он перед смертью сказал. Так прямо и в протоколе записано. Шитиков сказал братьям Фриневым, что, мол, отдайте мне деньги вперед, потому что по теперешним временам никому верить нельзя...

Зайцев смеется.

- Он правильно сказал. - И кивает на спину извозчика. - Ты поосторожнее с разговорами. Мы на дело едем...

- А я ничего особенного и не говорю, - оправдывается Егоров. - Но понимаешь, что я думаю. Если всех подозревать и всем не верить, так это получается, что все люди плохие...

Зайцев подтягивает голенища сапог. Один сапог вытирает об извозничий плюшевый коврик и досадливо морщится.

- Для чего ты сейчас завел этот разговор? Плохие, хорошие... Ты,

честное слово, как... как девушка какая-то. Или даже как... баба...

Егоров молчит. В самом деле, может быть, он завел сейчас ненужный разговор?

А Зайцеву хочется, видимо, сгладить излишнюю резкость слов, и он, помедлив, говорит уже другим тоном:

- Ты пойми, Егоров, одно. Если ты, допустим, не работаешь в розыске, если ты просто человек, ты можешь верить кому хочешь...

- Но я все равно остаюсь человеком, - перебивает Егоров, и лицо его принимает упрямое и даже сердитое выражение.

Зайцев опять смеется.

- Ох, до чего ж ты забавный... - И, выглянув из пролетки, делает строгое, озабоченное лицо, такое же, как у Жура. - Кажется, мы с тобой приехали.

Он" подходят к высоким зеленым воротам.

Зайцев не начальник Егорову. И никто не говорил, что Зайцев должен быть старшим. Но он ведет себя как старший.

- Ты меня тут жди, Егоров, у ворот. Если услышишь стрельбу или я крикну, тогда забегай в ворота. А если все тихо, просто стой. Конечно, если кто побежит, задерживай. Тут зевать никак нельзя...

Егоров ждет Зайцева минут пять, десять. Никто не бежит, не кричит, не стреляет. Все тихо вокруг.

Только внизу, под горой, ревет невидимая отсюда река, ревет и глухо скрежещет. Трудно ей. Мороза все еще нет - настоящего, крепкого, сибирского. Не скоро еще в этом году замерзнет река. А она буйная, озорная.

Егоров вспоминает лекцию в клубе имени Марата. И лектора вспоминает, седенького старичка. Он говорил, что здание величайшей гидростанции, которая будет выстроена на этой реке, вероятно, разместится в районе так называемой Извозчичьей горы.

Егоров сейчас думает об этом. И ему становится вдруг весело. Все тогда тут изменится, на этой горе. Все эти хибарки придется сломать. И все воры и бандиты разбегутся как тараканы. Или они будут тут работать на гидростанции, на строительстве. Их заставят тут работать...

Из ворот выходит Зайцев. Нет, пока ничего не получилось. Вдова аптекаря говорит, что она ничего общего не имеет теперь с Парфеновым. Он оказался, говорит она, темной личностью. Да, она им одно время увлекалась. Но это было временное увлечение. Она жалеет об этом.

Зайцев, однако, разузнал у вдовы про всех родственников и знакомых Парфенова, записал их адреса, взял его фотографию. Теперь будет легче его

искать. А он явно скрывается. И вообще подозрительный тип. Нигде не работает и что делает - непонятно. И непонятно, чем он мог соблазнить аптекаршу. На фотографии он в котелке, при галстукке, морда отвратительная, отлитая из какого-то тяжелого серого вещества, глаза сонные. Это он снимался еще до революции.

- Ну, пойдем, - говорит Зайцев.

Почти весь день они потратили на поиски этого неуловимого Парфенова. Они ездили и на извозчиках и ходили пешком.

Егоров несколько раз хотел продолжить разговор о том, как надо анализировать. Но Зайцев сердился:

- Не люблю разговаривать про разную бузу, когда надо работать, соображать. Жур, наверно, думает, что нас уже ухлопали. А мы никак не можем найти этого типа в котелке...

В каждом доме, куда они заходили, им говорили, что Парфенова нет. Был недавно, но сейчас нет. И давали адрес места, где он может быть. Они узнали, между прочим, что у Парфенова уже есть новая симпатия - некая Нюшка. Но фамилия ее неизвестна. Однако живет она на Канавной улице, дом номер то ли шесть, то ли семь, а может, и десять.

На Канавной Зайцев сразу облюбовал маленький старый домик, у ворот которого на лавочке сидела старуха. А над нею качался, поскрипывая на ветру, жестяной сапог, извещающий, что здесь живет сапожник.

"И Парфенов здесь живет", - почему-то сразу, каким-то непостижимым чутьем, угадал Зайцев, хотя на воротах написан краской номер три.

Зайцев подошел к старухе.

- Терентий дома?

- Да он дома, и нету его. Он вышел, - сказала старуха. - А ты чей? Веркин брат, что ли?

- Веркин брат.

- Так вы проходите. Они вас ждут. Нюшка сейчас пельмени будет крутить. Терентий побег за мясорубкой к Захаровым. Да вон он сам идет, - вдруг показала старуха.

Из соседних ворот вышел огромный мужчина в пальто, накинутом на плечи, и в бобровой круглой шапке с бархатным верхом, несколько не похожий на свою дореволюционную фотографию. В правой руке у него была мясорубка.

- Вы Парфенов Терентий Наумович? - пошел ему навстречу Зайцев.

- Хотя бы...

- Вы нам будете нужны на минутку. Пройдемте с нами. Тут неудобно стоять...

- Это кому же... неудобно?

Мужчина без заметной тревоги, но с явным презрением оглядел совсем молодых ребят - одного в потертом, узковатом в плечах пальтеце, с рыжими волосами, прикрытыми старенькой кепкой, другого в стеганой телогрейке и в вылинявшей, должно быть гимназической, фуражке.

- Да вы что, сопляки, на бимбор, что ли, меня хотите взять?

И он взмахнул мясорубкой.

Всегда Егоров будет восхищаться Зайцевым.

Пусть они потом поссорятся, будут сильно и непримиримо враждовать. Но Егоров не забудет, как Зайцев стремительно толкнул верзилу головой в живот.

А пока Парфенов подымался, Зайцев двумя ударами как обрубил ему обе руки.

Егоров только и сделал, что отпихнул ногой от Парфенова выпавшую мясорубку.

- Бабушка, - сказал он старухе, - возьмите ее. Приберите...

А старуха даже не ойкнула. Она почти спокойно взирала на эту сцену. Мало ли бывает драк на Извозничьей горе!

- Не шуми, - прямо в ухо Парфеновудохнул Зайцев. - Ты понял, мы откуда?

- Как не понять.

- Иди тихонько вперед. Побежишь - убью, - пообещал Зайцев и сунул руку в карман, где у него лежал теперь настоящий бельгийский браунинг.

- Бабушка, - опять сказал Егоров, - вы действительно приберите мясорубку. Мы ушли...

- А Жур говорит, что Сигимицу - это пустяки, - засмеялся Егоров, когда они сели опять рядом в извозничью пролетку.

Огромного Парфенова они посадили впереди себя на узенькое сиденье.

- Давай, извозчик, прямо в уголовный розыск, - тронул Зайцев извозчика за рукав.

Егоров был уверен, что в розыске теперь только и будет разговору о том, как Зайцев красиво задержал этого верзилу Парфенова. Вот уж действительно здорово!

Но в розыске даже внимания никто не обратил на этот факт. Задержали и задержали. Чего же тут особенного?

И Жур не похвалил стажеров.

Жур вначале был как будто недоволен, что они так много времени убили на розыски Парфенова. Потом он сказал:

- Ну, ладно, ребята, аптекарское дело у нас вроде того что идет к концу. Надо его поскорее закруглять и заниматься серьезными делами. Завтра я вас познакомлю с Грачевкой. Тут придется пораскинуть мозгами. А на сегодня вы свободны. Идите по домам.

Егоров вынул из-за пазухи старенькое, еще отцовское портмоне с шариками на застежке и отдал Журю долг, положив деньги на стол, на бумаги.

- Спасибо, - сказал Егоров.

- Не за что, - сказал Жур. И ссыпал деньги с бумаг в выдвинутый ящик письменного стола.

Зайцев опять пригласил Егорова в "Париж". И можно было бы пойти: деньги есть. Но Егорову хотелось поскорее обрадовать Катю, и он предложил Зайцеву:

- Может, ко мне пойдём, Сергей? Возьмем закуски, пива, все, что надо, и пойдём ко мне. Посмотришь, как я живу. Посидим по-семейному.

- Нет уж, это я успею, - засмеялся Зайцев. - Я еще насажусь по-семейному.

Егоров зашел по дороге в роскошный гастрономический магазин Егорова.

Из-за этого однофамильца у него уже были неприятности. Когда еще в Дударях на маслозаводе его принимали в комсомол, все спрашивали, не сын ли он этого Егорова, не родственник ли. Как будто на свете и есть всего один-единственный Егоров, владелец магазина и кондитерской фабрики.

В магазине у Егорова разбежались глаза. Всего было много, и все хотелось купить.

На полках до самого потолка стояли коробки с конфетами и с печеньем, бутылки с вином и сладкой водой. На прилавках лоснились окорока, колбасы, сыр, балыки, икра. И продавщицы в белых наколках на головах розовыми пальцами резали и взвешивали на бронзовых весах всю эту благодать.

Егоровский магазин, помимо всего, славился своими продавщицами: все, как на подбор, красавицы, любая, кажется, хоть завтра могла бы пойти в киноактрисы. Но в том-то и дело, что пойти они никуда не могли. Во всей стране была безработица.

Очень трудно было найти работу. Но если человек ее нашел, - хоть какую, - он мог не сомневаться, что еда, одежда, обувь и все прочее у него будут. Магазины по всей стране ломались от изобилия продовольствия и разных товаров. Требовались только деньги.

И вот у Егорова сегодня они опять появились.

Егоров зашел, чтобы купить колбасы, которой он не ел, пожалуй, с самого детства. И в детстве ел не так уж часто, разве только в большие праздники - на пасху и на рождество. Да и, наверно. Катя забыла, какая она бывает, колбаса. Ребятам же ее этот продукт совсем мало знаком. Они родились в первые годы революции и росли в гражданскую войну. Какие уж им в это время доставались продукты...

Егоров пригляделся к ценам, прикинул в уме, во что ему обойдутся все покупки, и твердо решил оставить в этом магазине ровно четверть полочки.

Он купил и колбасы, и ветчины, и сыру, и балыка, и две пачки печенья "Яхта", и большую коробку бело-розовых конфет под названием "Зефир", и три бутылки сладкой воды. И бутылку портвейна. Хотя не был уверен, что Катя одобрит это последнее приобретение.

Но Катя одобрила портвейн.

- Что мы, разве не люди? - вонзила она взятый у соседей штопор в пробку. - Вот сейчас и выпьем за все хорошее, что еще будет в нашей жизни. А детям ты правильно купил сладкой воды. Я им на Первое мая ее покупала. Они ее очень любят...

Подле стола ходил уже чисто вымытый, обряженный в старенький матросский костюмчик, из которого вырос младший сын Кати, приемный сыночек Егорова Кеха и смотрел на разложенную еду вострыми глазами волчонка. Чтобы успокоить Катю, Егоров сказал:

- Я его завтра же сведу в детский дом. Я уже знаю, куда я его сведу...

- погоди, - будто не слушала брата Катя, оглядывая стол. - погоди, я еще селедочку хочу лучком обложить. Ах, жалко до чего, что мы Алексей Егорыча не можем пригласить. Пусть бы он с нами выпил. Хороший человек. Ведь он все захаживал, спрашивал, как мы живем. Вот и пусть бы поглядел, как живем...

Есть из многих великих, жизнеутверждающих качеств нашего народа одно поистине удивительное - забыть мгновенно при первой же удаче все плохое, что было, и помнить только о хорошем и надеяться только на хорошее.

Катя вспомнила в этот вечер и Алексея Егорыча, ломового извозчика, в долг перевозившего ей дрова, и тетю Настю, прачку, вот уже второй год безвозмездно разрешавшую ей пользоваться вместительным баком для парки белья, и Зину Козыреву, девицу легкого поведения, подарившую ее детям к празднику два фунта кедровых орехов.

Счастливая Катя всех хотела осчастливить в этот вечер, всех хотела пригласить к своему столу. Но было уже слишком поздно. А праздничный ужин нельзя было откладывать.

Уселись за стол только своей семьей.

Выпив рюмку портвейна, Катя сразу захмелела, стала много говорить, много беспричинно смеяться. Приблизила к себе приемыша и долго гладила его, говоря:

- Какой хороший мальчик! И зовут хорошо, чисто по-сибирски - Кеха. Значит, Кеша, Кеночка, Иннокентий...

- Я сведу его, - опять пообещал Егоров.

- И не думай! - вдруг строго сказала Катя. - Что значит "сведу"? Я обмыла его, придела, видишь, как хорошо обстригла - в кружок, хотя у меня ножницы тупые. А ты теперь будешь говорить "сведу". Нет, уж пусть он у нас тут растет. Где три, там и четыре. И это большое дело, Саша, что ты уже работаешь, что ты уже на своей тропе. И я работаю. А если есть работа, значит, есть и деньжонки. А при деньгах и купить все не трудно. Для чего же мы будем от себя хорошего мальчика отгонять? Пусть растет при нас. И нам веселее...

Так решила в тот счастливый вечер судьба случайно найденного мальчика Кехи, получившего широко известную фамилию Егоров. Но его уж впоследствии, наверно, не будут спрашивать, не сын ли он, не родственник ли владельцу роскошного гастрономического магазина Егорову.

16

На работе теперь, кажется, только один Воробейчик продолжал подсмеиваться над Егоровым:

- Ну как, ребенок-то у тебя, живет?

- Живет.

- Кормишь его?

- Кормлю.

- А как кормишь-то? Чем? Грудями?

- Грудями, - отвечал Егоров. И проходил мимо.

У него были прежние башмаки, на которых по-прежнему хлябали еле державшиеся подметки, но он все-таки после первой полочки тверже ступал по земле, хотя по-прежнему было не ясно, оставят ли его на этой работе.

А работы все прибавлялось и прибавлялось. И работа становилась все более сложной.

Жур доверял теперь Егорову так же, как и Зайцеву, вести некоторые допросы, посылал их с кем-нибудь из старших на происшествия даже весьма серьезные, где надо было проявить и сметку, и ловкость, и мужество. И Егоров вел себя не хуже других - и стойко, и серьезно, и

находчиво.

И все-таки Воробейчик продолжал подсмеиваться над ним.

Непонятно было, за что Воробейчик так невзлюбил Егорова, но всякий раз он как нарочно, и, может, в самом деле нарочно, старался подчеркнуть, что Зайцев - это действительно оперативник, огневой паренек, как любил выражаться Жур, а Егоров - это вроде как ходячее недоразумение.

В Баульей слободе произошло убийство.

Воробейчик пришел сообщить об этом Жур, потому что Жур ведет почти все дела, связанные с убийствами и крупными вооруженными ограблениями. Жур бы и сейчас надо было выехать в Баулью слободу. Но Жур был занят подготовкой к важной операции. Поэтому он попросил Воробейчика:

- Съезди, пожалуйста, сам. Возьми с собой моих ребят. Им тоже невредно промяться.

- Я Зайцева возьму, - сказал Воробейчик, хотя Егоров сидел тут же, в этой узенькой комнатке Жура.

- Ну, возьми Зайцева, - согласился Жур. - Мне все равно.

И Жур действительно было все равно. Он даже не заметил, что Воробейчик особо выделяет Зайцева.

А Егорову, конечно, было обидно, хотя он сам признавал, что Зайцев паренек на редкость огневой, и сам им восхищался. Но всякому человеку, пожалуй, станет обидно, если его все время убеждать, что он тут вроде мебели присутствует. И Егорову стало обидно.

Ему казалось даже, что Воробейчик нарочно превозносил Зайцева, рассказывая о его необыкновенной храбрости, когда они вернулись из Баульей слободы.

- Ты понимаешь, Ульян Григорьевич, я сам в первую минуту немножко ошалел, - рассказывал Воробейчик Жур. А вокруг стояло много сотрудников. - Приезжаем мы туда. Глядим, лежит у сарая здоровенный мужик - мертвый. А убийцу граждане с трудом загнали в сарай, и он там ревет, как медведь: "Всех расшибу!" Нас предупреждают, что в руках у него мясницкий топор. Его так с топором и загнали в сарай. Ну, что тут делать? Стрелять в него как будто не положено, а у него топор. Вот такой, ну, обыкновенно мясницкий. Трахнет по башке - и привет родителям. Я, открыто говорю, задумался. А Зайцев спокойно подходит к сараю и сбрасывает заложку. Убийца даже ахнуть не успел, как Зайцев вышиб у него топор и ему еще для верности два раза врезал по морде. Тут мы замечаем, что убийца пьяный в дымину. Он все лезет и лезет к Зайцеву. И Зайцев вдруг озверел. Я у него еле вырвал этого убийцу. Зайцев бы его

самого свободно убил...

Журу, должно быть, не понравился этот рассказ. Он слушал Воробейчика, чуть нахмурившись. Или просто Жур был еще занят своими мыслями, связанными с другими делами, и поэтому хотел, чтобы Воробейчик поскорее досказывал.

На убийцу Жур не пошел смотреть, спросил только, из-за чего произошло убийство.

- Из ревности, - сказал Воробейчик.

- Ну ладно, я этим потом займусь, - решил Жур. И попросил Воробейчика произвести предварительный допрос убийцы.

Журу было очень некогда. Он в тот же день к вечеру должен был выехать на крупную операцию в Грачевку. Уже расставил соответственно людей и думал об этой операции, старался думать только о ней. Но никак не мог по-настоящему сосредоточиться, потому что его все время отвлекали всякие другие более мелкие дела, которыми, однако, нельзя не заниматься.

Опять вдруг всплыло это аптекарское дело. Следователь требовал от Жура каких-то дополнительных данных. Следователь утверждал, что у него нет достаточных оснований подозревать именно Парфенова в убийстве Елизара Шитикова, хотя это яснее ясного.

Братья Фриневы, конечно, не признаются, что они наняли Парфенова на это убийство. И Парфенов не признается. Им всем невыгодно увеличивать себе меру наказания. Но их уличают вещественные доказательства. Разве это не улика, что фотоаппарат, подаренный братьями Фриневыми аптекарю Коломейцу и взятый потом в комнате мертвого аптекаря извозчиком Шитиковым, оказался в конце концов у Парфенова? Как он к нему попал? Как попали к Парфенову такие личные вещи Шитикова, как серебряные часы в форме луковицы, бумажник, опознанный женой извозчика?

Чего же еще надо следователю?

Жур готов, если угодно, снова заниматься этим аптекарским делом. Но ведь и так все ясно. И следователю тоже не вредно раскинуть мозгами. А главное - Журу некогда, у него сегодня важная операция в Грачевке.

К тому же его вызывают к трем часам в городской комитет партии: контрольная комиссия не согласна с решением партячейки губрозыска по делу Кумякина, работавшего здесь уполномоченным и получившего по партийной линии строгий выговор с предупреждением.

Жур, как секретарь партячейки, должен явиться в контрольную комиссию. И он должен все - держать в голове. Все подробности дела

Кумякина, и аптекарское дело, и сложный переплет агентурных сведений, необходимых для операции в Грачевке.

Ни с кем он поделить этих дел не может. Он не начальник. Он, в сущности, обыкновенный работник уголовного розыска - уполномоченный. Старший уполномоченный. Только и всего. И, кроме того, у него болит рука, потому что для ее заживления нужен покой. Но покоя, наверно, не будет до самой смерти.

Жур все время хмурится. А Егорову кажется, что он хмурится оттого, что недоволен им, Егоровым. Но что же Егоров делает не так?

К пяти часам дня Журу наконец удастся во многом убедить следователя, побывать в контрольной комиссии, провести два допроса, имеющих некоторое отношение к предстоящей операции. И он заметно веселеет. И сразу веселеют приставленные к нему стажеры - Егоров и Зайцев.

Впрочем, Зайцева, кажется, не сильно занимает настроение Жура. Зайцев уверен, что все идет так, как и должно идти. Он спрашивает Жура:

- А может, вы допросите Соловьева?

- Какого это еще Соловьева?

- Ну, этого убийцу, которого мы с Воробейчиком привезли из Баульей слободы...

Жур хотел бы отдохнуть, почитать газету, выпить чаю. Даже неплохо было бы побывать дома перед операцией. Неплохо бы хоть часок вздремнуть. Но он сам не любит, когда у него остаются "хвосты" от дневных дел. Они переходят на завтра. А завтра появляются новые дела и, стало быть, новые "хвосты". Особенно нехорошо переносить на завтра допросы, если их можно завершить сегодня. Зачем излишне томить арестованного человека?

- Давай его сюда, - говорит Жур.

Зайцев уходит. Молодец Зайцев! Он не ждет, что прикажет сделать Жур, он даже сам подсказывает, что делать Журу.

Жур готовится к допросу, кладет перед собой на столе бланки протоколов, вставляет в ручку новое перо.

В коридоре лязгает винтовка. Это милиционер и Зайцев ведут арестованного.

Наконец Зайцев открывает дверь и вталкивает в комнату худенького человека в разорванной рубахе без пояса.

Арестованный, видимо, еле стоит на ногах. Левый глаз у него заплыл, нос вспух. Из рассеченной брови сочится кровь.

- Прошу садиться, - строго говорит Жур. И вдруг вскрикивает: -

Афоня!

- Жандармы. Сучье племя - жандармы, - всхлипывает арестованный. Глядеть на вас не хочу...

Жур выходит из-за стола.

- Да ты что, сдурел, что ли, Афоня? Это ж я, Ульянов...

- Все вы гады... Жандармы...

- Ну и дурак, - удивленно смотрит на него Жур. - Да ты сядь, тебе говорят. - И, трогая его левой рукой за худенькое плечо, усаживает. Егоров, налей воды...

Арестованный пьет воду, захлебывается, плачет, зубы стучат о край стакана.

В комнатке распространяется запах самогонного перегара.

- Я, конечно, дурак. Вы все больно умные, - опять всхлипывает арестованный и дрожит всем тщедушным телом. - Меня вот сейчас выведут в расход, а вы будете сидеть тут в тепле. Жандармы...

- Ну, будет молоть чепуху-то, - чуть суровеет Жур. Он гладит арестованного, как ребенка, по голове, будто старается причесать его жиденькие волосы. - Ты что, зазяб, что ли? Может, чаю выпьешь? Егоров, скажи, чтобы принесли чаю...

Приносят чай. Жур достает из ящичка письменного стола сахар, кладет в стакан, размешивает ложечкой, подвигает стакан арестованному, вздыхает:

- Эх, Афоня, Афоня! Что ж это, брат, случилось-то такое?

- Случилось, - отхлебывает чай Афоня и морщится: чай очень горячий.

Марафонтова знаешь?

- Это какого? Илью Захарыча?

- Нет, Тимку, сына его.

- Конечно, знаю.

- Вот я его и аннулировал сегодня. Прямо насмерть. Даже сам не ожидал...

И Афоня медленно рассказывает историю своего тягчайшего преступления.

Жур не записывает ее в протокол. Он сидит не за столом, а посреди комнаты на стуле, опустив голову. Ему тяжело слушать эту историю.

Афоня Соловьев если не дружок ему, то, во всяком случае, старый знакомый, старый товарищ. Они еще в тринадцатом году, в тысяча девятьсот тринадцатом, вместе работали в экипажной мастерской Приведенцева: Афоня жестянщиком, а Жур молотобойцем.

И во все бы мог поверить Жур, только не в то, что Афоня Соловьев,

хилый, болезненный, смиренный, может убить человека. А вот смотрите, убил. И зверским способом - мясницким топором.

- Может, еще хочешь чаю?

- Горит у меня все внутри, - показывает на голую свою грудь Афоня и опять вздрагивает и плачет.

Был давно такой слух, что Грушка, Афонина жена, путается с мясником Марафонтовым.

Надо было бы Афоне давно уйти от нее или ее прогнать. Но жалко было деток. Две девочки беленькие - Тамарка и Нина. Ну как они останутся без матери? И Афоня терпел. Может, еще, думал, наговаривают лишнее на Грушку злые люди.

Да и выяснить все это досконально Афоне было некогда. Он все время в разъездах. Постоянной работы давно нет. Все случайные заказы.

И Марафонтов в прошлом году ему дал заказ - сделать большие бидоны для молока. Афоня сделал, а деньги не получил. Марафонтов жаловался, что нету денег, - все, мол, израсходовал на новый магазин. Вот наторгую, мол, и отдам.

А Афоне тогда случилось уехать в Дудари, подработать на маслозаводе. Он работал там почти что восемь месяцев. Мог работать бы еще с полгода, но соскучился больно по семье - по своим девочкам. И по Грушке тоже.

Приезжает вчера, выходит на вокзале, идет в киоск купить жене и детям подарки и тут встречает сильно подвыпившего соседа своего по дому Емельяна Лыкова, проводника вагонов, который со смехом нехорошим вдруг говорит: "Да ты что стараешься шибко насчет подарков-то? Разве хватит у тебя средств подарить такое, что дарит твоей жене Марафонтов Тимка?"

Вся душа как перевернулась у Афони от этих слов. Даже домой идти не захотел. Сдал он вещи в камеру хранения, а сам пошел к знакомой старухе в шинок тут же, при вокзале.

Уже сильно пьяный явился домой, когда девочки спали, а Грушка, заспанная, на его укору дерзко ответила: "Что ты колешь мне глаза Марафонтовым? Что, ты разве денег мне много оставил на харчи, чтобы я не ходила к Марафонтову?"

Так вся ночь и прошла в скандале.

А утром Афоня снова выпил и пошел требовать долг за те бидоны для молока.

В лавке много было народу. Марафонтов не хотел излишнего шума при покупателях и стал тихонько выталкивать Афонию из лавки, говоря: "Ты и

так и жена твоя хорошо попользовались от меня. Я жалею даже, что связывался с вами. Нужна мне твоя Грушка, как собаке пятая нога! Ее каждый может поманить, твою Грушку, за полфунта мяса. И тебя самого. Вечные вы нищие. Избаловала вас Советская власть. - И еще сказал Марафонтов уже за дверями лавки: - Уйди ты за ради бога и не являйся больше, а то вот тятну я тебя неосторожно топором по башке, будешь знать, как являться оскорблять".

Эту мысль несчастную о топоре подал пьяному Афоне сам Марафонтов. И еще взмахнул топором для острастки. А дальше уж случилось черт знает что.

Афоня выхватил у Марафонтова топор и закричал страшным голосом, что убьет в одночасье себя и всех подлецов, кто торгует и ворует и с чужими женами живет.

Марафонтов, может, в десять раз сильнее Афони Соловьева. Он саженого роста, Марафонтов. Но тут он струсил вдруг и кинулся во двор.

А в Афоне прибавилось сил от трусости Марафонтова. Он погнался за ним. И не верил до последнего, что убьет, что хватит у него смелости убить. Но убил...

Афоня опять заплакал, опустив голову. Потом поднял ее и сказал твердо, со злостью:

- А уж после приехала жандармерия, когда я запертый сидел в сарае...

- Да какая жандармерия? Чего ты мелешь, Афоня, несусветную чепуху?

- А вот та жандармерия, которая, видишь, глаз мне как испортила, покривилась арестованный. - Судить судите, можете даже расстреливать, а бить по глазам не имеете полного права. Не для этого Советскую власть устанавливали. Я сам с дробовым ружьем сражался против Колчака. Имею ранения...

Зайцев встал и вышел, но вскоре вернулся, - видимо, хотел показать, что не боится отвечать за свои действия. Он спокойно сидел у края стола и, не мигая, смотрел на арестованного.

Жур пошел к Водянкову. Он попросил Водянкова взять это дело об убийстве к себе, так как убийца личный знакомый Жура. И едва ли теперь удобно Журу самому вести такое дело.

Арестованного отправили обратно в камеру.

Жур собирался на операцию. Он звонил по телефону, вызывал к себе людей - словом, делал все, что делается в таких случаях.

На Зайцева он не смотрел и ни о чем его не спрашивал, хотя Зайцев все время сидел у стола.

Только когда позвонили, что автобус готов, Жур сказал:

- А ты, Зайцев, иди домой. Отдыхай...

- Почему?

- Ты уже сегодня совершил один геройский подвиг. Будет с тебя...

- Ладно, - надел кепку Зайцев и пошел к двери. Но у двери остановился. - Я все-таки хотел бы выяснить, Ульян Григорьевич, с чего вы вдруг так обиделись на меня? Ведь я там был не один, в Баульей слободке, когда мы брали этого убийцу Соловьева. Со мной был товарищ Воробейчик, и он не считал, что я нарушаю инструкцию. Ну кто же знал, что этот убийца ваш знакомый? Или, может, даже дружок?

Жур надевал пальто. Надевать пальто при раненой руке ему было трудно. А Егоров не сразу сообразил, что надо помочь.

Журу стал помогать Зайцев.

- Спасибо, - сказал Жур, продевая в рукав левую руку.

Правую просто прикрыл полой и, не застегиваясь, пошел к автобусу.

Так Зайцев и не получил в тот вечер никаких ответов на свои, в сущности, дерзкие вопросы.

И на операцию не поехал.

17

Операция сложилась крайне неудачно. Агентурные сведения, на которых строился первоначальный план, оказались ложными или путанными.

В Грачевке не удалось найти не только крупной партии оружия, как рассчитывал Жур, но даже стреляной гильзы не удалось найти.

Дедушка Ожерельев и его сын Пашка тоже не дураки. Они сами до ареста или их сообщники, еще не задержанные, успели, видно, вывезти оружие из Грачевки. А куда вывезли - пока неизвестно. Да и было ли оружие здесь?

Жур уже стал сомневаться. И все-таки, надеясь на удачу, он всю ночь рыскал по этой слободе, по этим глубоким оврагам, застроенным покосившимися хибарками и бараками.

Все было безрезультатно.

Жур устал до последней степени, хотя и не желал из упрямства признаваться в этом даже самому себе. Пронзительный ветер исхлестал ему лицо, и шею, и плохо прикрытую легким шарфом грудь.

И спутники Жура уже стали сердиться на эту бесплодную операцию, когда произошла приятная неожиданность.

Приятной эту неожиданность назвал Воробейчик. Он первым и совершенно случайно набрел на крупного преступника, на Федьку

Буланчика, известного прихватчика, который действовал почти всегда в одиночку, заметных знакомств не вел, и поэтому долгое время поймать его не удавалось.

Над обрывом над рекой Саманкой, открытый всем ветрам, стоит беленький, аккуратный домик вдовой прачки Курмаковой Авдотьи Захаровны. Ничего подозрительного за ней никогда не наблюдалось. Жила она после смерти мужа-портного одиноко, смиренно, стирала на дому белье - видная женщина лет за тридцать, русые волосы, голубые глаза, весьма опрятно одетая.

Известно было, что сватались к ней в разное время мясник Новокшенов, лавочник Дудник, столяр и ящичный мастер Орлов Егор Кузьмич - все тоже видные вдовцы. И ни за кого она не пошла. Говорили, что ей будто совершенно опротивел мужской пол.

И вдруг у нее, у этой прекрасной, прекрасного поведения женщины оказался ночью в доме опасный и злой ворюга Буланчик.

Он спал не на кровати, а на отдельной перине, постланной на сундуке, в одном белоснежном белье, ничем не укрытый, так как в домике жарко натоплено.

И еще топится плита, над которой сияют на полке медные тазы и кастрюли, начищенные до ослепительного блеска. А на плите жарится и потрескивает в глубокой сковородке картошка со свиной, нарезанной квадратными кусками.

- Он пришел ко мне недавно, - показывая на спящего, объяснила вдова. Ну, пришел, прилег отдохнуть. А я ему вот готовлю ужин. Он через часик хотел уходить. Он всегда если зайдет, так ненадолго...

Буланчик спал так сладко, как спят только в раннем детстве. И причмокивал губами во сне - толстыми надутыми губами, - будто обиделся на что-то и обида эта никак не проходит.

А работники уголовного розыска Жур, Воробейчик, Водянков и Егоров стояли тут же у плиты и разговаривали с вдовой. Знала ли она, что этот человек преступник?

- Догадывалась, - кротко ответила она. - Он же нигде не работает, ничем не торгует, а одевается чисто, как какой-нибудь частник, нэпман. Вот глядите, какое у него пальто, с бровьным воротником...

- Это не его пальто, - определил Водянков. - Это доктора Кукшина пальто. Доктора Кукшина, покойника.

- Вот видите, - сказала вдова. - Я тоже так догадывалась, что это чье-то пальто. И как он не боялся его носить! Ведь всегда могли родственники доктора узнать, если вы, например, не родственник и тоже узнали. Но он

очень смелый, Федя. Ведь сколько раз я ему говорила и советы давала, чтобы он бросил свое занятие. Я так ему говорила: "Брось, Федя, свою глупость, и тогда я буду с тобой жить. Даже, если хочешь, обвенчаемся. Я свободная гражданка". А он одно говорит: "Дотя... (Он так зовет меня - Дотя...) Я, - говорит, - Дотя, не глупее тебя". И вот, пожалуйста, достукался... - И женщина заплакала. - А я ведь знала его, когда он еще кровельщиком был. Он был хорошим кровельщиком. Он сватался ко мне, когда я еще не замужем была. Но родители толкнули меня, глупости ради, за Курмакова, вот за покойного моего мужа Курмакова, - и вдова показала на портрет мужчины с узенькими проволочными усами, висевший над сундуком, где спит Буланчик.

Егоров так же, как Водянков, как Воробейчик, осматривает, обыскивает весь домик, пока спит Буланчик. А Жур стоит подле Буланчика. И Егорову интересно, о чем думает сейчас Жур.

Наконец Жур кладет руку на плечо Буланчика.

- Ну-ка...

Буланчик вскакивает, сует руку под подушку. Но под подушкой уже нет браунинга. Браунинг в кармане у Жура.

- Да ты не пугайся, - говорит Жур. - Тебе бы раньше надо было пугаться...

Водянков пошел позвонить по телефону, чтобы вызвать автобус.

Автобус затарахтел у домика скорее, чем оделся Буланчик.

Буланчик все медлил и медлил. Жур обозлился.

- Выходи, - сказал он, слегка подтолкнув Буланчика. - Выходи. Нечего дурака валять...

Буланчик подошел к дверям в брюках, в сапогах, но без пиджака.

И тут черт дернул Егорова сказать:

- Пусть он наденет пальто, а то вон какой ветер. Его в одну минуту прохватит насквозь...

И Егоров, не спросившись, снял с вешалки пальто и, как швейцар, подал Буланчику.

Журу он не сообразил сегодня помочь надеть пальто, когда они ехали на операцию, не успел сообразить. А тут вот вору, преступнику, вдруг решил оказать услугу.

- Тебе бы, Егоров, на вешалке служить хорошо, в парикмахерской Маргулиса, - зло засмеялся Воробейчик.

И Жур сердито посмотрел на Егорова.

Всю дорогу в автобусе Воробейчик смеялся над Егоровым.

А Жур сердито молчал. Уж это можно было понять, когда Жур

сердится. Конечно, он сердится не только на Егорова. Ему неприятно, что так бестолково прошла операция.

Буланчик - это мелочь для Жура, копеечный трофей. Не стоило всю ночь бродить под ветром, чтобы словить Буланчика. А крупное дело не вышло.

Вот из-за этого и сердился Жур. Про Егорова он, наверно, и не думает, забыл. И Егоров немножко успокаивается.

Но когда автобус въехал во двор уголовного розыска и Воробейчик стал выталкивать арестованного из автобуса, не Воробейчик, а Жур вдруг сказал Егорову, кивнув на Буланчика:

- А ты что же? Подхвати его под ручку, окажи помощь... уж если ты такая... сестра милосердия...

Не поймешь Жура.

Зайцева он не взял на операцию за то, что Зайцев грубо обошелся с убийцей. А на Егорова сердился за то, что Егоров такой жалостливый. Чего же хочет Жур? Чего же он сам добивается?

- Иди домой, - сказал Жур Егорову. И посмотрел на свои ручные часы. Нам скоро опять на работу. Иди поспи...

Егоров пошел было домой, но, проходя по коридору мимо дежурки, увидел Зайцева. И Жур увидел Зайцева.

- А ты почему не ушел?

- Жду.

- Кого это?

- Вас. Надо бы нам все-таки поговорить, - как бы с вызовом сказал Зайцев.

- Что, мы с тобой завтра поговорить не успеем? - нахмурился Жур. Завтра еще будет время...

- А может, мне завтра не приходиться, - достал из кармана Зайцев пачку папирос "Цыганка Аза". - Мне тоже без толку неинтересно тут толкаться, если не дают работы. - И, слегка встряхнув пачку, так, что из нее наполовину выдвинулись три тоненькие папироски, протянул Журу. - Курите...

Жур не взял папиросу. Жест стажера, видимо, не понравился ему. И слова не понравились. Жур еще больше нахмурился. Но Зайцев не придал значения этой хмурости и, еще раз встряхнув пачку, протянул ее Егорову.

- Хотя ты, кажется, не куришь.

- Иди домой, - опять сказал Жур Егорову. И слегка подтолкнул в плечо.

Но Егоров не уходил. Ему интересно было, чем кончится разговор Зайцева с Журом.

Зайцев размял папиросу в пальцах.

- Мне все-таки непонятно, Ульян Григорьевич, чем я вам не угодил. Ведь все-таки, как ни крутить, этот Соловьев убийца, хотя и ваш знакомый...

- Он приятель мой, - сказал Жур. - Хороший старый приятель, с молодых лет...

- Ну, тем более. Но я-то тут при чем? Я действовал согласно инструкции.

- Что, в инструкции сказано, что надо бить по глазам?

- В инструкции это не сказано, - чиркнул спичкой Зайцев и стал смотреть на огонек, раньше чем прикурить. - Но понятно, что если убийца с топором, надо действовать решительно и смело. И не целовать убийцу. В инструкции прямо говорится...

- Что ты мне тычешь инструкцию? - отогнал Жур от себя рукой дым от папиросы Зайцева. - В инструкции всего не запишешь. Где, в какой инструкции сказано, что делать, когда хорошая, честная женщина живет с бандитом и любит его?

- У меня еще не было такого случая, - не понял Зайцев, к чему такой поворот в разговоре.

- И у меня раньше такого не было, - сказал Жур. - Ты вот инструкции читаешь. Прочитал еще книгу какого-то Сигимица...

- А что, инструкции не надо читать? - перебил его Зайцев. - Вы считаете, не надо?

- Нет, надо, - подтвердил Жур. - Но надо еще согласовывать инструкцию со своим умом, со своей совестью и с сердцем, если оно не деревянное...

Эти слова не удивили Егорова. Он даже уловил и противоречие.

- А я, - вдруг вмешался в разговор он, - а я, вы считаете, товарищ Жур, поступил неправильно, когда подал пальто этому Буланчику? Я ведь тоже, выходит, послушался своего сердца...

- Ты - это другое дело, - оглянулся на Егорова Жур. - Может, ты и правильно поступил...

- А почему же вы на меня сказали, что я эта... сестра милосердия?

- Ну, я тоже не святой, - улыбнулся Жур. Как-то непривычно для него, почти растерянно улыбнулся. - Я тоже могу ошибиться. И у тебя это как-то не к месту получилось. Но вообще-то нигде не сказано, что арестованного надо обязательно морозить. Ты правильно поступил, дал ему пальто, но подавать пальто не надо было. Это смешно. Но ты погоди, ты сбил меня. Я чего-то хотел ответить Зайцеву.

- Вы хотели мне ответить, чем я вам не угодил.

- Да что, дело в том, что ли, чтобы мне угождать? - опять нахмурился Жур. - Ты можешь угодить любому начальству. Но дело не в этом. Ты обязан, мы все обязаны угождать всему народу в его трудной жизни...

- Ну, всем я угодить не могу, - скатал Зайцев окурков, как шарик, и бросил в высокую вазу для окурков. - Это значит, и бандитам надо угождать. И вора...

- Воры и бандиты - это не народ.

- А откуда же они берутся? - прищурился Зайцев.

- Вот над этим и надо подумать, - поднял брови Жур. - Надо понимать, как живут люди. В инструкции этого всего написать нельзя. Надо самим додумываться, отчего люди бывают плохими или несчастными.

- Человек создан для счастья, как птица для полета, - сказал Егоров. Я прочитал это в одной книге.

- Вот это хорошая книга. Я ее не читал, но знаю - хорошая, - поддержал Егорова Жур. - И мы с вами ведь не просто сыщики, как было в старое время. Мы с вами раньше всего большевики. А большевики объявили всему миру, что добиваются сделать всех людей счастливыми. И мы не должны держаться тут как будто мы какие-то чурки с глазами. Как будто мы ничего не чувствуем, а только лупим по глазам. Убийца, мол, значит, бей его...

Зайцев слушал теперь Жур, похоже, почтительно, но глаза у него как-то нехорошо косили. Вдруг он спросил:

- А вы сами, Ульянов Григорьевич, извиняюсь, с какого года член партии?

- Я? - опять чуть растерялся Жур. - Я с семнадцатого. А что?

- Ничего. Просто так спросил. Мой отец тоже с семнадцатого. Даже почти что с шестнадцатого...

Егорову было неприятно, что Зайцев задал Жур такой вопрос. Но Жур, должно быть, не обиделся на Зайцева. Жур только сказал:

- Не задевает, я вижу, вас, ребята, то, что я говорю. Молодые вы еще, не обтрепанные в жизни. Не клевал еще вас жареный петух. Ну ладно, пойдемте спать...

18

Они вышли на темную улицу, очень темную перед рассветом.

Ветер, посвистывавший всю ночь, бряцая железом крыш и карнизов, стих, упал. Но предутренний влажный холод знобил.

Жур поднял левой рукой воротник, нахлобучил шапку на самые глаза.

- Эх, ребята! Вам кажется, что вы одни проходите тут испытательный

срок. А на самом-то деле все мы проходим сейчас" через тяжелое испытание, весь народ. А вы этого не видите или не понимаете. Уж не знаю, как сказать...

- Кто не видит, кто не понимает? - спросил Зайцев. - Надо же конкретно говорить...

- Вот ты, например, не понимаешь, - посмотрел на него Жур. - У тебя, по-моему, большая муть в голове. Вот ты сегодня и напорол.

- Вы скажите конкретно: чего я напорол? - взъярился Зайцев. - Конкретно скажите...

Оно тогда только входило в моду, это слово "конкретно", пришедшее в быт от политики, от яростных митинговых речей. Не всем еще ясен был его точный смысл, но почти все хотели его произносить. И Зайцеву нравилось это слово.

- Могу сказать конкретно, - улыбнулся Жур. - Ты повел себя в Баульей слободе как хвастун. Ты хотел похвастаться перед всеми, показать, какой ты смелый. А надо быть смелым, но не хвастаться этим, не рисоваться...

- Да я и не хвастался. Я просто немножко погорячился. И меня взяло зло...

- Ну, значит, ты нервный. Как это человека на работе вдруг может взять зло? Значит, ты слабый?

- Вы еще скажете, что я псих?

- Не знаю. Может, и псих. Ты же сам говоришь, что тебя взяло зло. Значит, ты собой не управляешь, если оно тебя взяло. А если человека взяло зло, если он позволил, чтобы оно его взяло, стало быть, он уже не видит, не может видеть, что делает. Не может анализировать...

Вот опять это слово, не очень понятное Егорову, - "анализировать".

- Ну хорошо, ты ловко вышиб топор из рук Соловьева. Это, конечно, хорошо. Хотя геройства большого я в этом тоже не вижу. Афоня Соловьев и так еле живой. А зачем ты его еще стал бить после того, как вышиб топор?

- А что же, я на него любоваться должен, если он фактически убийца?

- Ты, значит, решил ему тут же объявить приговор и привести в исполнение? А кто уполномочил тебя судить его? Тебе государство поручило только задержать убийцу. Только задержать поручило тебе государство. А судить будут в другом месте. В другом месте будут разбираться во всех подробностях. А ты, значит, превысил власть. А за превышение власти полагается домзак...

"Домзак" - это тюрьма. Но тюрьму тогда тюрьмой не называли. Лучше, благозвучнее казалось называть ее "домзак", что значит дом заключения, или "допр" - дом предварительного заключения, или "исправдом" -

исправительный дом. Но тюрьма, как бы ее ни называть, все-таки есть тюрьма.

И Зайцев, понятно, притих. Вот когда он наконец притих и перестал петушиться.

Молча шли они втроем по пустынным улицам, мимо темных силуэтов зданий, тускло поблескивавших стеклом неосвещенных окон.

Город спал в сизой мгле, город, полный тревог, огорчений и надежд, противоречий и сложностей, большой сибирский губернский город, в котором все время клопочут страсти, клопочут даже в те часы, когда кажется, что город спит.

Впрочем, именно в эти часы и совершаются многие огорчительные события, вмешиваться в которые обязаны по долгу своей службы вместе с другими и эти трое, что идут по уснувшему или кажущемуся уснувшим городу.

В этом городе всегда, как во всем мире, были воры, грабители, убийцы. Но должны ли они быть всегда? Всегда ли сильный будет обижать слабого? Слабый всегда ли будет хитрить, чтобы обмануть сильного? Всегда ли человеческую жизнь будут омрачать звериные нравы?

Журу шел тридцать третий год, но в черных, дегтярного оттенка волосах его уже все явственнее проступала седина, и порой он сам себе представлялся стариком.

К непогоде, как у старика, у него ноет не только недавно раненная рука, но и разорванное осколком немецкого снаряда бедро и плечевая кость левой руки, задетая разрывной пулей.

Все-таки он побывал на двух войнах - на германской и гражданской. И сейчас каждый день для него как бы продолжается война, может быть, более трудная, которой не видно ни конца ни края. А во имя чего идет эта война? И чем она должна завершиться в конце концов?

Жура постоянно одолевают какие-то посторонние мысли, не имеющие как будто прямого отношения к его делу, к его ежедневным делам, но все же как-то связанные с его делами, с его жизнью, со смыслом его жизни.

Особенно томят его раздумья по ночам, когда, усталый после напряженного дня, он долго не может уснуть, не может, как он сам говорит, справиться с мыслями.

А ему обязательно надо справиться с мыслями.

Внешне он собранный человек, всегда аккуратно одетый, по-военному подтянутый. Никто, например, никогда не видел его небритым. Он научился бриться даже левой рукой. Он многому научился.

И все-таки ему часто кажется, что он еще не понял чего-то самого

главного в жизни, что записано, наверно, в каких-то важных книгах, которые ему некогда прочесть. Некогда ему и додумать многое. Некогда разобраться в вопросах, встающих перед ним.

- А вы, ребята, как считаете, воры всегда будут или все-таки переведутся?

- Не знаю, - затрудняется Егоров.

- А ты, Зайцев, как думаешь?

- А чего мне думать? Мне все равно...

- Ну как же это все равно? - удивляется Жур. - Вы же, ребята, комсомольцы. Как я понимаю, вы готовитесь стать не только работниками уголовного розыска, но и коммунистами. А коммунист и комсомолец на любой работе обязан думать: какая у него работа, для чего она, что из нее должно получиться. Нет, Зайцев, это не ответ. Тебе полагается думать.

- А чего мне еще думать? Вы же сказали, что мне полагается домзак за превышение власти.

- Ну, это само собой. Но и в домзаках люди думают. Их для этого туда и помещают.

- А вы правда считаете, меня надо посадить?

- Вместе со мной, - говорит Жур. - Ты стажер, а я уполномоченный. Я обязан был тебя предупредить. Но мне и в голову не приходило...

Из-за угла вылетает взмыленная пара лошадей, впряженная в широкую пролетку, полную пьяных мужчин и женщин. Кучер, видимо тоже пьяный, свесился с козел, вот сейчас свалится.

Вожжи держит, стоя в пролетке, молодая женщина с распущенными волосами. Она хлещет лошадей длинным кнутом и кричит что-то отчаянное, будто зовет на помощь. Нет, это она поет.

И все остальные в пролетке поют. Но как-то смутно, тревожно становится от их пения.

- Нэпманы, - смотрит на них Егоров.

- Ну, почему обязательно нэпманы? - говорит Жур. - Если б одни нэпманы гуляли, это не страшно было бы. Отгуляли и померли, не жалко. Они мутят хороший народ, вот в чем беда. Я на этом нэпманском деле хороших товарищей потерял. Одного мне было сильно жалко, вот как Афоню Соловьева. Я даже заплакал, когда узнал все подробности...

Нет, он не такой каменный, Жур, как иногда кажется. Но, может, это даже хорошо, что он не каменный. Егоров вспомнил, как Жур признался им у кладбища, что долго боялся покойников.

И сейчас Жур рассказывает историю своего товарища, хорошего парня, который сел в тюрьму. И ничего нельзя было сделать. Был виноват

этот товарищ. Хотя не один он был виноват. И условия жизни были виноваты, если можно винить условия жизни.

- Хотя условия жизни винить нельзя, - подумав, сказал Жур. - Человек должен сам закалять себя, должен думать. Анализировать.

Егоров хотел было спросить, как понимать это слово, но не решался перебить Жура.

Жур остановился подле своего дома, взялся за холодное кольцо калитки, но во двор не вошел. Будто вспомнив что-то, отпустил кольцо, стал рассказывать, как трудно работать в уголовном розыске. Ведь при нынешнем разгуле бандитизма, воровства, при нэпманском подкупе работников не на всех и в розыске можно положиться. И в розыске есть мутные люди.

- Ты, Зайцев, не обижайся. У тебя, я замечаю, есть муть в голове, но я тебя мутным полностью не считаю. Но есть просто мутные. И они все-таки пока работают. Мы их выявляем, убираем. Но есть такие, что будто бы и хорошо работают. У них есть опыт, знания, сноровка. Но не вся их сноровка нам годится...

Это удивило Егорова больше всего. Вот уж чего он никогда не ожидал и не думал, что в розыске есть мутные люди.

- Даже взяточники есть в самом розыске, - сказал Жур. - И их не всегда легко поймать за руку. Ловим, но не всегда можем поймать. И кроме того, у нас даже были случаи, когда некоторые наши работники стреляли на операциях в своих же сотрудников, в коммунистов и комсомольцев. Попробуй потом разберись, кто убил сотрудника, бандиты или еще кто...

Это удивило и Зайцева. Он спросил:

- Но неужели это так и остается неизвестным? А, может быть, они и сейчас в угрозыске, эти люди?

- Какие люди?

- Ну, которые хороших сотрудников... укоцали.

- Очень приятно, - сказал Жур. - Очень, очень приятно. Ты, я смотрю, уже научился, говоришь "укоцали". Это же бандиты так говорят. Но я думал, что комсомольцы-то уж покажут пример, как можно переплыть море и не утонуть в море, как можно убирать грязь и не завязнуть в грязи...

- А что? - не сильно смутился Зайцев. - И Воробейчик так говорит. А он работник, считается, опытный...

- Очень опытный, - подтвердил Жур. - У Воробейчика и у других вы можете многому поучиться. И обязаны учиться. Но и Воробейчика и других, я думаю, вы тоже многому можете поучить. Не худо и Воробейчику будет у вас поучиться...

Это было уж совсем непонятно Егорову. Чему же он может поучить Воробейчика? Воробейчик только смеется над ним.

А Зайцеву понравились слова Жура. Зайцев понял, что весь этот разговор происходит именно потому, что их, стажеров, скоро переведут в штат. Это, должно быть, уже решено. Иначе не стал бы Жур тратить на них время.

- Вы должны, ребята, собрать все хорошее, что в вас есть, и показать это на работе, - сказал Жур. - Показать, что вы настоящие комсомольцы, что вы работаете не просто за кусок хлеба, за зарплату, а за идею, что вы чувствуете эту идею каждый день, каждый час. И тогда к вам никакая грязь не прилипнет. Спокойной ночи, ребята...

Жур снова взялся за кольцо калитки, повернул его и оглянулся:

- А ты, Зайцев, особо подумай.

Зайцев засмеялся.

- Видишь, - сказал он Егорову, когда Жур скрылся в глубине двора, - мне ведено особо подумать. То ли Жур считает тебя умнее, считает, что ты уже все обдумал. То ли все выходит наоборот...

- Наоборот, - сказал Егоров. - Жур тебя уважает. Ты ему нравишься.

- Что я ему, барышня, нравится? - опять засмеялся Зайцев.

19

Журу в самом деле нравился Зайцев.

Впрочем, многое нравилось и многое же не нравилось. И не всегда было легко отличить, что же нравится и что не нравится. Одна и та же черта в характере Зайцева вызывала разное отношение к нему.

Зайцев был необыкновенно подвижен, горяч и исполнительен. Против этих качеств едва ли можно возражать. Их сразу обозначили в уголовном розыске как оперативность. Но в оперативности Зайцева проступала и хищность.

И хищности этой он не скрывал. Он, казалось, не видел существенной разницы между, допустим, Афоней Соловьевым и Пашкой Ожерельевым. Оба для него были одинаковыми преступниками.

Он даже огорчился, когда узнал, что Афоню Соловьева суд приговорил не к расстрелу, как Пашку Ожерельева, а к заключению на десять лет.

- Мало. Я бы его тоже стукнул, этого малохольного Афоню. Ну что это десять лет?

- Давай, - предложил Водянков, - давай я тебя, Зайцев, запру не на десять лет, а только на трое суток вот у нас тут, в предварилке. Парашу тебе поставлю для удобства. Посиди попробуй, как это другие сидят...

Зайцев смеялся.

Может, в нем еще не перебродила, не перегорела мальчишеская страсть к шалостям, к озорству? Может, в нем самом еще борются разные начала? Может, с возрастом он станет серьезнее?

А пока ему многое кажется смешным. Особенно его рассмешила Дуня, девушка из бывшего заведения дедушки Ожерельева, пришедшая в уголовный розыск к Журу посоветоваться, как она сказала, "насчет дальнейшей жизни". Нашла куда идти советовать. "Вот тоже дура", - определил Зайцев. И спросил:

- Надеешься получить советы, как лучше обирать клиентов?

Дуня вдруг заплакала. Так, заплаканная, она и вошла в комнату Жура, сказав:

- Этот рыжий у вас, товарищ начальник, просто очень нахальный...

Жур сделал замечание Зайцеву.

- А чего я ей сказал? - удивился Зайцев. - Чего она из себя строит? Обыкновенная эта самая... Ее бы тоже надо устроить вместе с дедушкой Ожерельевым. Все они одинаковые...

- Да, много, я гляжу, мути у тебя в башке, Зайцев, - говорил Жур. Огромное количество...

Но муть - это еще не очень опасная вещь. Муть еще рассеется, отойдет, осядет.

Зайцев свое дело делает, ловко делает.

Его уже заметил сам товарищ Курычев. Ночью во время генерального обхода города, вернее объезда, Курычев пригласил вдруг Зайцева в свою машину, в старенький "рено". Как это случилось - непонятно, но Зайцев оказался в одной машине с самим начальником уголовного розыска.

- Что, расскажи, тебя Курычев спрашивал? - допытывался потом у Зайцева Воробейчик.

- Ничего особенного. Просто похвалил вас и меня за то, что мы лихо задержали этого Соловьева Афоню. Говорит, что это был героический акт. И кто ему про это рассказал?

- Ты, наверно, и рассказал.

- Нет, я ему ничего не рассказывал. А он сам забавный...

- Кто забавный?

- Ну, Курычев. Видно, тоже, как все грешные, побаивается бандитов...

- Почему ты думаешь?

- По всему. Это же сразу заметно. Когда на Селивановской мы входили в эту малину - помните, Васюкова квартира, на втором этаже? - он дверь дернул и остановился. Меня вперед пропустил. Будто из вежливости. А потом, когда туда зашли вы и Водянков, он стал сильно распространяться,

чтобы все видели, что он не кто-нибудь, а сам начальник. Даже перед этими девками рисовался, расстегивал пальто, чтобы видели, что у него орден...

Зайцев не боялся даже в дежурке смеяться над начальником. Все должны были понимать, что он и перед начальником не собирается заискивать и пресмыкаться. Ну что из того, что сам Курычев пригласил его в свою машину? Он, может быть, из соображений собственной безопасности его пригласил. Может, с Зайцевым Курычеву спокойнее во время обхода. А Зайцеву все равно с кем ехать...

- Ох и мировой этот парень - Зайцев! - восхищался вечером в дежурке Воробейчик, сидя в кругу сотрудников, еще свободных от происшествий. - Вы не смотрите, что он стажер. Мы все еще наслужимся под его начальством. Вот попомните мои слова. Он далеко пойдет.

А Жур продолжал относиться к Зайцеву несколько настороженно. По-прежнему Жур не мог определить точно своего отношения к нему. Егоров казался проще Зайцева, понятнее. За Зайцевым же нужен глаз и глаз. Никогда нельзя угадать, что он сделает, если ему дать полную волю на какой-нибудь операции.

И в то же время Зайцев все больше нравился Жур. Не во всем, но нравился. Нравилась напористость Зайцева, безотказность в деле и, конечно, смелость. Однако и в смелости его было что-то не очень правильное, что ли...

Жур не мог до конца разобраться в Зайцеве. Да он и не торопился в выводах. Он сам сказал однажды стажерам:

- Вы, ребята, не думайте, что я старше вас и, значит, все хорошо понимаю. Я сам до многого еще не додумался. И вы, я считаю, тоже должны шевелить своими мозгами. Вот, например, у нас как поется в нашем гимне? "Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем..." Как вы, ребята, вот это, например, понимаете - "а затем"?

- Что ж тут не понять! - удивился Зайцев. - Все ясно: "...а затем - мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем..."

- Вот и не ясно, - возразил Жур. - Некоторые так понимают, что мы сперва все разрушим, и, мол, давайте только разрушать. А я считаю, что автор гимна, как говорится, поэт, вставил эти слова "а затем" в том смысле, что не когда-нибудь потом, а сразу, тут же, мы и обязаны его строить, то есть новый мир. И это мы видим на фактах. Мы разгребаем обломки от старого мира, убираем мусор, и тут же, сразу, нам надо строить. Поэтому нельзя смотреть так, что мы должны только ловить и уничтожать преступников. Мы должны искать, где причина, что человек становится преступником. И эту причину наше государство должно начисто

уничтожить...

- А преступников уничтожать не надо?

Это спросил Зайцев и опять скосил глаза.

- Нет, почему же, - сказал Жур. - Преступников нужно уничтожать. Тут никакого спора нет. Нужно и убивать. Но надо все время смотреть, может, кого удастся и исправить...

- Мало кого, - покачал своей огненной головой Зайцев. - Мало кого удастся исправить...

- А это мы потом посмотрим, мало или много, - нахмурился Жур. - Но я ведь это к чему говорю? Вот вы возьмите меня. Я человек, конечно, сердитый. Меня в жизни еще в детстве много обижали. Но даже я стараюсь не сильно сердиться, когда я на работе. Я другой раз нарочно сдерживаю себя. А вы ребята молодые. Вам еще не из-за чего сердиться...

Жур пристально смотрел чуть печальными черными глазами то на Зайцева, то на Егорова, хотя Егорова уж никак нельзя было заподозрить в том, что он излишне сердит. Ему не вредно бы, пожалуй, даже добавить злости, что ли, Егорову. Уж очень он тихий.

- Нам, ребята, еще воевать и воевать. И вашим детям, когда они у вас будут, еще придется, однако, сходить на войну. Но мы должны всегда помнить, за что мы воюем. Ты правильно сказал в прошлый раз, Егоров, что мы воюем за всеобщее счастье на земле...

Егоров этого не говорил. Но сейчас он не хочет перебивать Жура, не решается перебивать. Он сидит и внимательно слушает. А Зайцев ерзает на стуле, испытывая нетерпение.

Потом он вызывает Егорова в коридор и говорит:

- Ты не сильно развешивай уши. Тут еще есть одно серьезное дело. Как бы нам обоим не погореть. С нас сегодня будут снимать анкету. С меня уже сняли. Сам Курычев велел. Он даже сердился, спросил, почему до сих пор со стажеров не сняли анкеты. "Я, - говорит, - не буду их утверждать без анкет..."

- Ну что ж, - сказал Егоров, - пусть снимают анкету. Мне скрывать нечего...

- Да я не об этом, - поморщился Зайцев. - Ты, главное, вот учти: тебе двадцать два года.

- Да нет, что ты! - засмеялся Егоров. - Мне только восемнадцать. И то еще нету. Зимой будет, в январе...

- Глупый, ты не обижайся, но ты, честное слово, как дурак. Они обоих нас примут. Я уже все выяснил. У них теперь есть две штатные должности. Они передвижку сделали. Но им обязательно нужен возраст. Я сказал, что

мне уже исполнился двадцать один год, а ты говори, что тебе двадцать два. Ты выглядишь старше меня. У тебя вид угрюмый. А метрики все равно не спрашивают.

- Неудобно как-то, - задумался Егоров. - Поступаем на такую работу и вдруг сразу же допускаем обман. Вроде как сами мы жулики...

- Ну, как хочешь, Егоров. Но ты отсюда можешь свободно вылететь. Один парень вот так же, мне рассказывали, прошел весь испытательный срок, а потом вылетел из-за молодости лет. У него двух лет не хватало.

- А если...

Егоров хотел еще что-то спросить, но из глубины коридора, из полутьмы, закричали:

- Егоров!

Это его позвал Воробейчик.

Почему-то именно Воробейчику поручили снимать со стажеров анкету. Но Егоров сейчас даже обрадовался этому. Воробейчика он не любит. Поэтому он, думается, не обязан говорить ему правду. Вот если бы Егорова спрашивал Жур, Егоров бы сказал честно. А Воробейчик... да ну его!

И, стоя перед ним, на его вопрос о возрасте Егоров бессовестно сообщает:

- Мне сровнялось двадцать два года. Уже сровнялось... Еще весной сровнялось...

И все-таки сразу потеет, как от тягчайшего напряжения. Нет на свете, наверное, более тяжелой обязанности, как обязанность врать.

Воробейчик спокойно записывает. Заполнив всю анкету, говорит:

- У тебя, Егоров, хорошее происхождение, чисто пролетарское...

Егорову это приятно. Однако, помедлив, Воробейчик продолжает:

- Но для работы в уголовном розыске у тебя нет призвания. Понимаешь, призвания.

- Не понимаю.

- Призвание - это когда человек просто создан для этого дела. Просто создан. Понятно?

- Нет, не понятно, - мотает давно не стриженной головой Егоров.

- Неужели непонятно? Ну, как же это тебе еще объяснить, если ты такой... ну как это... вроде вялый, как после сыпного тифа? А в уголовном розыске должны быть люди очень понятливые, быстрые - ну, как бы тебе это сказать? - сообразительные. Чтобы они никогда ничего не боялись. Ни живых, ни мертвых. И чтобы всегда были, ну, одним словом, - начеку. Ну разве ты можешь быть таким?

- Могу, - расправил плечи Егоров.

- Упрямый ты, вот это я вижу, как какой-нибудь, - не обижайся, - ишак. Ну ладно, как-нибудь разберемся.

Воробейчик собирает со стола бумаги и уходит.

В тот же день в узенькой комнатке Журя происходит короткое совещание.

Стажеры на этом совещании не присутствуют, потому что разговор идет о них. Быть ли им сотрудниками уголовного розыска, губернского уголовного розыска, - вот этот вопрос и решается сейчас.

Впрочем, о Зайцеве вопрос почти решен. Все высказываются за него.

Только Журя сделал одно замечание. Он сказал, что Зайцева надо немножко сдерживать, Зайцев слишком горячий. Ну что же, это не такой уж грех, что горячий. Работа тут в общем не холодная. Холодные сапожники тут не требуются.

Зайцев уже знает, что идет такое совещание. Знает, что там, в узенькой комнатке Журя, сейчас решается его судьба. Но он спокоен за свою судьбу. Он спокойно пьет в буфете чай с печеньем "Яхта".

Впоследствии, наверно, он купит себе такой же термос, как у дежурного по городу Бармашева. Или не купит. Даже скорее всего не купит. На кой ему дьявол термос?

- Налей мне еще стаканчик, - говорит он буфетчице.

- Опять с лимоном?

- Конечно.

Зайцев совершенно спокоен.

А Егоров волнуется. Он сидит за столиком против Зайцева, тоже пьет чай, но не с печеньем, а с булкой и ужасно волнуется. У него даже пальцы холодеют от волнения. Он греет их о стакан.

И Егоров волнуется не напрасно. На совещании только Журя высказался за него. И то очень осторожно.

- Почему нам не попробовать его еще? - говорит Журя. - Парень он, видать, честный, серьезный, старательный.

Но Воробейчик прямо кипит от злости:

- Да куда же его еще пробовать? Месяц пробуем. Сегодня ровно месяц.

- У меня против Егорова нету возражений, - разглаживает пышные усы Водянков. - Парень он как будто ничего. Но не могу я его понять, вроде как он робкий, что ли. Застенчивый какой-то.

Вот за это слово "застенчивый" и цепляется Журя, защищая Егорова.

- А что же, - говорит Журя, - надо, чтобы человек был нахалом? Он просто, я замечаю, совестливый паренек. А это, мне думается, неплохо. Если есть сомнения, можно ему дать еще самостоятельное задание, тем

более он комсомолец. Неплохой, я считаю, комсомолец...

- Ну, разве что комсомолец, - ухмыляется Воробейчик.

И тут происходит странное. Воробейчик, все время выступавший против Егорова, предлагает послать его с последним заданием на "Золотой стол".

Казалось бы, Воробейчик мог придумать Егорову более трудное задание, на котором бы Егоров уж наверняка провалился. Но Воробейчик как будто настаивает на этом задании. Ну что ж, Жур не возражает.

Час спустя он вызывает к себе Егорова и спрашивает:

- Ты можешь поприличнее одеться? У тебя есть во что?

- Есть, - говорит Егоров.

- Ну вот, оденься как можно получше и вечером пойдешь на "Золотой стол".

"Золотой стол" - это казино, где играют в лото, в карты и еще во что-то. Оно помещается в центре города, почти рядом с уголовным розыском, в следующем квартале, против кинотеатра "Красный Перекоп". Там собираются богатые люди - нэпманы, старатели с золотых приисков. И жулики и бандиты, бывает, тоже там собираются. Особенно много бывает карточных шулеров, есть приезжие шулера.

Егоров в "Золотом столе" ничего особенного не должен делать. Если, конечно, вспыхнет скандал, он обязан задержать подозрительных. Ему поможет в этом милиционер, который стоит внизу, у подъезда. А так Егоров должен только наблюдать, не привлекая к себе внимания. Пусть все думают, что он просто игрок, молодой нэпман, гуляющий глупый молодой человек. Он может принять участие в игре в лото или в какой-нибудь другой игре. Для этого ему выдается казенных три рубля. Если проиграет, не страшно. Если выиграет, тоже. Вот и все. Сам, конечно, он не должен затевать скандалов. Боже упаси! Он должен держаться скромно, ни во что без толку не впутываться.

- Ну иди, Егоров, - сказал Жур. - Желаю тебе... Ну, словом, иди и старайся, чтобы все было как следует...

Егоров зашел домой, пообедал, переоделся, надел почти новый, перешитый Катей френч цвета морской волны, аккуратно причесался и уже в самую последнюю очередь посмотрел на башмаки.

Башмаки до крайности худые. Он уже два раза их сам ремонтировал, прикреплял дырявые подметки тонкой проволокой, вырезал из картона стельки. Все равно вида они никакого не имеют. Хотя их можно еще подкрасить сажей.

Егоров развел в керосине сажу и, поставив ногу на ступеньку крыльца,

стал подкрашивать башмаки.

Его окружили племянники. Каждый хотел помочь ему в этом деле.

В одно мгновение они измазались, как чертенята. Но больше всех измазался Кеха. Он старался всех оттолкнуть и кричал, что это не чей-нибудь, а его папа, поэтому только он, Кеха, имеет право красить отцовские башмаки.

- Да он и не папа тебе, - сказал младший Катин сын. - Нам он дядя, а тебе чужой.

- Не чужой, не чужой! - закричал и заплакал Кеха. И стал ругаться вдруг такими словами, какие не только в три или в четыре года, но и в тридцать лет не все, пожалуй, знают.

Егоров растерялся. Он утешал Кеху, говорил, что он ему, правда, не чужой, но слова плохие, нехорошие слова. Надо их забыть. Поскорее забыть.

Егоров вышел из дома расстроенный. И всю дорогу думал то о Кехе: "Взяли ребенка, так надо воспитывать", - то о том, что ему, Егорову, самому сегодня предстоит.

Все-таки он идет сейчас на свое последнее испытательное задание.

Завтра уже будет ясно, как решилась его судьба. Вернее, она решится сегодня. Но Кате он об этом ничего не сказал, чтобы она не волновалась лишней раз.

А сам он сильно волновался. Хотя чего бы ему волноваться? Ничего страшного там не может быть. Да если и будет, он, пожалуй, не шибко испугается. За этот месяц он уже кое-что повидал. Все будет хорошо, как надо. Иди, Егоров...

В девятом часу вечера у развалин Хмуровского пассажа, сгоревшего еще в гражданскую войну и до сих пор не восстановленного, он неожиданно встретил Жура.

У Жура был редкостный свободный субботний вечер. Он шел домой ужинать. Он так и сказал с улыбкой Егорову: "Иду домой ужинать". А Егорову очень интересно: как живет дома Жур? Если ли у него дети? Но спрашивать об этом неудобно. Не такие у Егорова с Журом отношения, чтобы спрашивать о домашних, о семейных делах.

Жур оглядывает Егорова под фонарем, видит, что у него под распахнутой телогрейкой красивый френч, - не "френч" теперь надо называть, а "тужурка".

- Что же ты так всегда не ходишь? У тебя же вид совсем другой, солидный...

Это звучит как похвала. Но Егоров вдруг вспоминает свой грех и

совсем некстати в замешательстве говорит:

- Это все ничего, но я напутал в анкете...

- Пустяки. После исправишь.

- Но я здорово напутал...

- Исправишь, - хлопает его левой рукой по плечу Жур. - Анкета - это дело не страшное. Ты сейчас вот старайся, чтобы все было хорошо, умно. Последнее тебе задание - и, можно считать, кончился твой испытательный срок.

Жур идет с ним по улице, под неяркими сегодня фонарями. Видимо, опять падает напряжение на электростанции. Никак ее не могут наладить после гражданской войны.

- Наладится, все наладится, - смотрит на фонари Жур. - Лет через десять, через двадцать никто не узнает наш город. Это будет мировой город.

Так любили тогда говорить, лет тридцать с лишним назад: мировой парень, мировой город, мировые дела.

Жур дошел с Егоровым почти до самого казино, потом свернул в переулок к своему дому и сказал:

- Ну, счастливо тебе, Егоров. Работай. Главное, не горячись. Мы еще увидимся сегодня. Я с двенадцати ночи буду дежурить по городу...

Егоров даже удивился: почему это Жур так сказал? Отчего тут надо горячиться? Все спокойно.

20

У подъезда, где ресторан, стоит бородатый, в расшитой золотом ливрее швейцар. Он открывает двери Егорову. Егоров снимает внизу, на вешалке, телогрейку, фуражку, еще раз причесывается у огромного зеркала и поднимается на второй этаж. Нет, теперь он больше не волнуется.

В огромном зале расставлены длинные столы. За столами сидят какие-то ветхие старушки в допотопных шляпах, старички в стоячих воротничках, каких нынче уже не носят, полные, румяные мужчины с младенческими лицами и с телами купчих.

Все это лавочники, бывшие чиновники, домовладельцы. Они сидят над узкими полосками картона с цифрами.

А у стены на возвышении стоит однорукий, усатый инвалид и выкрикивает номера:

- Двадцать восьмой-и... Тридцать шестой-и...

Для чего он вытягивает это "и"? Егорову очень смешно. Но он не смеется. Никто не смеется, и он не смеется.

У него есть казенных три рубля. Но он пока не собирается играть. Он

ходит меж столов, как ходят многие, с виду такие же, как он. Никто тут не догадывается, что он из уголовного розыска.

Вдруг он видит знакомое круглое лицо.

Это Ванька Маничев покусывает белыми зубами черную костяшку, которой закрывают цифры, и жадно смотрит на однорукого инвалида, выкрикивающего номера.

Ванька сейчас, увлеченный игрой, никого не замечает вокруг себя. А Егоров его хорошо видит. И сердце у Егорова чуть замирает Ванька для него теперь навсегда связан с Аней Иващенко. Может, и Аня здесь? Нет, Аня не видно. А где же она?

И хотя Егоров все это время, все дни после их недавней встречи, думал, что он уже вытеснил Аню из своего сердца, Аня все-таки волнует его. И наверно, еще долго будет волновать. Пусть он думает, что уже не любит ее. Даже Ванька Маничев, этот бывший его дружок, оказавшийся нэпманским холуем, интересен Егорову только потому, что связан с Аней. Может, он уже женился на ней?

Но какое дело Егорову? Пусть женится. Пусть они все женятся. Он занят своим делом. Он заканчивает сегодня свой испытательный срок.

Егоров даже взглядом не хочет встретиться с Ванькой, проходит, уже не глядя на него, меж рядов, переходит в соседний зал, поменьше.

Вот из-за этого зала и все казино называется "Золотой стол". Здесь играют в карты.

И все здесь необычное, даже таинственное. Горят большие голубые, с мохнатой бахромой люстры. Окон не видно. На стенах висят черные полосы гладкой материи, на которой вышиты серебром и золотом луна и звезды, цветы и птицы и какие-то знаки, иероглифы.

Душно здесь и накурено так, что дышать, кажется, нечем. Но никто этого, должно быть, не замечает. За небольшими квадратными столами с зеленым суконным полем сидят нервнобольные, с землистыми, дергающимися лицами игроки. Коротко, сердито переговариваются. Иногда стучат по столам кулаками. Но никто тут и этому не удивляется.

Только важный старик с задумчивым лицом в бакенбардах, разносящий картонные колоды, изредка плаксивым голосом просит:

- Нельзя ли поаккуратнее, а?

Кажется, что тут собрались вдруг ожившие покойники. Все у них так же, как у живых, а лица покойницкие. И носы, как у покойников, острые.

Впрочем, это, может быть, свет от люстры, от боковых светильников, укрытых воценой бумагой, зеленовато-серый свет искажает лица. И у Егорова сейчас лицо, наверно, не лучше, чем у игроков.

Егоров на ходу смотрится в мутное зеркало. Да, лицо у него потемнело, позеленело. Все, значит, зависит от света. А для чего тут такой свет? Для чего это разрешают в центре города глупую какую-то игру в карты?

Тут ведь не только нэпманы и приискатели сидят, но и, может быть, кассиры - сидят и проигрывают тайком казенные деньги.

Однако никак не угадаешь, кто тут кассир, кто нэпман и кто просто жулик или шулер.

Все игроки выглядят почти одинаково. И Егорову никто не поручал проверять у них документы. И вообще непонятно, зачем его послали сюда. Глядеть за порядком? Но тоже непонятно, какой тут должен быть настоящий порядок.

Егоров переходит от стола к столу, хочет все-таки понять, как идет игра, какие действуют правила. А сам играть пока не собирается. Да он и не умеет. Он может только вглядываться в лица, может только стараться угадать, кто тут подозрительный.

И все ему кажутся подозрительными, хотя он понимает, что это неправильное у него представление. Нельзя же всех подозревать. Но очень возможно, что здесь сейчас присутствует среди игроков необыкновенно опасный преступник, которого давно разыскивают. И вот его-то Егоров как раз и прозеваает. А что он может сделать? Ему ведено только наблюдать. Вот он и наблюдает.

Наблюдение это быстро утомляет его. Глаза все сильнее пощипывает густой табачный дым.

Егоров выходит в коридор и видит белую дверь с небольшой красной табличкой: "Пти шво". А за дверью что-то негромко гудит и пощелкивает, и слышатся голоса. Можно ли войти в эту дверь? Надо ли входить? И что это значит - "Пти шво"?

Раздумывать, однако, долго не приходится. В дверь входят один за другим разные люди. И Егоров входит.

Оказывается, в этом помещении есть еще один зал, где светло, и чисто, и на белых стенах висят картины. А в самом центре зала огромный круглый стол. И вокруг стола толпятся люди. Много людей - молодых и старых. Больше молодых.

Некоторые выстроились вдоль стены в очередь к серебристому кассовому аппарату, который выщелкивает узенькие билетки. Протяни кассирше рубль и получишь билетик. Потом с этим билетиком надо пробиваться сквозь толпу к высокой, черной, горбоносой женщине, что возвышается над круглым столом.

У этой женщины все черное: и гладко причесанные волосы, и густые брови, и ястребиные глаза, и длинное платье с высоким воротником. Она командует разноцветными металлическими лошадками, с легким гулом бегущими по круглому столу. Она их то пускает, то останавливает. Для этого ей достаточно нажать кнопку.

- Граждане, делайте ваши ставки, - провозглашает черная женщина гортанным голосом. - Не задерживайте аппарат. Ваша лошадь ожидает вас. Она стремится привезти вам счастье...

Каждый игрок облюбовывает какую-нибудь одну лошадку на круглом столе. Или сразу двух-трех лошадок.

- Игра сделана, ставок больше нет, - опять провозглашает женщина, собрав все билетки, и нажимает кнопку. - Наблюдайте бег лошадей.

Лошадки, как живые, стремительно бегут по кругу.

Впрочем, это не лошадки бегут, это вращается круг. А кажется, что бегут лошадки, намертво приколотые к кругу. Кажется даже, что вон беленькая обгонит всех. Нет, всех обгонит игренивая. Но и игренивую, пожалуй, обойдет каурая. Или вот эта гнедая. Хотя нет, скорее всего первой придет игренивая.

Игра неожиданно увлекла Егорова. Он уже не вглядывался больше в лица игроков, ища подозрительных, как ему полагалось бы. Он смотрел теперь только на лошадок, стараясь угадать, какая придет первой.

Первой пришла серенькая в яблоках.

- Гражданина, сделавшего ставку на девятый номер, - провозгласила черная женщина, - дирекция просит получить в кассе свой выигрыш...

Егоров видел, как сморщенный, лысенький старичок в клетчатой куртке подошел к кассе и получил пачку денег.

А что, если и Егорову сыграть? Поставить вон, допустим, на ту каурую лошадку и сыграть. Ведь ему для этого специально выданы три рубля. Правда, они ему выданы не для игры, а для того, чтобы в случае необходимости он мог показать, что играет, что увлечен игрой, если на него станут обращать внимание игроки.

Игроки сейчас не обращают на него никакого внимания. Но он сам хотел бы сыграть. Ведь это очень интересно. Вдруг ему повезет? Вдруг он выиграет такую же толстую пачку денег, как этот сморщенный лысенький старичок в клетчатой куртке? Вот было бы здорово!

Егоров прикинул в уме, сколько может быть денег в той толстой пачке, и решил, что в ней, пожалуй, не меньше как две или даже три месячные полочки.

Егорову за такую пачку надо работать два-три месяца. А тут поставить

всего рубль - и, пожалуйста, собирай деньги, сколько хочешь собирай.

Можно, конечно, и проиграть. Даже скорее всего с непривычки проиграешь в первый раз. Ну так что же! Придется потом сказать в уголовном розыске: проиграл, мол, один рубль или два рубля, прошу, мол, вычесть из моей зарплаты.

Ведь вторую получку за две недели он еще не получал, но она ему уже полагается. Ее выплатят ему все равно, если даже его не примут в штат. Наверно, завтра и выплатят. Вот он и отдаст свой проигрыш. А вдруг он выиграет? Вдруг вон та кауряя лошадка, которую он облюбовал, придет первой? Что тогда?

Егоров представил себе сияющее лицо Кати, увидевшей на столе пачку денег.

Можешь делать с этими деньгами что хочешь. Можешь купить себе шубу. Можешь купить ребятишкам не только валенки, но и каждому по костюмчику. Можешь заготовить дров, и картошки, и капусты хоть на целую зиму. Можешь каждый день покупать на базаре мясо и ветчинные кости к щам или гороховому супу.

И деньги еще останутся.

Егоров взял бы из этих оставшихся денег только немножко - на башмаки.

Башмаки у него ведь действительно худые. Больше в них ходить никак нельзя. Да и, пожалуй, стыдно. Работаешь в таком учреждении, а ходишь черт-те в чем...

Башмаки он себе обязательно купил бы. И еще купил бы шапку. А то уши просто стынут на ветру. Даже, чего доброго, можно свободно отморозить уши, если начнутся холода. Будут отмороженные уши висеть, как пельмени. Нет, шапку тоже надо купить обязательно. Без шапки никак нельзя.

- Граждане, делайте ваши ставки, - снова провозглашает черная женщина.

А что ж она сама не делает свою ставку? У нее на глазах люди выносят из кассы такие деньги, а она только советует. Или ей нельзя делать ставки, потому что она находится здесь на службе? Конечно, ей нельзя. А Егорову можно? Пожалуй, можно. Ему же выдали три рубля, специально выдали.

А вот интересно: если он выиграет, как быть? Надо сказать в розыске, что он выиграл, или скрыть это? Нет, пожалуй, скрывать нельзя. Конечно, нельзя скрывать. Тут хитрости никакой не должно быть. Надо показать Журу весь выигрыш, выложить перед ним все деньги и спросить, что с ними дальше делать.

Если Жур скажет, что деньги надо сдать в кассу уголовного розыска, надо, конечно, сдать. Тут никаких разговоров быть не может. Но Жур может и так сказать, отсчитай, мол, казенные три рубля, которые тебе были выданы, а остальные бери себе. Тогда другое дело. Тогда можно смело идти с этими деньгами домой, к Кате. Ух, она здорово обрадуется!

- Игра сделана, ставок больше нет, - провозглашает черная женщина и садится на высокий черный вертящийся стул.

А Егоров так и не успел сделать ставку. Но все равно смотрит теперь только на каурюю лошадку номер семь, которую сразу облюбовал. У каурой красиво выгнутая шея и вздернутая голова. Будто она ржет на бегу.

Егоров неотрывно смотрит на каурюю и продолжает взволнованно думать.

А как, интересно, Кате он скажет, где взял эти деньги? Надо ли ей все в точности говорить?

Нет, пожалуй, не надо, а то еще она засмеет. Что же это, мол, ты все в сыщики стремился и вдруг в игроки перешел? Боюсь, скажет, как бы ты шулером не сделался...

Нет, конечно, Кате не надо всего говорить.

Надо просто сказать ей, что ему прибавили зарплату.

И даже лучше не отдавать Кате всех денег, а выдавать ей по частям. А то она на радостях накупит разного барахла, когда необходимо купить самое-самое нужное.

В первую очередь надо купить ребятишкам валенки. Всем ребятишкам и, конечно, Кехе.

Ведь как некрасиво получилось: Егорову купили рубашку и френч, а ребята остались на зиму без валенок. Из первой полочки Катя так ничего и не смогла выкроить. Только что получше, посытнее стали есть.

А сейчас, если Егоров выиграт, сразу все изменится к лучшему. Но Кате не надо отдавать все деньги. Удобнее выдавать по частям. Тогда и врать не надо насчет прибавки к зарплате. Ведь Егоров больше играть не будет. Он сыграет только один раз. Нет, обязательно надо сыграть два раза. Хотя почему только два раза? Уж играть, так играть на все три рубля. Из трех раз он уж наверняка хоть на одной лошадке выиграт.

Кауряя лошадка действительно кажется красивее всех. И хотя Егоров еще не сделал ставку на каурюю, еще не внес свой рубль в кассу, у него все-таки замирает сердце. А вдруг буланая обойдет каурюю? Нет, не обойдет.

- Стоп, - говорит черная женщина.

Бег прекратился. Кауряя пришла первой. Егоров готов был захлопать в ладоши.

- Гражданина, сделавшего ставку на седьмой номер, - выкрикивает женщина, пристально оглядывая игроков, - дирекция просит получить свой выигрыш в кассе!

Егоров видит, как молодой человек в крагах вихляющей походкой приближается к кассирше. Вот он принимает от нее большую пачку денег.

Пачка кажется толще той, что получил лысенький старичок в клетчатой куртке. Но ведь это деньги Егорова. Ведь он первый облюбовал каурюю лошадку и все время, волнуясь, следил за нею.

Нет ничего хуже нерешительного человека. Егоров сильно сердит на себя. Уж если задумал, так надо играть, а не хлопать глазами. Вон какой-то джек в крагах унес из кассы его деньги и даже громко стукнул дверью, уходя: вы, мол, тут, дураки, стоите, глазете, трясетесь за свои рубли, а я выиграл и пошел домой.

Егоров покраснел от обиды. Расстегнул пуговицу на френче и сунул руку во внутренний карман, где у него лежат эти казенные три рубля, рядом с комсомольским билетом.

"Никогда не кладите комсомольский билет в одно место с деньгами. Полезешь за деньгами - и можешь легко обронить комсомольский билет", - это говорил еще в Дударях секретарь укома комсомола Зуриков.

И Егоров сейчас вспомнил эти слова. Но он никогда раньше и не носил комсомольский билет рядом с деньгами. Да он и деньги не так уж часто носил в кармане. Это случайно получилось сегодня, что комсомольский билет оказался рядом с деньгами.

Егоров вынул три рубля и зажал их в кулаке, направляясь к кассе, где опять скопилась небольшая очередь.

В очереди стоял пожилой мужчина в пенсне, показавшийся Егорову удивительно знакомым. И мужчина, должно быть, узнал Егорова.

- Наконец-то решились? - усмехнулся мужчина. - А я все время наблюдаю за вами...

Вот так так! Егоров послан сюда наблюдать за игроками. А оказывается, и за ним наблюдают. Но откуда же он знает этого мужчину?

- У вас, как мне показалось, серьезные финансовые затруднения?

- Чего это? - нелюбезно спросил Егоров.

- Я заметил, что вы долго рылись в своем кармане. - Мужчина поправил пенсне на жилистом, тонком носу. - Мне показалось, что у вас не хватает денег.

Чуть сиплый голос мужчины сразу же встревожил Егорова. А когда мужчина поправил пенсне на жилистом носу, Егоров мгновенно вспомнил дом дедушки Ожерельева на Извозничьей горе. И нэпмана вспомнил, того

нэпмана, что долго застегивал на затылке трясущимися руками готовый галстук-"бабочку", а потом предложил Егорову взятку за молчание.

Егоров тогда не очень хорошо разглядел его в полутьме. А теперь-то совершенно ясно, что это именно тот нэпман, совладелец фирмы "Петр Штейн и компания. Мануфактура и конфекцион", что на Чистяревской, дом восемнадцать.

Нэпман точно таким движением, как тогда в доме бабушки Ожерельева, вынул из внутреннего кармана пиджака желтый бумажник.

- Могу одолжить на неопределенное время. Пожалуйста, не беспокойтесь...

Вот до какого унижения дошел Егоров! Его послали по делу. Сегодня кончается его испытательный срок. А он не только ничего хорошего не сделал, никого не выследил и не поймал, но даже вступил в знакомство с нэпманом, и ему, комсомольцу Егорову, как своему другу, нэпман вдруг опять протягивает деньги. Значит, они тут, выходит, заодно орудуют, стараются разжиться на даровщину, комсомолец Егоров и какой-то нэпман.

- Да идите вы! - заорал вне себя Егоров, так что на него оглянулись все в зале.

И этого не надо было делать. Нэпман сейчас не виноват. Во всем виноват только Егоров. Виноват прежде всего в том, что хотел поправить свои дела за счет вот этих лошадок. Люди работают, стараются работать. А он вон на что соблазнился! Может, он позавидовал нэпманам? Может, он тоже хочет открыть свой магазин на Чистяревской?

В одно мгновение Егоров осудил себя и вынес себе строжайший приговор. Он даже ужаснулся тяжести своего еще не совершенного преступления.

- Вы не кричите, - сказал нэпман. - Это моя добрая воля предложить вам займы. Я не вижу в этом ничего неприличного...

Егоров повернулся и пошел, как чем-то ушибленный, через весь зал к выходу.

Вот сейчас он был действительно в тяжелом положении, в более тяжелом, чем в тот час, когда поднимали мертвого аптекаря, или в тот вечер, когда ему пришлось впервые войти в мертвецкую.

Не было еще более тяжелого положения в жизни Егорова.

Ведь часа три назад, проходя через зал, где играют в лото, он посмеялся про себя над Ванькой Маничевым, жадно взирающим на однорукого инвалида, который выкрикивает цифры.

Егоров тогда просто презирал Ваньку Маничева за жадность. А потом

вдруг сам захворал жадностью. Как же это могло случиться с Егоровым?

Он опять проходил через зал, где видел Ваньку, но Ваньки здесь уже не было. И других игроков не было. Все ушли.

Уборщицы подметали мусор и гасили свет. Большие электрические лампочки, свисавшие с потолка в центре длинного зала, гасли одна за другой.

Можно было бы зайти в тот зал, где играют в карты. И надо было бы, пожалуй, зайти. Но Егорову почему-то казалось неудобным сейчас заходить туда. Да и время его вышло. Нет, кажется, еще не вышло. Надо все-таки посмотреть на часы.

Егоров медленно проходит по затемненному коридору и возвращается в тот зал, где играют в карты.

Тут уж в самом деле нечем дышать. Накурили так, что сильно режет глаза. И пахнет нехорошо. Черт знает чем пахнет! А лица у игроков густосиние. Можно подумать, что тут действительно собрались вдруг ожившие покойники и опять решили играть.

Егоров проходит в глубину зала и смотрит на стенные старинные часы с огромным медным маятником в лакированном футляре.

Времени, оказывается, еще очень много до конца дежурства. "Золотой стол" закрывается, кажется, в три часа ночи. Но если идет крупная игра, и в три часа не закроют. Неужели тут придется ходить до трех часов?

Егоров опять смотрит на часы и вспоминает слова Жура: "Особенно долго-то там не толкись. Побродишь часов до двенадцати и можешь идти домой, если, конечно, не будет серьезного дела..."

Серьезного дела пока что нет. И, наверно, не будет. Но все-таки надо побродить здесь хотя бы еще с полчаса. До двенадцати обязательно надо побродить. Неудобно уйти раньше.

"А этот нэпман паразит, настоящий паразит, - думает Егоров, вспоминая происшествие у кассы "Пти шво". - Уже в свои дружки меня зачислил. Но я тоже хорош: полез, как дурак, за барышами".

Егоров расстроен до последней степени. Он медленно проходит меж столиков, рассеянно смотрит на игроков и все время думает, не может не думать о том, как он глупо, непростительно глупо поступил в "Пти шво", будь оно проклято.

И ведь об этом рассказать никому нельзя. Даже стыдно рассказывать. Вот какой он оказался барахольщик! Он и сам раньше не знал, что он такой жадный и глупый...

- Скучаешь?

Егоров, все еще сконфуженный своими мыслями, оборачивается.

Может, это не его спрашивают? Нет, его.

Перед ним стоит худой, длинный пожилой человек с необыкновенно бледным, костлявым лицом, на котором горят глаза сумасшедшего.

- Ты меня знаешь? - спрашивает сумасшедший.

Ну конечно, он сумасшедший. Глаза горят и как будто прыгают, а на губах, в уголках губ, вроде как пена.

- Нет, - отвечает Егоров.

Внезапный испуг, как электрический ток, входит во все его существо и омертвляет мускулы.

Точно ватой сейчас набили Егорова. Вынули внутренности и набили ватой.

- А ты сам из угро?

Егоров отвечает не сразу. Он не может ответить - перехватило дыхание.

- Я тебя спрашиваю: ты сам из угро? Глухой?

- А в чем дело? - наконец откликается Егоров и слышит в своем голосе унижительную робость.

Вот такого человека, с таким голосом, надо немедленно выгнать из уголовного розыска. Зачем он нужен там? Да и на свете жить такому человеку незачем.

Егоров никогда в жизни так не презирал себя, как в это кратчайшее мгновение. И чего он вдруг испугался? Что он его, съест, что ли, этот сумасшедший? Ну и пусть съест. А из уголовного розыска, если узнают, Егорова сейчас же выгонят. Выгонят после всего испытательного срока. А он и в мертвецкую уже ходил и на операции ездил.

Сумасшедший ухмыляется, будто читает мысли Егорова.

- Чего вам надо? - спрашивает Егоров. Вот сейчас он спрашивает почти хорошо, более твердо.

- Давай выйдем. Я тебе там покажу, чего надо...

Можно было бы, пожалуй, и не выходить. Пусть он здесь говорит и показывает. Для чего это надо с каждым сумасшедшим выходить? Но тогда можно подумать, что Егоров правда испугался.

- Пойдем.

И они выходят в дверь, над которой светится красная табличка: "Запасный выход".

На небольшой квадратной площадке над лестницей темно. Только поблескивает какой-то кружок. Нет, два кружка поблескивают. И еще блестит что-то. Глаза! Не сумасшедшего глаза, а еще чьи-то, нечеловеческие. И хриплый замогильный и все-таки немножко знакомый

голос говорит:

- Ну-ка живо, руки... вверх!

Егоров отшатывается, упирается спиной в дверь, будто хочет ее открыть спиной, потом вытягивает ногу и сильно бьет ногой снизу, стараясь попасть носком башмака в блестящий предмет. Нет, такого приема не было в книге господина Сигимицу. Он появился только сейчас, вот тут впотымах, этот прием.

На бетонную площадку упал пистолет. Это он и блестел. И блестит на полу. Егоров падает на него.

А на Егорова валится сумасшедший. Он хочет отнять пистолет. Но Егоров его ни за что не отдаст.

Им сейчас владеет то, что называется храбростью отчаяния. Только жалко, что он не умеет еще стрелять из такого пистолета. У него еще никогда не было в руках бельгийского браунинга. Наган был, а браунинга не было.

Сумасшедший сопит, стараясь отнять пистолет. От него несет тяжелым запахом винного перегара. Он, наверно, сильно пьяный. А в углу кто-то стонет и ругается.

Наконец Егоров слышит голос Воробейчика:

- Дурак! С тобой пошутили, а ты мне, кажется, руку сломал. Это ж Усякин. Ты что, Усякина не знаешь?

- Никого не знаю.

Егоров поднимается на ноги.

Глаза его уже привыкли к темноте. Он видит в углу Воробейчика, который поддерживает левой рукой правую.

Егоров по самому локтю ударил его носком башмака. Это очень больно.

- Ну ладно, давай пистолет, - говорит Воробейчик. - Пошутили - и хватит. Давай, давай. - И протягивает Егорову левую руку.

Но Егоров со всей силой отпихивает его. Да он что, с ума, что ли, сошел, Егоров?

Обида, и злость, и острая, нестерпимая боль в локте сокрушают Воробейчика. Неужели этот сопляк Егоров, над которым они действительно хотели пошутить, хотели напугать его страшной маской в темноте, подведет их теперь под крупную неприятность? Неужели он так и не отдаст пистолет? Неужели они вдвоем не одолеют его?

- Не таких видали фрайеров! - кричит Воробейчик и, преодолевая боль, старается ударить Егорова в бок ногой.

Но Егоров увертывается и хватает за шиворот Усякина, ринувшегося

было к двери.

- Вниз, - толкает Усякина на лестницу Егоров, - вниз идите!

Воробейчик опять собирает силы, чтобы ударить Егорова в бок ногой. Он бывал в серьезных переделках. Но Егорова ему не удастся ударить. Егоров увертывается.

А Усякин, видимо, надеется все-таки уйти.

- Стой! - кричит ему Егоров. - Побежишь - буду стрелять. - И показывает Усякину на Воробейчика. - Веди его, поддерживай...

Они выходят не на главный подъезд, где стоит швейцар, а во двор, где темно и никого нет. Только в стороне белеет поленница березовых дров.

Воробейчик кидается к поленнице. Может, он надеется схватить полено? Все-таки он не хочет покориться какому-то стажеру, чью судьбу он еще три часа назад решал на совещании. Если он добежит до поленницы...

Но он не добежит. Егоров сбивает его с ног. И тут у Егорова почти совсем отлетает подметка. Она держится на одном гвозде. Однако некогда думать сейчас о подметке.

Фуражка и телогрейка Егорова остались на вешалке. Но это ничего. Он потом за ними зайдет.

Теперь главное - отвести этих жуков в уголовный розыск. Тоже нашли кого разыгрывать! Пусть сам Курычев и Жур посмотрят на них! Пусть узнают, какие они устраивают дурацкие шутки со стажерами! Стажеры хотят работать, а они видите что устраивают! Просто с жиру бесятся. Недаром Жур прошлый раз говорил, что в уголовном розыске не все еще сознательные. Вот пусть теперь Жур посмотрит...

Егоров, потный, злой, с разорванным воротом, стоял посреди двора и смотрел на сбитого у поленницы Воробейчика. Потом он потрогал себя за бок, нащупал оторванный накладной карман и еще больше обозлился.

У нового френча оторвали карман! Надо бы им еще добавить за это. Карман, наверно, оторвал Усякин. "Ну, погоди!" - сердито думает Егоров.

- А ты-то, - говорит Воробейчик Усякину, подымаясь с его помощью, ты-то болван! Он мне, кажется, руку сломал или вывихнул. Я вздохнуть не могу. А ты...

- Да ну его... - берет под руку Воробейчика Усякин, косясь на Егорова. - Пойдем. Он еще шухер тут поднимет на весь город.

Но Воробейчик, прихрамывая, доходит до ворот и останавливается.

- Слушай, чалдон, - оглядывается он на Егорова, - отдашь пистолет или нет?

- Не отдам.

- Хочешь так - вынь обойму, а пистолет отдай?

- Не отдам.

- Дурак, да ты еще не имеешь права носить пистолет! У тебя даже разрешения нету. Тебе же не дали пистолета, когда посылали сюда. Ты еще не сотрудник. И не будешь сотрудником. Не будешь. Я тебе это твердо говорю. Ты помнишь, кто я такой?

- Не помню.

- Ну и дурак! Ох, какой тупой дурак! Ты же, наверно, сломал мне руку. Ты за это ответишь. И за то, что взял чужой пистолет, ответишь...

- Я его сдам дежурному по городу.

- Да над тобой же все будут смеяться. Над тобой и так целый месяц все смеются...

- Пусть.

- Пойдем, - тянет Усякин Воробейчика за рукав.

Но Воробейчик упирается.

- Да погоди ты, собашник! - говорит он Усякину. И опять оглядывается. Ну, слушай, Егоров. Будем мы с тобой толковать по-хорошему?

- Не будем.

- Ну ладно, - угрожает Воробейчик, - потом не плачь...

Они выходят из ворот и не спеша идут по темной опустевшей улице. Усякин и Воробейчик впереди. Усякин поддерживает Воробейчика. А Егоров шагает за ними, высоко, как журавль, подымая ногу, чтобы окончательно не оторвать подметку. Даже удивительно, что она до сих пор держится.

И еще заботит Егорова пистолет. Он сунул его в карман брюк, потому что неудобно все-таки с открытым пистолетом идти по улице, даже ночью. А вдруг он нечаянно выстрелит в кармане?

Егоров слышал, что у таких пистолетов есть какой-то предохранитель. Но где он находится, предохранитель, этого Егоров не знает. Надо было бы спросить об этом у Зайцева. Жалко, что раньше не спросил.

У Зайцева был как раз такой пистолет. Егоров его видел. И про предохранитель ему Зайцев сказал. Кажется, Зайцев. Надо было его сразу обо всем расспросить. А то вдруг сейчас ахнет пистолет прямо в кармане? Заденешь за курок или за предохранитель - и ахнет...

Егоров не боялся этого, когда схватил пистолет и зажал в кулаке, чтобы кулаком ударить Усякина. Ему и в голову тогда не приходило, что пистолет может внезапно выстрелить. А сейчас он этого серьезно опасается. Но все-таки не вынимает пистолет из кармана.

Если б Воробейчик мог угадать эти тревожные мысли Егорова, он, наверное, действовал бы по-иному. Но он, конечно, не догадывается.

Шагая по улице под руку с Усякиным, Воробейчик пытается применить психологический, что ли, способ. Хочет вроде как подольститься к Егорову, потому что другого выхода, как ему кажется, нет. Егорова не возьмешь теперь силой, а если начнешь сопротивляться, Егоров, чего доброго, действительно откроет стрельбу. "От этого психа, - думает Воробейчик, можно любую пакость ждать. Ему же терять нечего. И он злой, как взбесившийся".

Воробейчик оглядывается на Егорова.

- А ты, оказывается, здоровый. Я даже не ожидал, что ты такой здоровый...

Лесть, однако, не смягчает ожесточившееся сердце Егорова. Он молчит, будто не слышит слов Воробейчика.

Он думает о телогрейке и фуражке, оставленных там, в гардеробной, на вешалке. А вдруг все уйдут, швейцар закроет двери и телогрейка с фуражкой так и останутся там? До утра их, пожалуй, не получишь. Да и в чем пойдешь получать их утром? Неудобно вот так, во френчике и даже без фуражки, идти утром по городу. Да еще швейцар может утром начать волюнку: откуда, мол, я знаю, чья это одежда?

- Вы чего плететесь, как мухи по струне? - кричит Егоров Воробейчику и Усякину. - Идите быстрее!

У Егорова стынют уши и по спине пробегает холодок. Ведь все-таки сейчас не июль и не август.

- Ты не подгоняй нас, Илья Муромец, - огрызается Воробейчик. Подумаешь, какое геройство сделал! Своих же сотрудников подловил и ведешь, угрожаешь шпалером. Ты бандитов бы ловил, если ты такой храбрый. А своих сотрудников любой дурак может подвести...

У Егорова и руки стынют. Запястья прямо заledenели. Он потирает руки, стараясь их согреть.

А Воробейчик опять говорит, пробуя разные психологические, что ли, подходы:

- И сотрудники у нас тоже разные бывают. Одни с бандитами сражаются в открытую, жизнь свою не щадят, а другие перед начальством выслуживаются, как, например, ты, Егоров. Приведешь сейчас нас в управление и сразу выслужишься. Тебя зачислят на должность как комсомольца, а нас выгонят к такой-то матери. Тем более что я в данную минуту выпивши. Меня, конечно, выгонят. У меня до этого было два замечания. А ты займешь мою должность...

Егоров уже согрел руки. Теперь он греет ладонями уши. Он не все слышит, что говорит Воробейчик, да он и не старается его слушать. А

Воробейчик говорит и говорит:

- Все-таки, Егоров, ты плохой товарищ. Никудышный товарищ. Сволочь! С тобой пошутили сотрудники, старшие твои товарищи, а ты вдруг обозлился, как цепной кобель. Товарищи так не поступают. Мало ли какая может быть шутка! Мы же все-таки в одном учреждении служим. И тем более мы сейчас выпивши, в состоянии, как говорится, аффекта. Это даже на суде учитывается. А ты, как сволочь...

Эти слова неожиданно трогают Егорова.

- Да брось ты причитать! - кричит он, останавливаясь. - Хочешь, я сейчас отдам тебе твою пушку, и вались ты к черту...

- Давай, - ошеломленный этим решением, протягивает руку Воробейчик.

Егоров осторожно вынимает из кармана пистолет и протягивает его Воробейчику.

- А вы видите... вы видите, как вы мне френч изорвали? - показывает Егоров. - Это тоже, считается, шутки?

- Да я тебе его сам зашью, - предлагает Усякин. - Приходи ко мне хоть сегодня домой, и моя жинка тебе зашьет...

- Да не надо мне, - отказывается Егоров. - Мне и дома зашьют. Но вы все-таки, я считаю, гады. Так люди не делают, как вы со мной.

Усякин останавливается под фонарем и показывает свое лицо.

- А фотокарточку ты мне вон как исказил! Это не считается?

- Сами виноваты, - отворачивается Егоров. - Пьянчужки...

- Будешь звонить про это, как мы с тобой хотели пошутить? - спрашивает его Воробейчик.

- Для чего это я буду звонить?

- Не будешь? Дай честное слово...

- Да для чего я буду честное слово давать? - опять греет уши ладонями Егоров. - Я говорю, что не буду звонить, значит, не буду. Для чего это мне надо звонить?

- Ну, тогда держи пять, - протягивает ему непокалеченную руку Воробейчик. - А я сейчас пойду прямо в больницу, в приемный покой. Пусть поглядят, что у меня в руке. Может, правда, перелом? Сильно ноет. Просто терпения никакого нет...

Егоров возвращается в казино. Он теперь почти рад, что все так в общем хорошо закончилось.

Действительно, это было бы глупо, если б он привел Воробейчика и Усякина в дежурку. Можно было бы подумать, что он правда хочет выслужиться перед начальством и что он плохой товарищ. С ним

пошутили, хотели проверить, какой он, пугливый или нет. Ну и вот, проверили.

Жалко только, что карман оторвали. Катя будет ругаться, но ничего, пришьет. Немножко посердится и пришьет. Не с мясом же оторвали.

Егоров еще раз в гардеробной осмотрел карман. Нет, ничего, это можно пришить. Но что с подметкой делать? Опять идти, по-журавлиному подымая ногу? Да еще, чего доброго, и потеряешь на улице подметку. Пожалуй, ее лучше оторвать.

Егоров так и сделал - оторвал подметку и спрятал в карман.

Ноге стало холодно на холодном глянцеви́том полу, выстланном разноцветными керамическими плитками. Но Егоров этого не замечал. Он не замечал и озноба и того, что у него горят и ноют уши.

Торопясь, он оделся и снова вышел на улицу. Как же ему теперь быть? Рассказать ли обо всем Журу? Или не рассказывать? Рассказывать или не рассказывать? Ведь он пообещал Воробейчику "не звонить".

Уши у него сперва горели и на улице. Потом стали остывать и, наконец, снова зазябли. Ветер слишком сильный, как в ту ночь, когда они ездили на операцию в Грачевку. Нет, ветер, пожалуй, еще сильнее, чем тогда. И ветер как будто свирепеет.

Егоров греет уши ладонями и опять невольно вспоминает, как еще сегодня собирался купить шапку, за счет этих лошадок хотел разжиться. Хотел разбогатеть. И уже в мыслях был богатый. Уже делил деньги - сколько дать Кате и сколько оставить себе. А потом его пожалел нэпман...

Егоров плюнул, вспомнив жилистый нос нэпмана и вздрагивающее на носу пенсне.

Он шел по улице очень быстро. Оторванная подметка лежала в кармане, а ноге было нестерпимо холодно. Почти голой ногой, в одной портянке, приходилось ступать на застывшую слякоть тротуара. Уж скорее бы дойти! И тут совсем недалеко до угрозыска. Но это недалеко, когда идешь хорошо обутый...

21

Жур сидел в дежурке один. Он что-то записывал левой рукой. Егоров вошел почти бесшумно и остановился у дверей, как бы стараясь не помешать Журу. Но Жур вдруг поднял на него веселые глаза и, точно ему уже все известно, сказал:

- Так, так. Значит, вот так и заканчиваешь свой испытательный срок?

Егоров вновь с особой остротой почувствовал себя виноватым.

- Никаких происшествий не было, - пожал он плечами, словно стараясь все-таки хоть как-нибудь смягчить свою вину.

- А что ж ты такой унылый? - улыбнулся Жур. - Ты же не виноват, что не было происшествий. Мы же сами их не делаем. Стараемся не делать...

- Нет, я просто так, - опять пожал плечами Егоров.

Жур продолжал улыбаться.

- Деньги казенные не проиграл?

- Нет, что вы! Они при мне. Вот, пожалуйста...

Жур взял смятую трехрублевую бумажку, разгладил ее пальцами на столе, прочитал номер кредитки. Задумался. Потом опять улыбнулся.

- Что же не сыграл на казенные? Они, говорят, счастливые...

Егоров молчал.

- Не хотел, что ли? - допытывался Жур. - Боялся рисковать?

- Не в этом дело, - сказал Егоров, готовый признаться Журю во всем, во всех своих помыслах. Но не знал, как начать. И, затрудняясь, повторил: Не в этом дело...

- Не в этом, - подтвердил Жур. - Это ты правильно говоришь, не в этом. Я тоже точно так считаю.

Егоров все-таки хотел признаться Журю в том, как он чуть было не соблазнился. Надо сказать, как встретил у кассы будто знакомого нэпмана. И зачем сам подходил к кассе, тоже надо сказать.

Егоров начал уже рассказывать, как смотрел на механических лошадок. Но на столе зазвонил телефон. Вот он всегда тут звонит в самое неподходящее время. И так будет, может быть, постоянно.

Жур снял трубку.

- Хорошо, - сказал он в трубку, - хорошо, сейчас прищем. - И повесил трубку. - Вот что, Егоров, ты можешь сейчас съездить на Голубевку?

- Могу. Отчего же я не могу? Сейчас?

- Сейчас.

Егоров посмотрел на свой башмак без подметки.

- Только я, Ульян Григорьевич, должен на минутку выйти...

- Выйди, конечно, выйди, - засмеялся Жур. - Законное дело...

Жур не понял Егорова. Умный, сообразительный Жур, а все-таки не понял.

Егоров надеялся найти в коридоре веревочку или лучше проволоку и хоть как-нибудь прикрепить подметку. Нельзя же так ехать на происшествие. А сообщить Журю об аварии с башмаком не решился. Жур, чего доброго, тогда скажет: "Ну, в таком случае не езд". И так никогда для Егорова не кончится испытательный срок.

В коридоре, на свое счастье, Егоров встретил Зайцева, вернувшегося с происшествия. Зайцев, узнав, в чем дело, сперва захохотал, потом

моментально достал, словно из земли вырыл, моток проволоки, не очень толстой и не очень тонкой, как раз такой, какая нужна. И Егоров тут же, в коридоре, стал не только прикреплять оторвавшуюся подметку, но и укреплять еще не оторвавшуюся.

- Ты смотри-ка, Егоров, у тебя и карман оторвался, - заметил Зайцев и опять захохотал. - Ты что, в переделке был?

- Да так, глупость одна получилась, - смутился Егоров и пошел в дежурку, где, наверно, уже сердится Жур.

- Ты погоди, - задержал его в дверях Зайцев. - Ты Воробейчика на "Золотом столе" не видел?

- Видел. А что?

- Я хотел тебя предупредить, но не успел. Они хотели тебя разыграть. Для этого и послали на "Золотой стол", выбрали вроде легкое задание. Я слышал, они тихонько сговаривались в дежурке, Воробейчик и Усякин. Ты Усякина не видел?

- Видел.

- Ну вот, они сговаривались, чтобы тебя разыграть. Они многих тут разыгрывают новичков. Я хотел тебя предупредить, но не успел. Значит, они тебя разыграли?

Егоров утвердительно мотнул головой.

- Ну и как? - спросил Зайцев.

- Ничего. Вот видишь, карман оторвали...

- А ты?

- А я ничего.

- Жалко, что они не на меня напали, - сокрушенно пожалел Зайцев. - Я бы им показал кузькину маму... Не Воробейчику - он мужик в общем неплохой, а этому Усякину. Он дрессирует тут служебных собак, ну и пусть дрессирует. А комсомольцы - это ему не служебные собаки. Я бы его сразу отучил от этих штук...

- Он больше, наверно, не будет разыгрывать нас, - сказал Егоров. - Я думаю, что он больше не будет. Это они еще по старинке делают...

- Но тебя-то они правда разыграли?

- Разыграли, - опять мотнул головой Егоров.

- А как? - загорелся Зайцев. - Ты расскажи мне все подробно. Воробейчик был в маске?

- Ага.

- Я видел у него эту маску на столе. Вот такие большие глаза. И фосфором намазанные, чтобы светились в темноте. Это действительно можно испугаться с непривычки. А Усякина ты раньше не видел?

- Никогда.

- Усякин - он и без маски страшный, - засмеялся Зайцев. - Он походит на сумасшедшего. Я его сам тут, в коридоре, чуть не испугался, когда увидел в первый раз. Он многих пугает. Ты мне расскажи, как это они начали тебя разыгрывать. Я сам хотел пойти за тобой на "Золотой стол", чтобы тебя предупредить и посмотреть. Но меня Жур послал на происшествие. Я уже сегодня на два происшествия съездил. А мне было бы интересно посмотреть, что они с тобой будут делать...

- Ты понимаешь, я дал слово никому про это не рассказывать, - вздохнул Егоров. - Тебе-то, конечно, можно. Но меня сейчас вызывает Жур...

В дежурку он вошел заметно повеселевший. Все-таки это большое дело хорошо укрепить подметки.

Жур сказал ему, куда ехать, как ехать и кого взять с собой.

- Да, еще вот что, самое главное: я тебя так и не успел поздравить, остановил Жур Егорова уже в дверях. - Ты приказ-то видел?

- Какой?

- Да вон висит. С нынешнего числа ты зачислен в штат...

- А Зайцев как же?

- И Зайцев зачислен. Я его еще час назад поздравил. А тебя не успел. Поздравляю. - И Жур протянул ему левую руку.

- Спасибо, - сказал Егоров очень тихим голосом, стараясь не выказать радости. Да и радость как бы не дошла еще полностью до его сознания.

Никогда не думал он, что это долгожданное событие произойдет так просто. Ему казалось, что его еще долго будут испытывать, проверять. А вот, оказывается, уже проверили и вывесили приказ. И наверно, сам Курычев подписался.

Егорову хотелось своими глазами прочитать приказ. Но он не мог задержаться. Надо было ехать.

- Поздравляю, - повторил Жур. - Это очень приятно, что ты уже закончил испытательный срок. Но все главные испытания впереди. Нас теперь с тобой будет испытывать сама жизнь. До самой смерти, однако, будет испытывать. Со всей строгостью...

Жур еще что-то говорил, но Егорова сильнее всего тронули слова "нас с тобой".

Жур, казалось, приобщал его этими словами к чему-то необыкновенно значительному и важному - более важному, чем уголовный розыск, куда так старался поступить Егоров. Вот он и поступил. Но это еще не все. Далекое не все.

Жур вышел с Егоровым во двор.

Во дворе уже трещал, кряхтел и пофыркивал старенький автобус "Фадей".

- Ты сейчас едешь, Егоров, на происшествие в первый раз не как стажер, а как работник. Ты это учти, - сказал Жур во дворе. - Вся ответственность на тебе. Кузнецов и Солдатенков должны слушать тебя. Я их предупредил. Ну, счастливо тебе, Саша...

Автобус уверенно зафыркал и, медленно набирая скорость, выехал из ворот в темную ветреную ночь.

Переделкино, ноябрь 1955 г.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)